

(((СОНАР)))

№ 11, 2023 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль

В редколлегии (((СОНАР))) все редакторы главные.

Марина Симкина

Эйтан Адам

Анжела Беленко

[Борис Годин]

Анатолий Анимица

Оглавление

Жан-Клод Паскаль. Красивая маска	4
Часть вторая (<i>продолжение</i>). Иллюзии тоже умирают.....	4
Ирина Лир. Тетраэдр.....	40
Грань вторая. Музей (<i>окончание</i>)	40
Эйтан Адам. Волки	85
С эсперанто по жизни (из сборника «Просто Ефим»).....	130
Ефим Зайдман	131
Ефим Богомольный. Памяти Ефима Зайдмана	139
Геннадий Котлов. Рассказы о былом (эпизод в крымском спортивном походе).....	141
Анатолий Анимица. Ефим Зайдман – краткие встречи	145
Владимир Аролович. Стихи.....	148
Игорь ЛеШ. Легко ли быть (рядом с) Богом.....	154
София Шегель. Вера, Надежда. Любовь?.....	156
Борис Полищук. Исцеление.....	168
Марина Симкина. Доброе слово. Стихи.....	190
Леонид Диневиц. Радар.....	194
Мargarита Шпунтова, Александр Шпунтов. Бумажные шедевры из собрания Черниговского исторического музея: попытка осмысления и реконструкции.....	198
Об авторах, художниках и редакторах	218
Галерея (((СОНАР)))	225
Альберт Ноткин.....	225

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Мнение авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии.

Эл. адрес редакции: rougelangue@gmail.com .

Номера журнала: https://bit.ly/SONAR_JOURNAL (*case sensitive*).

В оформлении обложки использованы картины Альберта Ноткина.

На 1-й странице: «Велико Тырново».

На 3-й странице: «Автопортрет».

На 4-й странице: «Лесные цветы».

**С глубоким прискорбием
сообщаем, что 18.10.2023
скончался наш коллега**

Борис Годиш

**Редколлегия журнала
СОНАР**

Жан-Клод Паскаль

Красивая маска

Перевод Аллы Герценштейн. Первая публикация на русском языке.

В №№ 6–8 за 2022–23 гг. мы уже публиковали первую часть воспоминаний Ж.-К. Паскаля. По просьбам читателей мы продолжаем публикацию.

Часть вторая (продолжение)

Иллюзии тоже умирают

Глава одиннадцатая

«Рим – единственный объект моего... удовольствия»¹. Да, это плагиат из Корнеля, но я изменил одно слово и это слово меняет все. Какое «негодование» я мог бы испытывать по отношению к этому великолепному городу? Рим – единственный объект моего любопытства, моего восхищения, моей радости, моих удовольствий. Я счастлив, как ребенок, который разворачивает подарки у новогодней елки. Все для меня сюрприз и волшебство: солнце, краски, формы, воздух, фонтаны, жизнь. Мне кажется, что все поет вокруг. Сердце и разум ликуют, я широко раскрываю глаза, я хочу все изучить, я ненасытен.

Я был прекрасно встречен постановочной группой фильма «Четыре красные розы». Был большой обед, очень элегантный, во время которого я познакомился с моими будущими партнерами. Ольга Вилли, высокая молодая брюнетка с глазами цвета агата и с голосом, который журчал и ворковал без конца. Можно было подумать, что она поет вокализы, а не говорит... немного по-французски. (В фильме она играет и, действительно, поет тоже.)

Фоско Джакетти, с лицом четким и драматичным. Это известный актер, он будет играть роль злодея и употребит все способы, чтобы

¹ Ressentiment – у Корнеля, что означает «ненависть, обиду, злопамятство». Contentement – удовольствие.

«убить» любовь, которую я буду испытывать к мадемуазель Вилли. Есть еще Капучине¹, она француженка, молодая, хорошенькая и забавная. Манекенщица в прошлом, это будет ее первый фильм. Мы прониклись симпатией друг к другу сразу же. Во время съемок мы будем часто заходить с ней в разные трактиры, разбросанные в городе на каждом шагу. Она еще не знает, что в один прекрасный день она улетит в Голливуд, где будет сниматься во многих фильмах, в том числе с Дирком Богардом², и еще не догадывается – я думаю – о большой любви к Уильяму Холдену³. Через тридцать лет я встретил ее в Швейцарии, она там жила. Но мы не беседовали с ней на тему о том, что время прошло.

Я не буду рассказывать вам сценарий – я его не помню. Это была драма в костюмах начала века. До съемок состоялась фотосессия.

Несмотря на то, что фильм черно-белый, нужно было изучить макияж. Главный оператор и режиссер должны были подобрать правильный тон для лица – слишком светлый или слишком темный. Что касается меня, то это был не только цвет лица! Режиссер М. Нунцио Маласомма во время этих знаменитых проб заметил, что у меня – и это правда – оттопыренные уши. Он сделал из этого целую драму. Еще немного, и у меня развились бы комплексы.

Это был маленький человечек, обладатель гнусавого голоса. Одежда бесцветная, формы неопределенные, волосы с перхотью, зубы серые, в нем было мало того, что может нравиться. Как это часто бывает у людей небольшого роста, он думал дополнить отсутствующие сантиметры, демонстрируя голосом, исключительно неприятным, свою власть. Тон был сухим и резким, и весьма невежливым. Но вернемся к моим ушам. Он решил просто их приклеивать при помощи липкого пластыря, который наклеивался перед каждой съемкой. Эта идея мне не понравилась. И я

¹ Carucine (1928–1990) – французская модель (Живанши, Кристиан Диор) и актриса. Близкая подруга Одри Хепберн. Фильмы «Розовая пантера» 1963, «Шеллест» 1955, «Блеф» 1979 с Челентано, «Мадемуазель де Пари» 1955 и многие другие.

² Дирк Богард (1921–1999) – английский актер и писатель. Фильмы «Смерть в Венеции» 1971, «Ночной портье» 1974.

³ Уильям Холден (1918–1981) – американский актер, звезда Голливуда 50-х. «Сансет-бульвар» 1950 с Глорией Свенсон, «Сабрина» 1954 с Одри Хепберн.

сказал об этом. Он не захотел ничего слушать, настаивая на своем решении. Когда кончились аргументы, я ему заметил, что оттопыренные уши Кларка Гейбла не помешали ему сделать карьеру. Он сухо парировал мне, что я не Кларк Гейбл. Это точно. Но я был слишком упертым, и у меня было страстное желание ему ответить, что он, безусловно, не был Лукино Висконти! Я ему, конечно, этого не сказал по простой причине: будучи режиссером, он имел почти все права, и мы должны были терпеть друг друга, он – руководить, а я – подчиняться в продолжении нескольких недель.

Этот разговор определил качество наших отношений еще до первого дня съемок, (которые длились два месяца). Определенно, мы не выносили друг друга взаимно! Что не очень славно, когда работаешь вместе! Ладно, пропустим это. Я никогда не видел этого фильма (я не знаю, впрочем, сколько народу посмотрело его, когда он вышел в Италии). Во Франции он никогда не демонстрировался. Я не уверен, что мои соотечественники-синефилы очень пострадали от этого.

Кроме съемок фильма, много разного происходило в Риме в конце августа 1951. Я не был единственным актером-французом, который работал на студии в Вечном городе, совсем наоборот. Тогда была мода больших совместных производств. Комедии, драмы, исторические фрески и различные ремейки, – все было поводом для кино. Те, кто выбирал актеров для этих фильмов, должно быть, получали точные указания, чтобы собрать на одной площадке достаточное количество иностранных актеров. Студии были похожи на Вавилонскую башню.

Вообразите сцену, где собраны вместе артисты, из которых каждый говорит на своем родном языке (не очень удобно следовать за текстом коллеги, если ты не полиглот). Было в порядке вещей увидеть вместе немку, англичанина, француза, итальянку или двух испанцев и, верх роскоши, одного американца или одну американку. И нужно было, чтобы весь этот состав выглядел естественно, играя при этом, но никто не понимал ни единого слова из того, что ему рассказывал его партнер. Нет, я вас уверяю, что это не шутка. Самое удивительное, что режиссер, казалось, следит за развитием сцены. Он понимал или делал вид, что понимает, и съемка продолжалась без видимых затруднений.

Очевидно, что затем все артисты были дублированы, и каждая страна после синхронизации предоставляла интегральную версию, где каждый (наконец) говорил на одном языке. (Я сам себя однажды увидел и услышал много лет спустя в Токио, где я бегло говорил по-японски. Прошу поверить, что это производит забавный эффект!)

На западе от «Эксельсиора», на виа Венето, немного вверх по ней, находится «Отель де Виль». Из его окон видны великолепные лестницы, спадающие каскадом к площади Испании, напротив виа Кондотти. В этой резиденции, не менее роскошной, чем «Эксельсиор», обитают среди прочих два француза. Один – это Даниэль Желен¹, другой – Анри Видаль². Первого я знаю едва, намного больше второго.

Однажды сентябрьским вечером, когда я в сопровождении Капучине заканчивал обед в ресторане «Тре Скалини» на площади Навон, я заметил идущего в нашем направлении Даниэля Желена в обществе очаровательного создания. (В Париже, в Риме и в других местах Даниэля всегда сопровождали очаровательные создания.) Я помахал ему рукой. Он подошел и был рад меня увидеть. Нет ничего странного, что французы за границей, особенно мы, бродяги, радостно находим друг друга, как будто мы спаслись от чего-то и оказались изгнанниками среди племени зулусов.

Короче, рукопожатия, улыбки, все садятся. Вечер продолжается, как если бы мы были всегда знакомы. Шутки, смех, смешные байки следуют друг за другом. Мы молоды, успешны, снимаемся – жизнь прекрасна, мы развлекаемся. Мы пользуемся настоящим моментом, не сдерживая себя. У нас нет других занятий. Мы живем, и мы счастливы жить этой жизнью. К черту завтра! Допустим, что мы думаем о нем, но мы его

¹ Даниэль Желен (1921–2002) – французский актер театра и кино. Начиная с 40-х звезда кино в ролях первых любовников. «Новая волна» забывает о нем. Всплеск популярности с 1965, а в 70-х успех в ролях второго плана. Отец знаменитой актрисы Марии Шнайдер (1952–2011). «Последнее танго в Париже» 1972 с Марлоном Брандо.

² Анри Видаль (1919–1959) – французский актер театра и кино. Дебютирует в кино в 1941 рядом с Эдит Пиаф «Монмартр на Сене». Один из великих актеров своего поколения. Умер скоропостижно от сердечного приступа. «Мерзавцы попадают в ад» 1955, «Будь красивой и заткнись!» 1958, «Потанцуете со мной?» 1959 и многие другие.

видим еще прекраснее и голубее, чем сегодня. Все грядущие дни, все завтра голубого цвета. В двадцать пять чувствуешь себя вечным. И ты не знаешь даже, что есть еще и серое. Как это серое? Оно разве существует?

Площадь Навона влияет, может быть, на наши умы, настолько она необыкновенна. Эта удивительная площадь имеет овальную форму. В глубине слева различаются последние отсветы летних сумерек. Часть стены горит, как в огне, она как бы выкрашена в цвет шафрана. Уже зажигаются огни вокруг. Восхитительные фонтаны Бернини. Нептун, дельфины и сирены, тритоны и наяды, кажется, развлекаются под своими каменными телами. Фонтаны в Риме поют, как нигде в мире.

Даниэль все еще здесь. Но вот уже несколько минут, как мы стали смеяться меньше. Это потому, что солнце садится? Я думаю, что это потому, что настроение Желена внезапно изменилось. Мне кажется, что я угадал. Я редко встречал лица такой удивительной подвижности, настолько изменчивое в своем выражении. Через секунду у вас ощущение, что перед вами кто-то другой. Его темные глаза могут очаровывать, улыбаться, танцевать, смеяться, а потом что-то происходит, неизвестно что и почему, и зрачок становится трагическим, как бы обезумевшим от какого-то внутреннего видения. Следующее мгновение стирает это беглое впечатление, и перед вами снова большой ребенок, готовый «смеяться и шутить».

Расписание итальянских съемок в те времена были довольно причудливыми. Наши трансатлантические соседи были не в состоянии соблюдать хоть какой-то режим работы. Так как в наших контрактах не оговаривалось ничего определенного на эту тему, мы должны были склониться к обычаям страны и фантазиям режиссера. Так, рабочий день, начавшийся около девяти утра, мог быть внезапно прерван без видимых причин в два часа дня. Тогда машина компании отвозила вас в отель, а по дороге вы узнавали, что они заедут за вами в девять вечера, а может быть и в два часа ночи. Случалось, что меня будили среди ночи телефонным звонком. Руководство фильма тогда предупреждало, что машина заберет меня два часа спустя.

Этот хаотичный и непредсказуемый метод работы не позволял нам как-то планировать наши свободные часы. Двадцать раз я пытался

встретиться с Анри Видалем, но так как у него был такой же режим работы, как у меня, и мы были неспособны назначить время встречи. Мы не жили в одном отеле и снимались на разных студиях, расположенных в разных концах города, у нас было разное расписание, и нам никак не удавалось поговорить. Случай нас столкнул. Была – да и сейчас, наверное, есть – на другом берегу Тибра целая группа ресторанчиков, где можно попробовать разные деликатесы – итальянские, естественно – в сопровождении местного холодного белого вина. «Лориветто» и «Фраскати» пьются легко, особенно когда жарко, когда хорошо и когда испытываешь необходимость расслабиться и насладиться. Попадаешь в эти места мощными улочками, которые карабкаются, пересекаясь, через крохотные площади, придуманные как будто специально гениальным дизайнером. Освещение странное и является частично ответственным за впечатление осязаемой нереальности. Гуляешь в декорациях, которые бы одобрил Кристиан Бэрар и другие замечательные художники.

На старых, грязных стенах цвета беж и цвета охры висит белье и тряпки, которые драпирует ветер и художественно их располагает. И больше ничего. Все естественно. От этого исходит особый шарм, неотразимо вас соблазняющий. Вдруг возникают озабоченные кошки, разгуливающие по улочке. Они преследуют друг друга, громко выясняя отношения. Наверху, где-то под крышей из старой черепицы, «мамма» резко разбирается с непослушным хныкающим «бамбино». Мяуканье и крики смешиваются на какой-то момент, а потом снова наступает относительная тишина. Слышен только звук шагов по старой мостовой.

Эти ресторанчики не отличались внешней привлекательностью. Они выходили прямо на дорогу. Нужно было спуститься на две-три ступеньки, чтобы войти в зал ресторана. А там царствуют шум, гам, движение, смех, хорошее настроение и радость. Над теми, кто ужинает, парят аккорды гитары или мандолины. Почти всегда музыкант в углу напевает старый романс по просьбе иностранных туристов в экстазе от непривычной обстановки.

В этой неподражаемой атмосфере я очутился вдруг однажды вечером нос к носу с Анри Видалем. Мы бросаемся друг другу в объятия, счастливые, как братья по оружию, которые давно не виделись. Анри все

такой же. Прекрасный образец мужской красоты. Кино и пресса не уставали подчеркивать гармоничные пропорции и олимпийскую мускулатуру, что его слегка нервировало. У него светлые глаза, два лезвия цвета морской волны, жесткие каштановые волосы, прямой лоб, густые брови, мощный подбородок и рот, который говорит о чувственности и всех формах гурманства. Он смеется откровенным смехом, иногда нервным. Если не считать его взгляда, можно подумать, что имеее дело с бонвиваном¹, довольным своей физической формой, красотой и обреченным жить искателем новых удовольствий. Вот только... у него был взгляд. Наблюдая радужную оболочку этих глаз цвета аквамарина, можно было найти там скрытые бури, о которых он не рассказывал или говорил мало, или говорил о них потом, когда чувствовал себя уверенным, когда холодное вино в хорошей компании развязывало языки. Это бывало редко. Анри предпочитал хранить свои тайны.

Он счастлив, это ясно. Признанный актер, любимый толпами, он, кроме того, женился на одной из самых красивых женщин французского кино: Мишель Морган². Ну, нет! «Это не совсем то!» Чего-то не хватает. Я знаю, о чем речь, он мне говорил об этом, но чего я еще не знаю пока, что я, в свою очередь, буду задет тем же феноменом.

В 1938 Анри получил титул «Аполлона Лазурного берега». Когда он был совсем молодым, ему льстила эта победа, но он и не предполагал, что эта этикетка будет преследовать его всю его карьеру. Он почти вышел из нее, когда снимался под руководством Рене Клемана в роли медика, взятого в плен нацистами в фильме «Проклятые» 1947. К несчастью, не он, а Мишель Оклер³ стал настоящей находкой в этом фильме. Анри

¹ Бонвиван – повеса, гедонист, сибарит, эпикуреец, гурман.

² Мишель Морган (1920–2016) – легенда французского кино. Дебютировала в 1935. Фильм «Набережная туманов» 1938 с Жаном Габеном делает ее международной звездой. В 40-х она в США. В 1946 М. М. возвращается во Францию. С 1948 по 1958 снимается у самых великих режиссеров. После смерти Анри Видаля она становится женой Жерара Ури. Фильмы – «Большие маневры» 1955 с Жераром Филипом, «Мужчина и женщина: 20 лет спустя» 1986 и другие.

³ Мишель Оклер (1922–1988) – актер театра и кино. Дебютирует в кино в 1946. В 50-х, 60-х, 70-х он появляется в различных международных лентах, например, с Фредом Астером и Одри Хепберн.

глубоко переживал, что у него не было до сих пор возможности доказать свой драматический талант. Он был искренен. Мне казалось, я его понимал, когда он вздыхал и думал, что он приговорен играть еще долго роли «мускулистых жиголо»¹ или «прекрасных монументальных бесхарактерных» статуй. Он был, тем не менее, красив, как полубог, в роли гладиатора в «Фабиоле». Он не смог показать другие качества, не те, которые продюсеры и режиссеры хотели от него. Он был задет.

Я узнал эту двойственность немного позже. Мне это тоже не показалось забавным. Но в Риме я еще этого не понимал. У молодости нет времени размышлять. Она шагает вперед. Иногда мы сидели в этом ресторанчике и переделывали мир кино, прерывая наши дружеские противоречивые высказывания глотками изысканного белого вина. Мы от души развлекались. Завтра было воскресенье или праздничный день, мы были уверены, что можем продолжать. Ночь была нашей.

Люди, которые были с нами, давно ушли, им надоело видеть себя выключенными из нашего разговора вдвоем. В ресторане еще кто-то был. Мы не были одиноки среди запоздалых клиентов. В глубине зала музыкант тихонько напевал для себя самую старую мелодию, сопровождая на гитаре. Было хорошо. Было жарко. Мы вкусно поужинали, вдоволь посмеялись и хорошо выпили. Спать не хотелось.

За столиком в углу сидело четверо. Только теперь мы поняли, что они уже давно нас рассматривают, очень внимательно и слегка улыбаясь. Переглянувшись и подняв брови от удивления, мы вернулись к нашему оживленному разговору, не заботясь об этих четырех за столом. Приближалась ночь. Мы этого не замечали. Гитара все еще играла. Кто-то подошел к нашему столику. Это был хозяин заведения. Мы предполагали, что он скажет нам, что он закрывает «лавочку», и мы уже были готовы ему объяснить, что нам здесь так хорошо и мы хотим заказать еще что-нибудь выпить...

Но это было совсем другое. Патрон на очень приблизительном французском пытался нам сказать, что те месье в глубине зала – наши почитатели, они были бы рады выпить в нашей компании. Мы с Анри снова

¹ Жиголо – молодой любовник дамы в летах, сутенер.

переглянулись. Мы в нерешительности. Мы кидаем быстрые взгляды в их сторону украдкой, чтобы постараться оценить этих людей. Кто они?

Нет ничего сомнительного в их поведении, ничего неприятного в их полуулыбках. Они одеты, как все, или почти как все. Одежда немного светлее обычного, обувь немного более остроносая, галстуки светлые на фоне темных рубашек. Но ничего неприятного в их лицах, скорее симпатичных, они не выражают ничего, кроме какого-то жадного восхищения. Им примерно по сорок и их прочные широкие плечи скорее напоминают полицейских в гражданском или охранников. Нет изнеженности в их жестах. Впечатление, которое от них исходит, позволяет думать, что у них нет никакой задней мысли, точной и особенной, по нашему поводу.

Так как наш осмотр не был отрицательным, мы с улыбками согласились выпить в их компании. И вот они уже тут. Сидят рядом, окружая нас своей мощной массой, а их лица выражают явное удовольствие. нас всего шестеро в ресторане. Патрон испарился, а гитарист к нам подошел. Мы пьем, поем и говорим бог знает о чем. Ледяное вино и жара располагают хлопать друг друга по спине и хохотать. Мы с Анри выпили очень много. Новые друзья немного меньше. Это точно. Разговор трудный. Они говорят по-сицилийски, вставляя редко французские слова. Гитарист исчез. Смех стихает, а стаканы остаются наполненными до половины. Мы устали. Переглянувшись, Анри и я решаем, что пора уходить. Не успели мы показать жестами, что мы хотим уйти, как все четверо вскочили. Двое из них направились к входной двери, другие бросились отодвигать стулья, чтобы освободить нам дорогу к выходу.

Мы ищем патрона глазами, чтобы расплатиться. Напрасно, его нет, действительно. Наши четверо друзей дают нам понять, что это неважно, и увлекают нас к двери. У меня неприятное ощущение, что инспектор полиции ведет меня в комиссариат. У Анри то же самое, это точно, он чувствует так же. Но вот мы на улице. Светло. Время остановилось. Анри и я, мы покачиваемся на ногах. Или это свет так действует на нас? Нам трудно держать равновесие. Наши четыре охранника (пора уже об этом сказать) превращаются в санитаров и поддерживают нас с улыбкой. Не останемся же мы тут в ожидании. Чего нам ждать? Мы хотим вернуться в наши пенаты как можно скорее, и наша единственная цель – рухнуть на

подушку, каждый на свою, как на спасательный круг. Четыре мушкетера ждут, как будто какого-то сигнала.

Анри кидается в воду, если можно так сказать, и старается объяснить частично устно, частично жестами, что мы хотим вернуться «а каза». Его поняли. Один из них кричит: «Марио!» Как по волшебству от стены отделяются два крепыша. Наши охранники говорят между собой. Через три минуты появляются два прекрасных автомобиля и останавливаются перед нами. Мы ошарашены, мы не понимаем, откуда они взялись: из сказки Перро или из шпионского детектива? Они здесь, сверкающие, моторы шуршат, работают тихо. Я плаваю в нереальности, это действие белого вина, но мне кажется, что непроизвольно я участвую в съемке фильма из черной серии. Мушкетеры нам мило намекают, что они будут нас сопровождать.

Мы рассыпаемся в приторных благодарностях. Наши новые друзья не хотят с нами распрощаться, не заполучив обещания быть приглашенными на ужин в следующую субботу. Мы настолько измучены, Анри и я, что пообещали бы все, что угодно. Да, мы согласны встретиться вновь в следующую субботу, да, да, как они хотят, и в ту самую минуту, но мы их умоляем, чтобы сейчас они нас отвезли.

Наши четыре охранника изображают радостные улыбки и объявляют, что они за нами заедут в отель в восемь вечера в следующую субботу. Ну да, ну да, это так. Рандеву назначено, нас увлекают к дверцам автомобилей. Нас разлучают. Анри увозят на заднем сидении величественного авто бледно-голубого цвета, а меня транспортируют в черном лимузине, дверцы которого защелкиваются. Во время движения в отель «Эксельсиор», я боролся с собой, чтобы не уснуть на удобной банкетке, тесно прижатый двумя гориллами. Казалось, что я был арестован. Забавное впечатление. Ну, и влипли мы! Добравшись до моего номера неверным шагом, я повалился на кровать. Моей последней сознательной мыслью было: «Как там Анри?», – я с ним даже не попрощался.

Следующая неделя проходит нормально. Мне не удалось пока встретиться с Анри, как и ему со мной – каждый снимается в своем фильме.

В субботу автомобиль компании привозит меня в «Эксельсиор» к

семи тридцати. За мной приедут в понедельник в шесть утра, чтобы снять на натуре. Я еще в душе, когда слышу звонок телефона. Бегу ответить еще мокрый. Это Анри.

– Алло...это ты?

– Да.

– Как ты?

– Хорошо, а ты?

– Все хорошо. Скажи...

– Да?

– Они здесь!

– Кто?

– Эти типы!

– Какие типы?

– Ну... типы из «Трастевере»!

– Из «Трастевере»?

– Не будь идиотом... Четыре типа, которые отвозили нас в прошлую субботу...

– Ах, да! И что?

– Что, что. Они здесь. Они приехали за нами.

– Черт! Я совсем забыл.

– Да... А они нет. Двое в холле отеля и уверяю тебя, что двое других ждут тебя внизу.

– Это невозможно!

– Это не только возможно, это правда!

– Что будем делать?

– Что бы ты сделал?

– Я не знаю...

– Я думаю, что это не те парни, от которых так просто отделаться.

– Тогда каков наш план? Что мы делаем?

– Ничего. Едем.

–Куда?

– Мне бы тоже хотелось знать.

– О... нет никакой опасности, я думаю...

– Это, старик, никому неизвестно. Я их не знаю, этих типов...

– Я тоже!

– Да, конечно.

– И так?

– Я считаю, у нас нет выхода. И потом... чем мы рискуем? А? Они же не будут нас насиловать!

– Ладно. Тогда поехали.

– Да, поехали.

– Но... мы даже не знаем, куда.

– Нет.

– Ладно. Встретимся внизу.

– Да, хорошо.

– Вот так история!

– Да уж... Когда ты будешь готов и встретишься с ними, позвони мне сказать, что ты отправляешься. А я скажу своим, что жду твоего звонка. О.К.?

– О.К.

Сказано, сделано. Мои гориллы увозят меня на черном лимузине в неизвестном направлении. Эта прогулка скорее напоминает похищение. Не могу сказать, чтобы я был спокоен, но мои охранники не были похожи на кого-то, кто что-то замышляет. Они улыбались и время от времени хлопнули меня по ляжкам. Мы обменивались звукоподражательными фразами, которые ничего не значили. Мы уже миновали пригороды Рима, и вот уже несколько минут автомобиль скользил среди деревни, среди сосен и кипарисов. Я нервничал. На самом деле я не очень понимал, в какую игру мы играем. Чего от нас хотят? Чего от нас ждут? Я воображал Анри в другом автомобиле, где он обменивается глупыми улыбками и получает такие же шлепки по ляжкам. Но это ничего не меняло. Мы продолжаем ехать. Эти месяцы переговариваются между собой веселой скороговоркой на языке, местами похожем на итальянский, но с чем-то, что более или менее деформирует произнесение слов. Я не знал, ни где я, ни куда я еду, ни с кем, ни почему. В конце концов я спросил себя, я ли это, и беспокойство поселилось в моей голове.

Большой поворот. Остановка перед монументальной решеткой, которую только что открыли два сторожа. Тормозим. Решетка

закрывается за нами. Лимузин движется через великолепный ухоженный сад. Автомобиль останавливается у портика. Меня приглашают выйти. Я это делаю, поднимаюсь на несколько ступенек лестницы и оказываюсь в огромном салоне, где собраны ковры, статуи, гобелены, картины и старинная мебель, хрустальные люстры, консоли из мрамора и позолоченного дерева. Повсюду букеты цветов. Все предметы хорошего качества, но их слишком много, как в антикварной лавке. Человек тридцать мужчин разговаривают, пьют, передвигаются по комнате. Им 40-50 лет, они расслаблены и демонстрируют успокаивающее хорошее настроение.

Сидя, или скорее развалившись среди горы подушек огромного канапе, со стаканом виски в руке, я замечаю Анри. Он улыбается и делает мне знак рукой. Вы можете мне не поверить. Анри, увы, уже не может подтвердить правдивость этой истории.

Мы не попали в общество сумасшедших, ни в общество гомосексуалов. Это совсем не то. Речь идет о банде. Банда, которая является частью некоего сообщества, которое позволяет себе праздновать в небольшом составе то, что в их глазах является необыкновенным подарком: актеры французского кино. Голова Анри была тогда более популярна, чем моя, но, должно быть, я им понравился, и поэтому я разделял все преимущества, которые наши хозяева подготовили для нас со всей щедростью и данью уважения.

Уверяю вас, я ничего не придумываю. Это «господа», которым я предпочитаю не давать других определений, которые бы больше соответствовали их деятельности, вели себя с трогательной добротой.

Им льстило, что мы были здесь, они радовались, как мальчишки, что им это удалось. А мы, объекты их постоянного внимания, мы должны были вести себя, как «дивы», которым воздают заслуженные почести. Если бы мы не включились в игру, они были бы разочарованы, раздражены, озлоблены, может быть, и тогда на этих расслабленных лицах проступило бы выражение горилл на воле. При одном только воспоминании о некоторых физиономиях, на плечах этих тяжеловесов, у меня холодеет спина, когда я воображаю, что бы случилось, погладь мы их против шерсти.

Всю жизнь я буду вспоминать Анри в тот памятный вечер!

Окруженный крепышами, он сидит на софе, руки опираются на плечо одного геркулеса с лицом убийцы, он слушает, явно в восторге, в руке стакан виски. Кто-то, похожий на борца с ярмарки, сидит у его ног и поет ему тонким голосом на очень приблизительном французском, сопровождая себя на гитаре: «Где ты, любовь моя? Уж столько дней я совсем один. Вернись, вернись, я жду...» Было от чего умереть со смеху. Я сдерживался, чтобы не лопнуть. Анри был серьезен, как паша, который справедлив, и производил впечатление, что эта невероятная зарисовка входит в его повседневную жизнь. Это было неотразимо.

Самое трудное было уйти. Я не скажу, что потребовались платки, чтобы вытирать слезы, но в воздухе была большая печаль, и потребовалось полчаса, чтобы вырваться из их объятий. Как братья, которые расстаются перед тем, как уйти на войну. Можно было сойти с ума. Но они были искренни, я уверен. Есть детали, которые не обманут, и поэтому я не вижу, почему я бы дал им другое название, а не «господа». Их поведение было безупречным, симпатичным и теплым. Было очень трудно впоследствии избежать и отказаться от их бесконечных приглашений. Анри, как и я, считал эпизод веселым, но у нас не было никакого желания его возобновить. Такие вещи могут быть забавными, но только однажды.

В первых числах октября резко похолодало. Когда на берега Тибра ложился туман, замок Сант-Анжело, закутанный в вату, казался выглядывающим из шкатулки. «Четыре красные розы» вошли в финальную фазу. Я не испытывал печали. Ни роль, ни сценарий не захватили меня полностью.

Глава двенадцатая

В отеле «Эксельсиор» обитали разные личности и пребывали там разные сроки. Мне случалось часто пересекаться с одной из них в холле отеля. Это была потрясающая женщина: довольно высокая, тоненькая, ее грудь была выигрышно представлена элегантными декольте. Она двигалась небрежно, предьявляя слегка надменную полуулыбку и игнорируя всех на свете. Она меня очаровывала, признаюсь честно.

В лифте я понял, какого необыкновенного цвета ее кожа: цвета молока. Прибавьте к этому огненную гриву волос, отсвечивающую всеми

оттенками пожара, и особенно ее чудесные зеленые глаза, выражение которых переходило от славянской томности к удивительной неподвижности взгляда дикого зверя. Я заметил, что у нее был легкий акцент. Она мне призналась, что она венгерского происхождения. Ее звали Надя Грей. Мы встретились случайно, а потом увиделись вновь и стали симпатизировать друг другу все больше и больше. Надя снималась в фильме, название которого я забыл, и собиралась продолжить съемку в другой ленте в декабре у итальянского режиссера Марио Камерини. Этот фильм будет называться «Время фантазии» и познакомит публику с молодой дебютанткой, очень красивой, как она мне сказала, по имени Джина Лоллобриджида. Джина Черви займется также кастингом. Она мне рассказала, что в сценарии шла речь о двух семейных парах, которые...

И вдруг внезапно прервав рассказ, она посмотрела на меня своими прекрасными светлыми глазами и сказала со своим акцентом, раскатывая букву «р»: «Вот я и думаю все время об этом. Камерини ищет повсюду молодого премьера для этой истории... Он делает пробы с кучей мальчиков. Почему бы и не с вами?» Она возбуждалась по мере того, как эта идея обретала форму в ее голове. Она находила ее гениальной.

За два дня до конца съемок в «Четырех красных розах» я, действительно, сделал пробы для Марио Камерини на студии Чинечитта¹. Сцена, которую меня попросили сыграть, была несложной. Я играл на рояле, отвечая на вопросы импровизированного текста самому Камерини, который мне о чем-то рассказывал, стоя рядом с камерой, снимающей все это. Это были фотопробы, так как мы, иностранные актеры, знали заранее, что будем дублированы на итальянский другим голосом, а не своим.

Несколько часов спустя после того, как Камерини меня заверил, что мы встретимся через несколько дней, когда пробы будут готовы, мы расстались, и я вернулся в отель. Я туда торопился, так как Жан должен был приехать сегодня вечером с сюрпризами... Мы оставались с ним в контакте по телефону, пока я находился в Риме. Он мне рассказывал, что новенького в Париже, а я ему о своих перипетиях итальянских съемок.

¹ Cinecitta – комплекс итальянских киностудий, один из самых больших в Европе, построен в 1936–1937.

Около 11 вечера. Мы все еще в прекрасном ресторане, который доминирует над городом, его огни сверкают вдали. Нас трое, и мы счастливы встретиться и подшучивать друг над другом. Сюрприз Жана простой. Это Мишель Оклер. Он должен был приехать сюда, чтобы увидеться с Антонио Леонвиола, который его снимал в прошлом году. Они решили путешествовать вместе.

Обед был превосходным, и мы продолжали разговор через пятое на десятое, попивая не знаю какую по счету граппу¹. В перерыве между взрывами смеха, я рассматриваю Мишеля. Мне кажется, он изменился. Это не совсем тот человек, которого я увидел в 1948, что-то изменилось в нем. Ведь у него все то же лицо, пухлое и в то же время четко очерченное, и он по-прежнему поднимает левую бровь прежде, чем сказать фразу, а его тон по-прежнему насмешлив, мне кажется, тени пробегают в его взгляде, и его улыбка все более и более неопределенная. В углах рта я различаю маленькие вертикальные линии. Но, может быть, я ошибаюсь... Должно быть, это освещение.

Иногда он производит впечатление отсутствующего за столом, где мы сидим, как будто его нет с нами, а мысль его далеко... Тем не менее, я думаю, что у него нет причин грустить. С тех пор, как мы встретились, он снялся во многих фильмах: два с Жоржем Лампенем в 1949, в итальянском фильме «Правосудие свершилось» с Андре Кайатом и «Сингоалла» с Кристиан-Жаком. Я считаю это замечательным и говорю про себя, что был бы счастлив сниматься у таких режиссеров. А сейчас я не пойму, откуда может появиться эта меланхолия, которую я замечаю у Мишеля. Может быть, у него какие-то личные проблемы? И так как он об этом не говорит, не нужно быть нескромным.

Разговор между нами тремя продолжается. Мы еще не знаем, что может давить на Мишеля. А это то, что его будущая карьера не такая блестящая, на что он имел полное право надеяться. Все французские кинообщества видели в нем необыкновенную звезду, а потом... иди знай, почему... все происходит не так, как хотелось бы.

¹ Граппа – итальянский виноградный алкогольный напиток 35–55% крепости.

У Мишеля Оклера и Сержа Реджани¹ карьера была несправедливо хаотичная. Это, вне всякого сомнения, два блестящих актера своего поколения. Они снимались в фильмах (иногда вместе) у знаменитых режиссеров, которые могли использовать их огромный талант. Тогда почему им не удалось представить публике свою неоспоримую индивидуальность?

Тайна. А в это время другие звезды, у которых не было их качеств – отнюдь нет – сделают оглушительную карьеру.

Признаюсь, это странно: нас было трое мальчиков в колледже Аннелль в 1938: Оклер, Пикколи², Паскаль. И так, в 1949 Оклер на вершине своей кинославы, Паскаль посещает курс Рене Симона, а Пикколи играет роли второго плана. Этот последний будет ждать долго, чтобы занять первое место на афише. Десять лет спустя в 1959: Паскаля посадят на вершину, Оклер почти не будет сниматься, а у Пикколи еще нет настоящих ролей. Еще десять лет пройдет. Пикколи станет большой французской звездой, Оклер и Паскаль почти перестанут сниматься. Я узнал об этом позже, в пути... А сейчас мы весело заканчиваем вечер, Жан, Мишель и я, попивая нашу граппу, посматривая друг на друга и на городские огни, которые мерцают внизу.

Назавтра, наслаждаясь фетучини наедине с Жаном, слышу... «У Ольги есть проект фильма на январь. Она сама тебе расскажет. Ольга просила меня передать тебе сценарий. Не очень хорошо напечатано, но это новелла Барбе д'Оревильи, первая из цикла “Дьявольское”. Я сейчас отдам тебе рукопись. А!.. и потом у меня есть еще небольшой сюрприз для тебя». С хитрой улыбкой Жан мне сообщает, что ему удалось уговорить Мишель Морган сняться со мной в короткометражке под руководством Мориса Регаме. Сценарий собственного изготовления: «Молодой человек, который жаждет сниматься в кино приглашает звезду в большой ресторан

¹ Серж Реджани (1922–2004) – французский актер и певец итальянского происхождения. Начинал в театре в 40-х годах рядом с Жаном Марэ в пьесе Жана Кокто «Ужасные родители» и с ним же в пьесе «Британник». Снимался в 50-х, «Золотая каска» 1952 с Симоной Синьоре, «Мари-Октябрь» 1958 и др.

² Мишель Пикколи (1925–2020) – французский актер и продюсер, один из последних гигантов кино, которому он отдал 70 лет. Снимался у Луи Бунюэля, Жана Ренуара, Рене Клера, Клода Шаброля и т. д.

и свято клянется ей, что больше никого не будет (или почти). Он пользуется случаем и созывает туда всю парижскую прессу».

История короткая, кончается хорошо. Звезда, вынужденная улыбаться перед фотоаппаратами, включается в игру и, смеясь, прощает своего нескромного, но счастливого партнера. Эта маленькая сценка была, действительно, снята и продемонстрирована на известном ежегодном гала-вечере Министерства иностранных дел в Брюсселе в 1952.

Публика веселилась, мы тоже.

А теперь события развиваются. Ночь. Я сплю. Звонит телефон, я отвечаю, думая, что это Ольга. Это Надя Грей. Она с Камерини, они ужинают вместе. Надя в эйфории сообщает мне, что мои пробы отличные и что режиссер хочет меня ангажировать. Он приглашает меня присоединиться к ним сейчас же. Который час? Полвторого? Я ей объясняю, что жду звонка из Парижа и не могу никуда уйти. Она просит меня подождать секунду. Я жду. Своим милым голоском венгерской птички она мне сообщает, что мы идем на ланч завтра с Камерини. Он будет в «Эксельсиоре» около полудня. Хорошо? Хорошо! Я вешаю трубку.

Едва я успеваю выпить стакан воды, звонок: это Ольга. Она мне долго рассказывает о своих впечатлениях после просмотра фильма Сиампи, говорит, что она счастлива, так как все, кто видел фильм, единодушны: «Я очень хорош!» Зная, что Ольга не из тех, кто щедр на комплименты, я в восторге от того, что она сказала. Она слегка касается проекта с Николь Курсель, но это еще вилами по воде... Сценарий не готов. Я ей рассказываю о фильме Камерини в Риме. Она заинтересовалась этой идеей. Прочел ли я сценарий по новелле Барбе д'Оревилли, который Жан мне привез? Еще нет? Это ничего... Это что-то незначительное и без больших финансовых ресурсов... к тому же режиссер никому не известен. Она мне позвонит завтра вечером узнать, что сказал Камерини во время ланча. Конец связи.

То, что она мне только что рассказала по поводу моей роли в «Большом боссе», меня совершенно разбудило. Невозможно сразу заснуть. Я встаю, наливаю себе стакан виски (много воды!). Вздуродженный, я хожу кругами по комнате. Может быть, почитать Жиано, которого я начал? Хорошая мысль. Я хочу взять «Гусара на крыше» и натыкаюсь на

сценарий, который Жан мне вручил от Ольги. А почему бы его не прочесть? Я надеваю халат – становится холодно в Риме в конце октября – и открываю картонную обложку, из-под которой рассыпаются и падают бледно-голубые листочки. Бумага настолько тонкая, что мне понадобилось минут пять, чтобы все собрать и положить по порядку.

Я устраиваюсь в кресле и начинаю читать: «Кинематографическая адаптация Александра Астрюка¹ новеллы из цикла “Дьявольское” Барбе д’Оревилли “Багряный занавес”². Действие происходит в городе, где стоит гарнизон...” и так далее. В пять утра я кончаю чтение. Я не выпил больше ни капли, но выкурил три четверти пачки сигарет. Я больше не нервничаю. Я устал, измотан, опустошен, но полон энтузиазма. У меня еще не было опыта читать много сценариев (моя карьера только начинается), но тут, мне кажется, я открыл что-то особенное, редкое. Этот Александр Астрюк, о котором я раньше ничего не слышал, обладает совершенно индивидуальной манерой посмотреть на некоторые вещи и захотеть их экранизировать. Оригинальность его подхода к этим идеям, которые он предлагает и рассказывает в образах, абсолютно необыкновенна. Чистое обаяние. А его идея снимать «молча», с голосом персонажа за кадром, который сам рассказывает свою историю... Я вошел в мир Барбе д’Оревилли через взгляд режиссера. Я в восхищении. Наконец я ложусь, закрываю глаза и засыпаю... в фильме «Багряный занавес».

Надя Грей очень красива в костюме цвета беж, на ней цветной фуляр и золотые браслеты на запястье. Камерини и Жан обмениваются блестящими и веселыми идеями о кино в целом, а я, я в тупике. Камерини же заявил, когда мы ели антипасто, что я буду сниматься у него в фильме. Он мне сказал об этом, как о чем-то уже решенном, определенном. Он был несколько удивлен, что не видит и не слышит, как я открыто выражаю свою радость. Жан знает, в чем дело и он со мной не согласен. Надя наблюдает за мной своим зеленым глазом и не понимает, что происходит. Это

¹ Александр Астрюк (1923–2016) – французский актер, кинорежиссер, сценарист и писатель, теоретик кино.

² «Багряный занавес» 1953, фильм с Анука Эме, его можно найти с русским дубляжем в YouTube. Жан-Клод Паскаль снимался в паре с ней же в еще одном фильме этого режиссера «Неприятные встречи» 1955.

просто и сложно одновременно. Просто я хочу сниматься в фильме Астриюка. Я бы не желал ничего лучшего, чем попасть в фильм Камерини, только (это всегда так и происходит) оба фильма будут сниматься примерно в одно время. Ситуация очень затруднительная. Я еще к этому не привык. Мы уже за десертом (изумительный «зуппа инглезе»)¹, когда Камерини уточняет, что съемки его фильма начнутся в конце ноября и займут восемь недель примерно. В уме я сосчитал, что меня это заблокирует в Риме на весь декабрь и январь. Таким образом, «Багряный занавес» должен начаться за десять дней до рождественских праздников... Совершенно очевидно, что я не могу быть в Париже и в Риме одновременно. Надо выбирать. Дилемма!

Камерини выдергивает меня из моей «мечты-кошмара» и спрашивает, есть ли у меня агент, чтобы обсудить условия контракта. С облегчением я ему называю имя Ольги и ее координаты. Он продолжает вдохновенно рассказывать о своем сценарии и моем персонаже. Я слушаю невнимательно. Жан сидит, упершись носом в тарелку, и молчит. Надя устала на меня.

После полудня мы отправляемся на виллу Медичи, которую я должен посетить, прежде чем покинуть Вечный Город. Жан сопровождает меня (с фотографом!), чтобы сделать несколько снимков. Возвращаемся в отель пешком. Прохладно, но погода прекрасная и хочется размяться. По дороге Жан мне ясно дает понять, что он не понимает моего поведения по отношению к Камерини. Он воспекает многочисленные преимущества его проекта, подчеркивает качество сценария, шанс сниматься с Джино Черви и т. д. Он неисчерпаем. Я уперся. Я его прерываю, заметив, что он мне советует отказаться от предложения Александра Астриюка, в то время как он даже не прочел сценария. Признав свою ошибку, он замолкает и выслушивает причины моей горячности. Он не комментирует, но советует мне подождать, что скажет об этом Ольга.

Вернувшись в «Эксельсиор», я нахожу послание Нади Грей – увидеться как можно скорее. Что я и делаю. Мы встречаемся в баре. Она очень

¹ «Зуппа инглезе» – английский суп, торт-десерт из двух коржей. Нижний пропитан ликером, верхний ромом, крем с цукатами.

элегантна в платье сиреневого цвета и с ниткой жемчуга на шее. Она атакует. Камерини раздосадован после нашей встречи, дезориентирован моей холодностью и не понимает моего отношения. Когда куча молодых итальянских и зарубежных первых любовников мечтают сыграть эту роль, мне ее приносят на блюдечке... Я не знаю, что ответить. Я осторожно укрываюсь Ольгой... другими проектами... говорю что-то неопределенное.

Надя, которая подозревает, что я играю в кого-то, кто хочет получить желаемое, а мое странное поведение это политика, чтобы «поднять цены», меняет тон. Она подчеркивает, что производство готово на большие усилия, чтобы я подписал контракт. Камерини остановил свой выбор на мне, фирма платит. Он не может поступить иначе. Я все еще не говорю нет, и мне не по себе. Надя, которая думает, что нашла уязвимую точку, затронув финансовый вопрос, раскрывает мне с улыбкой «умереть, не встать», что она знает, но это секрет, что продюсер пойдет на то, чтобы предложить мне сумму... Она называет весьма весомый гонорар в те времена, в особенности для актера, не достигшего большой известности. На этом Надя меня покидает, сильно опаздывая на коктейль, где ее ждут. Договорим завтра.

Ольга звонит в полночь. Камерини связался с ней днем. Она в торговле от проекта, привлечена именами, которые будут на афише, подкуплена энтузиазмом, который режиссер проявляет по отношению ко мне, и в конце концов сражена цифрой гонорара, который он предлагает.

Я слушаю, но не знаю, почему есть что-то, что мешает меня убедить. Я в свою очередь говорю о «Багряном занавесе», и я доказываю с убеждением, которым я надеюсь ее заразить, все преимущества этой истории. Ольге трудно меня прервать, чтобы подчеркнуть многочисленные опасности, которые представляет этот фильм. У продюсеров очень ограниченные возможности. Александр Астрюк известен как писатель, но он никогда еще не стоял у кинокамеры, что касается сюжета... Мы закончили разговор, не приняв никакого решения. По моей просьбе, Ольга возобновит разговор с продюсерами «Занавеса». Она постарается переместить даты съемок и узнает о гонораре, который они мне предложат. Камерини или Астрюк? Корнелианская ситуация (с сохранением всех пропорций). Я в нерешительности.

Решение, которое я приму, так как еще не признавшись себе, я чувствую, что я его принял – соотносится и со мной, и с моей карьерой.

Предчувствуя инстинктом, где искать качество (меня оно всегда привлекало во всех артистических областях), мне случалось часто жертвовать финансовым интересом, продвижением или рекламой ради того, что предлагалось так редко – качество. Это упрямство стоило мне дорого, но я могу сказать совершенно спокойно, что я не жалею об этом. У каждого своя этика. Я старался как можно реже поддаваться легкости. Но должен был «пройти через это», тем не менее, как и все. И все же, если мне случается посмотреть на себя в зеркало, когда я бреюсь, если я смотрю на себя без снисхождения, уверяю вас, я себя узнаю...

В номере отеля «Эксельсиор» Жан перебирает фотографии и комментирует их. Я курю. Много. Звонит телефон. Это Надя. Медовый голосок, каскады смеха: ей поручили предложить нам пообедать вместе с Камерини сегодня вечером. Не советуясь с Жаном, я ссылаюсь на другое приглашение этим вечером и отклоняю это. Надя уговаривает голосом глубоким, сладким, славянским. Я сопротивляюсь и настаиваю, я вежливо извиняюсь. Надя тоже не сдаётся, изворачивается, как угорь, и добавляет, что режиссер долго разговаривал с Ольгой и что они обо всем договорились, только... Я отвечаю, что все понял, но несмотря ни на что, сегодня вечером нам невозможно встретиться. Завтра? Ланч? Хорошо, очень хорошо... Увидимся в холле около часа (а как иначе?), и я вешаю трубку. Жан прекрасно понял, о чем речь. Я чувствую, что он готовится произнести грандиозную тираду и попытается доказать мне обратное тому, что он только что услышал, но я останавливаю его раньше, чем он успевает открыть рот фразой: «Оставь меня в покое!» И я снова закурываю.

В полночь звонок Ольги. Она говорит сразу о Камерини, с которым они обсуждали целый час наши дела между Парижем и Римом. «Все устроено», – сказала она мне, добавив весело, что ей удалось удвоить гонорар. Сумма стала еще более значительной за этот фильм и превышает гонорар Жана Маре – тогда абсолютной звезды – Ольга мне также рассказывает, что она добилась, чтобы мое имя было первым в перечне других участников во всех странах. Это громадный шаг вперед для актера кино моего уровня.

Я позволяю ей продолжить список всех неожиданных профессиональных побед. Должен признаться, что я слегка поколеблен.

Не отвечая на то, что она ожидает, я спрашиваю робко, что слышно о фильме А. Астриюка. Тон меняется. У продюсеров нет никакой финансовой поддержки. У них даже нет денег, чтобы снять студию. Фильм будет сниматься в естественных декорациях, в Париже, в старом особняке. Техническая группа сокращена до минимума и главная беда: предложенный гонорар просто неприемлем. Действительно, цифра, которую она мне называет, просто смешная.

Я опять спрашиваю: «А кто будет исполнять женскую роль?» Ольга мне отвечает, что с ней уже подписан контракт три дня тому назад. Это будет Анук Эме¹. Услышав это имя, я подсказываю. Я ее видел в «Веронских любовниках» Андре Кайата. Чтобы встретиться с ней, я бы проделал километры, а уж играть с ней... «Кто главный оператор?»

Небольшая пауза. Ольга колеблется прежде, чем сказать имя, которое, я чувствую, должно принести мне окончательное решение, чтобы отказаться от фильма Камерини. «Кто будет ставить свет?» «Это Эжен Шюфтан».

Я почти заорал от счастья на другом конце провода. Шюфтан, один из великих операторов в мире! Немецкое кино 30-х годов, в которых он освещал Марлен Дитрих во всех ее фильмах. Я вздыхаю глубоко, вооружаюсь храбростью и наконец говорю Ольге: «Послушай, не кричи и попытайся меня понять. Пять минут назад я еще сомневался. Но теперь, когда ты мне говоришь об Анук Эме и Шюфтане, я не задаю больше вопросов. Я хочу делать фильм с Астриюком. Ты говори, что хочешь Камерини. Я возвращаюсь.»

Ольга недовольна, совсем. Она пытается еще вернуть меня к другому решению, но она догадывается, что это бесполезно. Ольга просит

¹ Анук Эме (Николь Дрейфус), год рождения 1932 – замечательная французская актриса. Впервые снялась в 1948 году в фильме «Веронские любовники» с Сержем Реджани, затем два фильма у режиссера А. Астриюка, потом лента «Монпарнас, 19», где в роли Модильяни – Жерар Филип, «Сладкая жизнь» 1960 и «Восемь с половиной» у Ф. Феллини, «Мужчина и женщина» 1966 у Клода Лелюша в паре с Ж.-Л. Трентиньяном и т. д.

меня еще подумать и подождать до завтра. Она попробует подвинуть даты съемок одного из двух фильмов. Я иду на ланч с Камерини? Тем лучше! Она мне позвонит в отель около пяти. Мне трудно заснуть. Вдруг я спрашиваю себя, не совершаю ли я огромную глупость.

В обстановке полного недоразумения начинается наш ланч с Надей, Жаном, Камерини и со мной. Режиссер и прекрасная венгерка распространяют улыбки счастливых победителей. Жан, которого я поставил в известность, смотрит в никуда и ест свой прошутто молча, а у меня совсем нет аппетита. Я не знаю, как остановить Камерини, который бросился в детальное объяснение некоторых сцен фильма. Нелегко объявить жениху (или невесте), когда уже все готовы сделать оглашение о предстоящей свадьбе, и родители наконец-то согласны, и приданое значительно увеличено: «Нет, свадьбы не будет!» Это примерно ситуация, в которую я попал. Когда подали эскалоп в панировке, я положил вилку. Я проглотил большой глоток «Орвието»¹ и прервал монолог режиссера. Глядя ему прямо в лицо, я ему сообщил, что возвращаюсь в Париж через два дня.

Так как он не захотел меня понять – хотя он говорит по-французски, как вы и я – я прошу Надю перевести ему то, что я только что сказал. Она это делает. Теперь его очередь выпить большой стакан орвието. Между горгондолой и пирогом с клубникой, он играет на всех регистрах, чтобы убедить меня, что я не могу и не должен уезжать из Рима прежде, чем не подпишу контракт: «Все уже подписали, повторяет он. Только вы остались...» Я изворачиваюсь, чтобы еще раз повторить, что другой фильм ожидает меня в Париже, и это произойдет в те же числа, что и его фильм и что я не могу... Он не хочет ничего слышать. Но он тем не менее понял, что тут дело идет о датах, которые он не в силах изменить из-за Джино Черви, который зажат между театральным спектаклем и другим фильмом. Во время кофе мы наконец приходим к заключению, что не можем снимать вместе «Время фантазии». Камерини, который решительно не понимает, делает последнюю попытку вскользь:

– Они платят намного больше в Париже? Если бы я был другим, а не таким, как есть, он бы услышал... да... конечно. Я не успеваю его

¹ «Орвието» – сухое белое вино.

переубедить. Он возглашает:

– Требуйте у нас любую цену, и вы ее получите! Продюсер убежден, что вы сделаете прекрасную международную карьеру, поэтому мы готовы инвестировать в вас громадную сумму... Скажите... и вы получите то, что хотите.

Я, правда, чувствую себя несчастным. Камерини – человек большого таланта и очаровательный к тому же. Эта ситуация мне ужасно неприятна. Но я не могу, тем не менее, ему сказать, что я отказываюсь от его фильма, чтобы сниматься у незнакомого режиссера, который будет мне платить два пятьдесят (это образ...). Из этого можно сделать вывод, что я нахожу сценарий его фильма плохим, что неправильно, или что я не доверяю Камерини, что тоже не так. Надя Грей бросает на меня умоляющий и полный слез взгляд сестры, которая только что похоронила своего брата. Камерини вздыхает, курит сигару и пьет коньяк. Я бросаюсь в нечто, похожее на оправдание. Мне кажется смешным не дать понять этому человеку, которого я уважаю, какова мотивация моего решения. Отодвинув заранее финансовую сторону, я ему рассказываю адаптацию Астриюка.

Он слушает рассеянно вначале, а потом все более заинтересован тем, что я ему излагаю. Когда я заканчиваю, он уже не так расстроен и признается, что с одной стороны, он меня понимает. Профессионал (более, чем я в эту эпоху), он тоже отметил неоспоримую оригинальность представления этой истории и признал то, что может соблазнить в этой авантюре. Пожимая мне руку, он сказал, уходя:

– Мне вас жаль от всей души. Вы – человек сильных страстей. Если вы верите во что-то, что вы считаете стоящим, нелегко вас переубедить. Нужно быть уверенным, чтобы ухватиться за идею и отказаться от богатства, которое вас умоляют взять. Вы правы в каком-то смысле, но я вас предупреждаю, что вы готовите себе трудное будущее и многочисленные разочарования. Иногда вам будет везти... но будьте осторожны и не кричите о победе. Помните о Тарпейской скале у Капитолия¹... Вы будете проигрывать часто. Не плачьте и говорите себе, что провалы свойственны

¹ Тарпейская скала – отвесная скала в Древнем Риме со стороны Капитолия. С нее сбрасывали преступников, осужденных на смерть.

большим артистам. Вам едва 25, я тоже был таким. Если не действовать так, как вы только что, поверьте мне, ничего не добьетесь!

Идет дождь. В спальном вагоне, который увозит меня во Францию, я вновь вижу лицо Камерини и вспоминаю то, о чем он мне сказал, прощаясь: «Я буду ждать еще неделю, прежде чем ангажировать кого-то другого. Позвоните мне из Парижа о вашем окончательном отказе. Я жду.» Поезд едет и укачивает меня своим ритмом так, что я засыпаю с головой, полной воспоминаний, которые я увожу из Рима.

Я больше никогда не видел ни Камерини, ни Надю. Ее судьба была поломана, как и многих невероятно красивых женщин, которых продюсеры и режиссеры стремились зацепить, но предпочитали, чтобы они развивались в области их собственного эгоистического удовольствия, в их частных апартаментах, а не перед камерой. Она не сделала большой карьеры. Как жаль... Какое очарование! Какая красавица!

Глава тринадцатая

Париж, ноябрь 1951. Закрытый просмотр «Большого Босса» с Сиампи. В первый раз (наконец) я вижу на экране длинного парня, похожего на меня. Он полностью отдается довольно сложной роли... и ему удастся быть убедительным. Я счастлив и дрожу, как осиновый лист. Я подвержен в первый раз – это будет со мной случаться и позже – тому, что я называю «ретроспективный страх сцены». Не получается понять, что я «сделал это». Мне кажется, что если бы меня попросили повторить, я бы не смог. Но не думайте, что здесь идет речь о приступе восхищения собой, нет! Я не могу себя убедить, что действительно, я добился «этого»! Мне кажется, это кто-то другой. Очень странная реакция. Интересно, как чувствуют себя другие?

Съемка с Мишель Морган проходит в обстановке самого откровенного веселья. На это ушло два дня. Затем мы просматриваем то, что мы сделали – все хорошо. Мишель Морган и ее муж Анри Видаль присутствуют на гала-просмотре «Большого Босса». Это успех, большой успех. Прежде, чем броситься читать критику в газетах, Мишель и Анри приглашают нас, Жана и меня, провести уикенд в доме, который они сняли в Море-на-Луанге.

Анри едет слишком быстро по дороге. Мишель этого не любит. Анри высказывает свой энтузиазм по поводу фильма и осыпает меня комплиментами, которые звучат искренне. Мишель более сдержанна, она дает мне понять, что я только что выиграл красивую партию. Ей можно верить.

Когда мы приезжаем на берега Луанга, Анри произносит фразу, которую я никогда не забуду, она определяет его характер: «Старик, ты потрясающий. С сегодняшнего дня, проси у меня все, что захочешь... кроме денег!» Шутка или кредо? Пойди узнай. Мне было всегда трудно – и не только мне одному – понять поведение Анри. Я его очень любил, этого овернца¹ с цыганскими мозгами, этого цыгана с огромным сердцем, но считающего свои копейки. Последний раз, когда я его видел, он спал, растянувшись на кровати в своей комнате замечательного отеля Ламбер. Сказать нечего. Ну, что скажешь, когда у него на плече рыдает Мишель Морган.

Появилась критика на «Большого Босса». Пьер Френе снова был прославлен журналистами, и это справедливо. Ив Сиампи на вершине блаженства. На свой первый фильм он получил прекрасную критику. А «циничный интерн» извлек свою львиную долю. Я никогда не рассчитывал, честно говоря, читать такое количество хвалебных определений в мой адрес. Критики кино, в общем, не очень выбирают выражения, но в этом случае они были единодушны. Они приветствуют мое пришествие в профессию тоном, который позволяет мне надеяться на все. Авторы этих публикаций говорят об «открытии». Я не могу в это поверить.

Я наслаждаюсь успехом, конечно, это очевидно, но – я не знаю, как это определить – есть что-то, что меня пугает. Что мне делать теперь, чтобы не разочаровать? Сиампи выпустил бабочку из куколки, показав на экране качества, которых я не знал у себя. Будет ли таким же психологом следующий режиссер, таким же ловким? Будет ли следующая роль настолько сильной?

Я постоянно находился в плену этих рефлексий на всех поворотах моей карьеры. Каждый раз, когда выходил фильм, я дрожал. Во время

¹ Овернец – житель Оверни, исторического района Франции в сердце Центрального массива.

закрытых просмотров или публичных, я был самым строгим, самым жестким критиком себя самого, доводя ясность ума до несправедливости. Я далеко не мазохист, но, по правде говоря, я себе не очень нравлюсь в кино. Есть сцены в некоторых фильмах, которые хорошо сыграны, но есть также много других, где я мог бы быть лучше. В пятидесяти персонажах, которых я воплощал, некоторые «держат удар» и остаются правдоподобными; в других моих интерпретациях – это эхо, наброски подлинности. Но есть и другие, где я представил лишь куклу без скелета.

Если бы я хотел оправдаться – это не тот случай – мне было бы легко это сделать, так как мне чаще всего давали роли несостоятельные. Герои, в шкуру которых я пытался влезть, были чаще всего бесхарактерными в самом тексте роли. А я не волшебник. Невозможно сделать мраморную статую из песка. Невозможно придать объем доске (даже если вы скульптор по дереву, вам не удастся сделать скульптуру из доски, это будет все равно доска!) Конечно, я мог бы поспорить, что некоторые сценарии, прекрасно написанные на бумаге, становились после съемки банальными историями, которых следует избегать. Я бы отбросил тогда неумение и неспособность режиссера, отсутствие профессионализма монтировщика, наконец, виновны все и кто угодно. Фильм – это приключение, которое начинается со многими техническими участниками, знающими досконально свою ответственность. Садимся на корабль, отплываем от берега. Если известно место, от которого отчалили, то неизвестно окончательно, куда причалим. Было замечено, как некоторые тонули, а другие едва избегали скал на поверхности воды. Некоторые успешно преодолели шторм. Других поглотила пучина.

Сибирский холод на большой лестнице в здании на улице Сен-Жак, где мы снимаем «Багряный занавес». Вот уже пять раз А. Астрюк заставляет меня подниматься и опускаться на два этажа с Анука Эме на руках. Несмотря на то, что она легкая, как лиана, она мне кажется все тяжелее. Она умерла (в фильме), и я должен избавиться от трупа. Я ее спускаю вниз, потом передумываю и поднимаю вверх. Это утомительно.

Астрюк дотошный, и он прав. Я двигаюсь то слишком быстро, то слишком медленно, то я слишком далеко от перил, которых должна коснуться рука Анука, то у меня недостаточно прямая спина, я не... черт!

Я ворчу, и это мне действует на нервы. Я понимаю, что Астриук доводит перфекционизм до максимума. Я это понял, и мне это нравится. Правда, временами...

Между мной и Ануком полное согласие. Мы счастливы работать вместе, и редкое соучастие возникло сразу между нами. Мы оба убеждены, что правильно бросились в эту авантюру с А. Астриуком, но пока трудно делать что-то необыкновенное. Александр очень умный. Он знает, чего он хочет и чего он не хочет. Он знает свой фильм досконально еще до того, как начал его снимать. Анук и я, мы оба готовы отобразить в точности все то, чего хочет Александр. У него в голове ясный образ того, чего он ждет от нас, но ему трудно временами объяснить свою мысль. Он подыскивает слова. Он нервничает и начинает говорить очень быстро. Фразы насакаивают друг на друга. Мы его плохо понимаем. Нужно догадываться о том, что он не сказал. Но уже на второй день нам это удается.

Вторая трудность. Фильм снимается как немой. Мы не обмениваемся репликами. Это очень трудно, это просто какая-то акробатика. Александр знает наизусть текст комментария, который будет воспроизводиться вместе с изображением. Он знает точно, в какой момент кто-то должен опустить глаза, выпить стакан воды или положить ложку. Кроме жестов, которые мы должны делать в нужном ритме, мы должны выражать мысли или скрытые мысли персонажей. Это алхимия мозга, к которой мы еще не привыкли.

Сорок восемь часов мы находимся в обстановке, которую предлагает Александр, и, поняв механику его мысли, мы послушно адаптируемся. Понятно, что напряжение довольно большое. Вся команда это понимает.

Мы репетируем больше, чем обычно перед съемкой. Александр, (который может использовать только тщательно рассчитанный продюсером метраж пленки), принимает все возможные меры предосторожности. Атмосфера весьма натянутая, но в хорошем смысле. Мы стараемся восстановить точно все то, чего хочет режиссер. Мы доверяем ему абсолютно. Нервы накалены.

Планы Астриука при съемке были особенно длинными (иногда снимали сцену, которая длилась три, четыре минуты). Между съемками и

будущей репетицией мы с Ануком предавались радостям передышки от нервозности. Это было необходимо. Мы безудержно хохотали, что раздражало Александра, но мы без этого не могли. Если бы мы не искали способа смеяться по пустякам, мы бы не выдержали. Обостренность, концентрация до предела восемь часов подряд, это невозможно для драматического актера. Если бы мы не прибегали к этим взрывам смеха, наши лица были бы неподвижными, деревянными, замороженными в одном единственном выражении: бесстрашном. А этого надо опасаться любой ценой.

Без помощи слов, когда нужно пропустить последовательно на лице: любезность, скуку, неожиданность, надежду, сомнение, страх, отвращение, снова неожиданность, безумство и, наконец, внезапное отсутствие аппетита... Поверьте, что это не верх легкости. Но у нас это получилось.

Наше рвение сделать хорошо отталкивалось от того факта – я вторюсь – что у нас была уверенность в создании будущего шедевра.

Рядом с нами находился всегда, внимательный, пожилой, маленький, гениальный месть, Эжен Шюфтан¹. Я никогда больше не видел никого, кто устанавливает свет с такой любовью, будь то декорация или лица главных героев. Это был завораживающий и одновременно трогательный спектакль – смотреть, как он работает. Он устанавливал сам то один, то другой маленький софит, увеличивал его мощность, уменьшал, перемещая один и тот же источник света. Занавешивал его кусочком тюля, куском занавески, шелковой бумагой, чем угодно.

Я его видел, когда он делал крупный план Анука. Александр нервничал.

Тогда Эжен вынул из кармана носовой платок и после того, как проделал в нем маленькие дырочки, держал его перед прожектором во время всей съемки плана.

Я не думаю, что Ануку Эме снимали бы так же внимательно в других фильмах. Этот великий маленький человек ставил свет для Марлен Дитрих в Берлине в 30-х годах. Он последовал за ней в Голливуд и

¹ Эжен Шюфтан (1893–1977) – французский и американский кинооператор. В кино с 1920–года. Лауреат премии Оскар (1962). «Набережная туманов» 1938 с Марселем Карне (режиссер), Жаном Габеном и Мишель Морган в главных ролях.

освещал ее лицо во время съемок многих фильмов звезды. А потом, одному небу известно почему, он был заменен. Прошли годы... десять, может быть, больше. По воле случая Шюфтан и Марлен встретились на съемках какого-то фильма.

Были сделаны фотопробы, как водится перед съемками. Когда их просматривали, Марлен отвела Шюфтана в сторону и спросила его ласково, как он себя чувствует, нет ли у него неприятностей или, может быть, что-то не так. Шюфтан, немного удивленный, заверил ее: нет, нет, он в порядке! Тут Марлен смущенно призналась ему, что ее лицо не так хорошо освещено, как раньше. После короткой паузы, Шюфтан ответил ей, извиняясь: «Что вы хотите, мадам, я постарел!»

С большой печалью вся команда «Багряного занавеса» рассталась. Мы работали, как каторжные, но недолго. Дух, освещенный этим маленьким редким пламенем, дающим добросовестным мастерам, которыми мы были, силу преодолеть ступени обыкновенного. В дни, которые последовали за этим запланированным расставанием, я жалел, что не могу, как раньше, заходить на Сен-Жермен-де Пре за Анук, которая жила там, как раз напротив церкви. Что касается А. Астриюка, он погрузился в монтаж и был недоступен. Я встречаюсь с ним и с Анук немного позже.

Развлекаться в Париже в январе 1952 было нетрудно... Все были к этому готовы. Настроение хорошее, театры полны, кинотеатры тоже. (У «Большого Босса» громадный коммерческий успех). Везде приемы, обеды, балы. Город развлекается, а я в маленьком мире людей кино стал «в моде». Со мной здороваются по-другому, а некоторые испытывают необходимость переместиться, чтобы подойти и пожать мне руку, что я нахожу одновременно и любезным, и лестным.

Хотя мне нравится варенье на тартинке и мед на сухом печенье, я не люблю сахар в человеческих отношениях. Есть в лести что-то такое, что прилипает, и у вас возникает желание пойти помыть руки. Неважно. Сейчас я отвечаю улыбкой на улыбку, комплиментом на комплимент. Я играю в эту игру под внимательным оком Жана. Я еще не стал тем медведем, который пошлет подальше всех надоедливых и заявит прессе о своем желании спокойно заниматься своим ремеслом и захочет, чтобы оставили его в покое вне работы. Но это будет потом. Я буду иметь глупость быть

искренним: говорить то, что я думаю, показывать это и делать это – впрочем, кучу вещей, которых мне не простят.

Я не помню точно, где, когда и как я встретился с Жаном Жене¹. Я прочел «Кереля» и «Высокий надзор». То, о чем говорил этот человек в своих книгах, и его способ сказать об этом в то время, и осмелиться об этом написать, меня очень интересовало. У меня было горячее желание его увидеть и услышать. Я не помню, где произошла эта встреча. Ни у него, ни у меня – это точно. Тогда где... в бистро? Я не помню, кто с нами был еще. Жан? Ольга? Конечно, нет! Они бы не поняли этой опасной эскапады.

В марте 1949, я ему написал после прочтения «Криминального ребенка» и «Дамы – зеркала», маленькой удивительной книжки. У издателя этих произведений я попросил экземпляр с автографом автора. Жан Жене это выполнил. Книга пришла по почте с посвящением. Она у меня и сейчас.

А в январе 1952 я встретился с персонажем. Я видел раньше его фотографии и думал, что я его узнаю. Ничего подобного. Череп тщательно выбрит (боязнь расплывчатости, пряди волос?), странный сломанный нос боксера, который сбежал с ринга, чтобы биться где-то в темных углах. Жестокий глаз, который заставил бы вспомнить о кнопке на ботинке, если бы он не был голубым. Взгляд агрессивный внезапно. Он атакует (кому это известно?) из боязни быть атакованным первым. Его сухой тон меня удивляет. Он – как хлопок бича! Сегодня не его день или это обычно для него? Я отмечаю его тонкие губы, просто черта, горизонтальный удар сабли. Тяжелый толстый подбородок, кажется, принадлежит бретонскому матросу, готовому вытащить нож, просто из удовольствия посмотреть, какой это произведет эффект. Есть что-то обезьянье в этом лице. Когда он молчит, выражение лица становится угрожающим. Нам обоим не по себе.

¹ Жан Жене (1910–1986) – французский писатель, поэт и драматург, одна из самых неоднозначных фигур в современной французской литературе. Бродяга и вор, тюремный сиделец и певец гомосексуальной любви, он наиболее утонченный стилист и психолог своего времени. Среди поклонников его таланта – Ж.-П. Сартр, Жан Кокто. В России была поставлена его пьеса «Служанки», режиссер Р. Виктюк.

И вдруг он говорит что-то, что его забавляет. И он смеется. Он сам себя смешит, но в его смехе угадывается чистый звук. Это смех ребенка, плотоядный смех маленького шакала. Зубы малюсенькие в этой массивной челюсти. Опасайтесь быть укушенным, разорвет в клочки. Должно быть, он любит причинять боль, терзать. Терзать что? Кого? Себя самого или жертву? Он снова молчит. Рождается неловкость. Угроза витает в воздухе. Он ищет причину, чтобы взорваться, вскочить и убежать, перевернув стол, хлопнуть дверь, разбить стекло? Он хочет подраться или вас оскорбить?

Снова он говорит что-то, что его забавляет. Тревожные черты лица изменяются на мгновение, и в маленьком голубом глазу проскальзывает что-то мягкое. Мимолетно.

Взгляд становится диким, как только проходит веселость. Он сдерживает что-то – насилие и свирепость. Я догадываюсь, что у этого человека бывают приступы мучительного гнева внутри и снаружи. Он небольшого роста. Кроме его лица меня гипнотизируют его руки: понятные, чистые и ухоженные. Ногти белые, как мел, безупречные руки хирурга. Вот только их размер... Они громадные, а форма ногтей – шпатели. Наводит на мысль о душителе и убийце. Это руки местного монстра, лесного человека, который бродит и высматривает, готовый возненавидеть кого-то и готовый, может быть, отдать свой завтрак бродячей собаке, которую он любит.

Фанатичный и яростный, он должен подчиняться некоторым варварским правилам, которые он сам изобрел, которые знает он один, и чья неумолимая суровость должна превратить его жизнь в ад. Детский смех возникает вновь и смущает. Этот персонаж кажется плодом любви проклятой богини и знакомого домашнего животного. С одной стороны, он невероятно привлекателен, очарователен. С другой, он отпугивает и ужасает. Не буду больше об этом. Эти жестокие контрасты, воплощенные в одном существе, дезориентируют собеседника.

Я никогда больше не встречался с Жаном Жене, но я читал его произведения и аплодировал его пьесам. Кроме «Ширмы» в театре Нантер (1984), где произведение теряется в карнавальных масках, искаженных,

утонувших, забытых в смехотворном маскараде. Жан-Луи Барро¹ и Мадлен Рено² сумели поставить эту же пьесу – и с какой мастерской силой – ошеломив и покорив Париж немного раньше в Одеоне³. Как бы то ни было, Жан Жене вошел в круг тех редких людей, которых судьба подарила мне для того, чтобы к ним прикоснуться.

В начале предыдущего года не помню кто привел меня на улицу Вано. Я проглотил «Земную пищу» и перечитал два раза «Тесные врата», и я дрожал, как школьник, поднимаясь по лестнице. Встретиться с Андре Жидом⁴, это было все равно, что поздороваться с папой римским. Любой бы взволновался, а я паниковал. Про себя я повторял с невыносимой скоростью слова, которые я хотел сказать, чтобы выразить то, что значат для меня его книги. Но невозможно сказать папе: «Я вами восхищаюсь». Это было бы смешно и плоско.

Впрочем, перед папой склоняются, встают на колени и целуют руку. Какой бы восторг вы ни испытывали к Андре Жиду, невозможно встать перед ним на колени и поцеловать руку – это было бы невыносимо для обоих. Вопрос разрешился сам собой. Один из его друзей открыл нам дверь. Мы проникли в квадратную комнату. Салон, офис, укрепленный лагерь? Непонятно пока, где ты находишься. Во всяком случае, папа тут, сидит и, кажется, занимает все пространство.

¹ Жан-Луи Барро (1910–1994) – артист, режиссер, директор театра. В 1940–1946 служит в «Комеди Франсез». В 1946 со своей женой Мадлен Рено организует компанию Рено-Барро. Незабываем в ленте «Дети райка» 1945.

² Мадлен Рено (1900–1994) – французская актриса. В 1921–1945 работает в Комеди Франсез. С 1923 начинает сниматься в кино. В 1940 выходит замуж за Луи Барро. Шестьдесят восемь лет отдала театру и кино.

³ «Одеон» – национальный театр, который называется сейчас Театром Европы. Был основан в 1782, исторический памятник архитектуры. В 1784 здесь состоялся спектакль «Свадьба Фигаро» Бомарше.

⁴ Андре Жид (1869–1951) – французский писатель, лауреат Нобелевской премии (1947), классик мировой литературы, представитель модернизма. В середине 30-х увлекся идеей социализма. Посетил СССР. Был участником антифашистского конгресса писателей в Париже (1935), где его встреча с Б. Пастернаком открыла ему глаза на истинное положение дел в СССР. В конце 1936 его книга «Возвращение из СССР» была осуждена левой интеллигенцией на Западе (Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер).

Нас приглашают сесть. Я не успеваю ни поклониться, ни пробормотать дурацкий комплимент, и отпадает проблема приложиться к руке. Рука здесь, тем не менее, он мне ее даже не протянул. Я ее вижу, эту длинную руку с пальцами цвета слоновой кости, которая столько написала. Она покоится на шотландском плеле, прикрывающем его колени.

Эти господа говорят между собой, как будто меня не существует. Тогда я начинаю рассматривать комнату: беспорядочный порядок, непроизвольный или с волей к беспорядку, я не могу определить. Место похоже одновременно на монастырскую келью и лавку антиквара. У голой стены, на столе – груда предметов, беспорядочно собранных, которые громоздятся один на другом. Можно подумать, что это так задумано, как в салоне королевы Виктории в Виндзоре. Там книги, множество книг, но с моего места я не вижу их авторов. Я замечаю картину в рамке, холст настолько темный, что я не различаю, что на нем изображено. На окне тяжелая занавеска из давно не новой ткани, неопределенного каштанового цвета.

Мне очень неудобно сидеть на стуле, который я назвал бы «остроконечным». Эти месье все продолжают говорить между собой. Они, должно быть, забыли обо мне. Я дышу. Мое дыхание восстановилось в нормальном ритме, и я могу рассматривать папу, который на меня и не смотрит. Его лицо кажется вылепленным скульптором из громадной свечи прошлого века, потому что цвет его кожи желтоватый. Я рассматриваю маску, которая повернута ко мне в три четверти. Она сделана из бронзы. Есть что-то азиатское в этой худобе. Меня удивляет взгляд, он не направлен на меня. Кажется, глаз сверкает из-под круглых железных очков, оправка которых принадлежит к бальзаковской эпохе.

Правда, что эта комната, где мы находимся, могла быть скорее в глубокой провинции, чем в Париже. Мы вне времени. Несмотря на явный беспорядок в некоторых деталях, я вдыхаю запах суровости, которая проникла везде, запах неоспоримости. Есть что-то тесное, урезанное, что царствует здесь. Все пахнет ограничением, помехой, наказанием. С небольшой долей воображения можно сказать, что тот, кто здесь живет, с предосторожностью пересчитывает каждый вечер свои монеты, надежно спрятанные в белье, запихнутые в углу тайного ящика. Я нахожу эту мысль печальной. Что меня разочаровывает больше всего, что я, правда, так

думаю. Я готовился – с каким жаром – встретить монолит уже в ореоле вечности, а очутился вдруг в маленькой комнатке консьержки-святоши на пенсии, которая скрывает свои недостатки и навязчивые идеи за щитом в виде знамени, на котором слово «безупречность» было бы вышито заглавными буквами.

Мне очень грустно, так как я глубоко разочарован. Боюсь, это впечатление останется со мною навсегда. Эти господа сказали друг другу все, что хотели, и мы ушли. Когда мы спускались по лестнице, мои ноги были свинцовыми, меня тошнило. Уязвленный, я увеличивал без меры свою печаль, готовый наградить этого человека, от которого я столько ожидал, всеми грехами мира. Разочарование может подействовать вплоть до искажения идей. На прекрасную многоцветную скульптуру вылили кислоту. Необдуманное преувеличение. Слепший, раздраженный, накапливаешь все и размышляешь о плохом. О! Если бы мне было лет шесть или семь, короткие штанишки до колен, мячик под мышкой, вихор на лбу, считалка на устах и капельки пота над верхней губой... Андре Жид, может быть, посмотрел бы на меня и потрогал. Может быть, он даже предложил бы мне конфетку, если она осталась в коробке, потому что он не дал бы и трех кому-то, чтобы купить ее в кондитерской напротив...

Мне было так тяжело очутиться вновь на улице, что мне кажется, я до сих пор ощущаю это сегодня, тридцать пять лет спустя, так, как это было. Я никогда об этом не говорил до сегодняшнего дня. Пришло время сделать публичное покаяние: пусть душа умершего месье Жида меня простит. Я рассказал здесь лишь мое потрясение, которое я пережил. В 25 можно (и это неправильно) унести – мысленно – в безрассудные суждения, которые коснулись тебя в своем глубоком убеждении. И тогда с безумной яростью топчешь идола, который упал в твоих глазах. И тогда с безудержностью, окрашенной недобросовестностью, пачкают – морально – поверженную статую. Слабое утешение, что зло, которое вы делаете, бесполезно, стерильно и, в особенности, несправедливо. Это был просто очень молодой человек, расстроенный, разочарованный, безрассудный, который однажды, давно, почувствовал то, в чем он вам и признался.

Месье Жид, простите меня.

Продолжение следует.

Ирина Лир

Тетраэдр

«Грань первая» и начало «Грани второй» опубликованы в № 9 и № 10 «Сонара». «Грань третья» и «Грань четвертая» будут опубликованы в электронном приложении к журналу – «Библиотека Сонара».

Грань вторая. Музей (окончание)

* * *

Поезд «Киев-Москва» тронулся, оставляя уплывающую назад платформу и провожающих людей на ней. Полина еще постояла немного у окна и зашла в свое купе. Из попутчиков была только одна довольно молодая женщина на нижней полке напротив Полины. Обе верхние полки пока пустовали. Хорошо бы так до самой Москвы, но это мало вероятно. Наверняка продадут эти места по ходу следования поезда. Хотелось бы, чтобы попался кто-то тихий и спокойный, чтобы можно было отдохнуть в дороге. А то, бывает, подседают пьющих мужиков, они всю дорогу прикладываются к бутылке и буянят. Сами «отдыхают», а людей вокруг изводят. Спасу от них нет...

Полина открыла дорожную сумку, достала прибор для измерения давления и набор для экспресс-анализа уровня глюкозы в крови. Вот, теперь она привязана к этому ежевечернему и ежеутреннему ритуалу. Может быть, все-таки можно делать это пореже? Хотя бы давление измерять не каждый раз? Хотя нет, похоже, нельзя. Врач в очередной раз поменял ей лекарство. Никак подобрать подходящее не может: одно мало помогает, второе дает аллергический кашель, третье из аптек исчезло. Вот, теперь четвертое испытываем, поэтому врач просил дважды в день измерять и показания записывать. Ну, это понятно: лабораторный журнал – дело для Полины привычное. Непривычно быть объектом эксперимента, особенно когда дело ведется методом «проб и ошибок». Впрочем, сейчас действительно нужно измерить. Что-то ей нехорошо: болит затылок, сердце стучит, и как будто пелена перед глазами. Все-таки нельзя ей было брать

такую большую нагрузку – недельный марафон с лекцией и двумя семинарами ежедневно. И еще с погодой не повезло: непривычно жарко в этом Киеве.

Манжета прибора сползла с края стола на пол купе и потащила за собой тонометр. Полина нагнулась поднять и потеряла равновесие из-за головокружения. С трудом успела опереться на полку.

– Позвольте, я Вам помогу. Я врач-терапевт. Меня зовут Наташа, – услышала Полина голос над собой, и, подняв глаза, встретила взглядом с попутчицей.

Давление действительно оказалось высоким. И сахар тоже не в порядке. Ну да, она же не успела вовремя поесть. Торопилась успеть на поезд. Задержалась на последнем семинаре, вопросов было много. Не могла она скомкать ответы. Ведь люди же специально собрались поучиться у методиста из Москвы. Многие из других городов Украины для этого в Киев приехали.

Полина достала пару ломтиков сыра, крекеры для диабетиков, картонный пакет-тетраэдр кефира и отломил от плитки порционный кусочек ксилита. Спасибо, Миха разузнал, что выпускают этот сахарозаменитель в твердых плитках. Конечно, так удобнее, чем с порошковым сорбитом, особенно в дороге. Только вот в магазине для диабетиков свободно продается именно сорбит, а ксилит нужно искать, ловить или как-то с кем-то договариваться. «Доставать», как говорят в народе. Это если знать, что в плитках существует. Многие даже не знают. Никогда не видели в продаже, поэтому скручивают себе бумажные пакетики и отсыпают порции в дорогу. А кто-то знает про плитки, но достать не может.

Автоматическим движением Полина проверила, не течет ли ее картонка с кефиром. Привычно подумала, что удобно, конечно, что теперь молоко, кефир и сливки не разливают в стеклянные бутылки, а фасуют вот в такие пирамидальные упаковки. Купили у шведов лицензию на производство. Теперь нет нужды носить из магазина тяжелое стекло, а потом мыть пустые бутылки, собирать их и снова относить в магазин, чтобы там сдать их обратно. Эти пирамидки-тетраэдры и легкие, и одноразовые. Купил, выпил, выбросил. И производителю тоже, наверняка, так лучше. Только вот другая проблема с ними: текут эти советские тетраэдры по

швам, не получается герметично соединить грани. Говорят, по шведской технологии швы должны быть сварные, а у нас они клеевые. Оригинальную технологию изменили, а новую не доработали. И почему-то именно пакеты с молоком чаще всего подтекают. Больно смотреть. Особенно тому, кто пережил голодное военное детство. Впрочем, не обязательно именно военное и именно детство. Мирное, взрослое, но голодное время тоже случалось. И неоднократно. В предыдущем поколении почти всем досталась их доля лиха. А нынешнее, похоже, совсем не знает истинной цены ложки молока, думала Полина. Во всяком случае, в больших центральных городах с нормальным снабжением, пожалуй, только простым покупателям старшего поколения действительно жаль текущего молока. Впрочем, не просто «жаль». Это неправильное здесь слово. Не жаль, а очень страшно смотреть. До спазмов в желудке. Второй десяток лет эти тетраэдры на советском рынке. Столько молока регулярно пропадает, а ничего не меняется. Просто стоят в магазинах большие мусорные баки, продавцы сваливают туда текущие пакеты, нередко еще почти полные, и бросают в те же баки грязные тряпки, которыми вытирают лужи на прилавках и полах. А ведь в маленьких городках на периферии молока не хватает. Полине рассказывали, как хозяйки по утрам бегут в магазины занимать очередь, чтобы успеть купить, когда привезут. Как говорят в народе, «ухватить».

Так за размышлениями о жизни Полина поела, приняла таблетку от давления и прилегла на полку, отвернувшись к стене и надеясь, что станет легче. Но легче не становилось. Разве что несколько утихла тяжесть в затылке. Не очень-то помогает это новое лекарство. Надо будет сказать моему врачу. Интересно, у него еще следующее есть «в рукаве»? Назначает их – как иллюзионист в цирке достает кроликов из цилиндра. Хоть бы одно действительно помогало и еще не давало бы побочных проблем.

Полина села на полке, увидела смотрящую на нее Наташу и рассеяно сказала, не столько жалуясь, сколько констатируя экспериментальный факт:

- Не подействовало. Это уже четвертое лекарство.
- Естественно. Такие лекарства хорошо работают как скорая помощь в острых случаях, когда есть физическая или психическая

перегрузка. При хронических состояниях они мало эффективны, потому что не ликвидируют причину хронического стресса, – сказала Наташа.

– Да, перегрузка у меня хроническая. Уже много лет. И работы объективно много, и больших нервов она мне стоит, – согласилась Полина.

– Вы любите свою работу? – спросила Наташа.

– Конечно. Это интегральная часть моей жизни. Вот только очень больно бывает, когда обижают, – проговорила Полина, и вдруг начала рассказывать о том, что ее мучает, проникаясь все большим доверием к этой незнакомой женщине, так внимательно и тактично-участливо ее слушающей.

– Никто из ваших оппонентов не имел целью вас обижать. Они преследовали только свои интересы, делали то, что, как считали, приближает их к их собственным целям. Вы ведь тоже сражаетесь за то, что считаете правильным. К сожалению, немногие люди умеют находить взаимовыгодные решения.

– Пожалуй, да, – удивленно согласилась Полина, обдумывая такое новое для нее видение жизни.

– Обиду генерируете Вы сами своим восприятием событий. Вас обижает тот факт, что произошло не то и не так, как Вы хотели и ожидали от жизни. Не оправдался ваш прогноз на жизнь. Это разрушительное чувство, особенно для вашего здоровья.

– Да, это я уже хорошо почувствовала, – опять согласилась Полина.

– Заметьте: одно и то же событие, которое мешает вам и обижает вас, одновременно помогает вашему визави и радует его, – продолжала Наташа. – Понимаете, события нейтральны, человек своей собственной трактовкой делает их благоприятными для себя или нет. Знаете, моя мама светло вспоминала свое военное детство. Да, голодали и мерзли, но были свободны и самостоятельны. Смертельно уставшие взрослые вечно работали, а они, дети, бесконтрольно бегали на речку, прыгали с крыши, спасали и выхаживали бездомного щенка, учились общаться в коллективе, стоять за себя, решать свои проблемы и преодолевать трудности и в результате научились выживать. Очень потом пригодилось...

– ...Тому, кто сумел выжить, – перебила Полина Наташу. – У меня тоже было военное детство. Вовсе не светлое. И потом тоже несладко приходилось. Вы мне напомнили старую шутку о том, что, если ты не можешь изменить события, то поменяй свое отношение к ним. Только вот в реальной жизни все совсем не так просто. Случаются необратимые трагедии и кризисы. Они ломают человека.

– Да, жизнь состоит из трагедий и кризисов тоже, а вот насколько они ломают – это зависит от самого человека. От особенностей его психики и от того, какой из путей посткризисной жизни он выбирает. Можно постараться забыть, можно культивировать в себе травму, а можно в произошедшем найти стимул для роста. Первый путь тупиковый, хотя постепенно притупляет душевную боль. Дело в том, что мозг не умеет забывать. Он откладывает ненужное или нежелательное в долгий ящик, но оттуда оно вырывается, когда возникает соответствующая ассоциация. Второй путь – это жертвенное саморазрушение. И только путь осмысления испытания и личностного роста позволяет действительно преодолеть пережитое, – рассказывала Наташа.

– Не слышала о такой постановке вопроса. Этому в медицинском учат? На курсе психологии? – спросила Полина.

– Нет, к сожалению, в институте меня этому не учили. Это только сейчас мне повезло попасть на уникальный авторский курс в Институте повышения квалификации врачей. О том, что такое психосоматика и соматопсихика и как с этим работать. Это о том, что тело, разум и эмоции человека связаны между собой и как они взаимодействуют друг с другом. И как врач может использовать эту связь в терапевтических целях, – ответила Наташа.

– Вы надолго в Москву? – спросила Полина.

– Теперь уже нет. Собственно, я заканчиваю учебу. Просто съездила на три дня в Киев к дочке. Она играла годовой концерт в музыкальной школе. Родители традиционно присутствуют, ведь это самый важный концерт, от него зависит перевод в следующий класс. Теперь вот возвращаюсь в Москву: впереди итоговый экзамен и выпускной вечер с вручением диплома. Ну а потом я обратно в Киев – к семье и пациентам.

Они проговорили еще довольно долго. За интересной

отвлекающей беседой самочувствие Полины улучшилось.

– Уже поздно. Давайте устраиваться на ночлег, – предложила Наташа.

Они потушили верхний свет в купе, оставив только слабые ночнички в изголовье своих полок, расстелили постели и улеглись. Полина заснула быстро.

Разбудил ее страшный шум в купе, крики и сильный свет, пробивавшийся даже через закрытые веки. Она открыла глаза и резко села, пытаясь понять, что за катастрофа происходит, и ощущая, как застучало в висках.

В купе заходили попутчицы: женщина с девочкой лет десяти. Горел верхний свет. Женщина затаскивала в купе чемоданы, стуча ими по дверям купе, сталкивая их друг с другом и пиная ими нижние полки. Девочка истошно кричала: «Хочу к окну!»

– Наши полки обе верхние. Залезай на любую и устраивайся около окна, – сказала женщина девочке.

– Хочу на нижнюю, – закричала девочка.

– Садись сюда, только веди себя тихо. Уже ночь, мы здесь отдыхаем, – предложила ей, проснувшись, Наташа, освобождая место на своей полке у окна.

– Хочу мороженое, – закричала девочка, нагло поглядывая то на Наташу, то на маму.

– Дома получишь. Где я тебе ночью в поезде возьму. Утром будем в Москве, – сказала ей мама.

– Хочу сейчас! – закричала девочка еще громче.

– Дома! – ответила ей мама, тоже переходя на повышенный тон.

– Хочу сейчас! Мороженое и фанту! – заорала девочка во весь голос.

– Дома! – повторила мама еще громче, видимо, стараясь задавить девочку голосом.

– Мороженое, фанту и шоколадку! – завизжала девочка и забарабанила ногами по полке Полины.

И дальше начался невообразимый ор с бессчетным повторением кругов и набором силы звука на каждом обороте: «Хочу!» – «Дома!»

Снаряды ложились плотно друг за другом: мороженое, сок, шоколадка, эклер, сидро, мишка, фанта, кола, арбуз, мультик.. Конца этому не было. Выдержать это было невозможно. Голова у Полины раскалывалась.

Покачиваясь, Полина вышла из купе в коридор вагона. Наташа в след за ней. Открылась дверь соседнего купе слева, и оттуда выглянул заспанный мужчина.

– Что происходит? Случилось что-то? – спросил он недоуменно.

Из соседнего купе справа высунулась молодая женщина с хнычущим младенцем на руках.

– Вы мне грудничка разбудили, – сказала она, укоризненно глядя на Полину.

– Это не мы. Мы сами пострадавшие, – бросилась оправдываться Полина.

– Мы как раз стараемся спасти ситуацию, – объяснила Наташа, обращаясь к молодой маме.

Подошла разбуженная криками проводница.

– У нас в купе ребенок в истерике и неуправляем, – сказала ей Наташа. – Можно их куда-нибудь переселить?

– Удачи вам, спасатели, – ухмыльнулся мужчина и скрылся в своем купе.

– Некуда их переводить. Все занято. Да и права такого нет без их согласия. Они же по билетам, – объяснила проводница. – А посадить их с поезда за нарушение общественного порядка не получится. Это вообще очень сложно, а тут и оснований нет. Подумаешь, ребенок капризничает. Так что придется потерпеть. Хорошо, что до Москвы всего-то четыре часа осталось.

Проводница ушла к себе.

«Это ей *всего* четыре часа. А мне – выдержать еще целых четыре таких часа!» – с ужасом думала Полина.

Она еще посидела какое-то время в коридоре на откидном месте, но поняла, что больше ни сидеть, ни стоять не может. Нужно было лечь и как-то дотянуть до Москвы. Она вернулась в купе. Наташа за ней. Они попали на очередной круг баталии. Уже непонятно было, какая из сражающихся сторон кричит громче. «Дома! Дома!» – грохотала канонада,

сотрясая воздух, и Полине казалось, что вибрируют и стены, и она сама.

– У вас гиперактивная девочка – это вам мой врачебный диагноз. Я бы порекомендовала вам обратиться к педиатру и к детскому психологу, – сказала Наташа женщине.

– Это что же, травить ребенка таблетками? – возмутилась мама, бросаясь на защиту любимого чада.

– Необязательно. Есть много разных средств, – ответила Наташа и подседа к Полине, в изнеможении повалившейся на полку.

– Закройте глаза и повторяйте себе раз за разом, пока не станет легче: «Эти звуки помогают мне. Они делают меня сильнее. С каждой минутой мое самочувствие улучшается по всем показателям». И еще дышите: вдох, задержка дыхания и длинный выдох, – посоветовала Наташа.

Полина прижалась к стенке купе, закрыла глаза и мысленно забубнила, стараясь дышать, как научила Наташа. Все равно деваться было больше некуда. Только бы дотянуть до Москвы!

Постепенно Полина задремала. Ей снилось лето 1944 года. Их семья недавно вернулась в Москву из эвакуации. Тепло. Светит солнце. Они с братом весело бегут по заросшему пустырю позади школы. Зеленая трава, желтые цветы сорняков, фиолетово-зеленые кусты цветущего чертополоха. Брат в восторге хватает тяжеленую полуобгоревшую корягу, поднимает ее на вытянутых руках высоко над головой и радостно кричит Полине: «Поля, смотри, я сильный!» «Мы вернулись! Мы дома!» – кричит ему в ответ Полина. Налетевший порыв ветра задирает рубаху на истощенном войной мальчишеском теле, обнажая выпирающие ребра. Полина подсакивает к брату, тоже ухватывает корягу, и вместе они начинают прыгать и кричать, в безумном восторге от собственной силы удерживая огромную корягу прямо над собой.

«Мы вернулись! Мы сильные! Мы дома!» – разносит ветер по пустырю победный детский клич.

Полина проснулась. Затылок больше не ломило. И вообще самочувствие было хорошим. Легко как-то стало на душе. Благополучно. «Возможно, давление снизилось», – подумала Полина.

Дух исследователя-экспериментатора требовал доказательств. Полина достала аппарат и измерила себе давление. Норма!

– Москва. Прибываем, – объявила проводница, проходя по вагону и заглядывая в купе.

За окном замелькали лица людей на перроне, и поезд остановился. Проводница открыла дверь тамбура и протерла поручни. В здании вокзала Наташа с Полиной тепло простились и пошли каждая своей дорогой.

Уже дома, рассказывая Михе о своих попутчицах и о том, как ей удалось нормализовать давление силой собственной мысли, Полина недоумевала, почему они с Наташей не обменялись телефонами. Ведь явно люди одного круга, могли бы дружить семьями.

– Да, любопытные вещи Наташа говорила, – согласился Миха. – А о том, что преодоление кризиса способствует личностному росту, я уже слышал от моего отца. Он утверждал, что для этого Всевышний посылает человеку испытания. Это еврейский взгляд на мир. Опыт четырех тысячелетий истории нашего народа. То, что не убивает, делает человека сильнее.

– Вот именно: если не убивает, – поставила акцент Полина.

– А Наташу наверняка можно найти на курсе, пока она еще в Москве. Да и потом ее адрес и телефон можно будет запросить в архиве Института, – предложил Миха.

– Да, думаю, можно будет узнать, – согласилась Полина.

Но так и не узнала. Закрутилась. Руки не дошли. А вскоре пришлось уехать в следующую командировку. Да и потом как-то не получилось этим заняться.

* * *

Вечером 1 мая семьдесят шестого года Ольге Фоминичне неожиданно позвонил Глеб, поздравил с праздником и попросил разрешения прийти. Прямо сейчас.

– Да, конечно. Буду рада тебя видеть, – любезно пригласила Ольга Фоминична, удивившись столь странному звонку и настрожившись.

Она помнила многих своих выпускников, с некоторыми эпизодически контактировала профессионально, с кем-то чаще, с кем-то реже, но с Глебом как-то не приходилось. Она помнила его, ей вообще был дорог тот послевоенный набор 1946 года. А диковатый, но волевой и хваткий сибирский парень импонировал ей своим желанием учиться профессии и

новой жизни, работоспособностью, целеустремленностью и настойчивостью в преодолении трудностей. Глеб хорошо закончил институт, вступил в партию, был оставлен в аспирантуре на кафедре и через три года в положенный срок защитил диссертацию. Работа у него получилась добротная, хотя и без «искорки». В науке и на производстве он себя не нашел. Быстро сделал административную карьеру: руководящие посты в институте, а затем в министерстве высшего образования. Постепенно он выпал из поля зрения Ольги Фоминичны. Поговаривали, что он служит в советском представительстве МАГАТЭ. Но никогда за все эти 40 лет он не был вхож к ней в дом. Тем более без приглашения, по собственной инициативе, да еще так срочно.

Глеб принес подарочную коробку эксклюзивного швейцарского шоколада. Потрясающе оформленную, очень красивую, похожую на дорожную шкатулку с драгоценностями. Внутри невероятное разнообразие сортов, невиданных начинок и форм. Даже в виде знаменитых ботинок Чарли Чаплина. Ольга Фоминична никогда такого не видела. Даже не слышала о таком и не задумывалась, что такое возможно. Да как-то и не нужны были ей такие изыски. Не до того было в жизни.

Они пили чай с этим шоколадом, и Глеб вспоминал свои студенческие годы. Благодарил Ольгу Фоминичну. Сказал, что своей карьерой в немалой степени обязан ей. Она дала ему старт во взрослую настоящую жизнь. Поняла его тогда, помогла, поддержала. Ольга Фоминична смотрела на него и думала, что какой-то странный разговор у них получается. Какая-то встреча выпускников в индивидуальном формате. Одного выпускника с одним наставником.

– Как дела? Что сейчас делаешь? – спросила она.

– Работаю. Вот сейчас еду в командировку на Украину. Наша группа готовит большой доклад для МАГАТЭ, – ответил он будничным тоном.

Но она видела, что его что-то гнетет, гложет изнутри. Может быть, болен? Или у него большие неприятности?

Через час он ушел, оставив ее в озабоченном недоумении. Зачем приходил? Жизненный опыт приучил ее не радоваться таким вот спонтанным визитам. Почему-то ей вдруг вспомнилось, как летом сорок первого

года прощался сын, уходивший на фронт. Она настороженно проанализировала весь свой нынешний разговор с Глебом. Нет, вроде бы ничего опасного не проскочило. Во всяком случае, она говорила только правильные, приличествующие моменту слова.

А наутро в институте начался призыв специалистов по радиационной химии, радиационной разведке, дозиметрическому контролю и дезактивации местности для работы на Чернобыльской атомной электростанции и в зоне вокруг нее. Химики – военнообязанные.

Проводов мобилизованных в институте не было. Официально считалось, что они едут в командировку. То, что эта командировка вполне может оказаться только в один конец, специалисты понимали. Но они лучше других были знакомы с этой смертельно опасной силой, с этим коварным врагом, в своем коварстве даже неуловимым без специальных приборов. Только они профессионально знали, как можно усмирить взбесившегося злого джина, вырвавшегося из-под контроля человека. Они должны были обуздать его, ликвидировать нанесенный им ущерб и предотвратить дальнейшее распространение опасности. В этом состояла их военная специальность, и для этого они, офицеры, сейчас уходили на фронт. На беспощадную войну посреди мирной жизни страны. В истории института и страны они останутся под термином «ликвидаторы».

Кому-то повезет вернуться живым. Больным и травмированным на все последующие годы, но хотя бы живым. Кто-то останется навечно прямо там, кто-то сделает мучительную остановку в больнице, а потом присоединится к своим товарищам за горизонтом.

То и дело в вестибюле перед актовым залом института появлялись большие фотографии в траурных рамках, а под ними несколько абзацев биографии ушедшего и одинокая красная гвоздика. Однажды среди фотографий появился и портрет... Глеба!

Уже в больнице, страшный и обессиленный, incapable держать даже ручку в руках, он успел надиктовать очень важную для ученых информацию, добытую в ходе своей командировки...

– Сорок лет назад, юными, мы пришли в этот институт. Каждый со своими надеждами и мечтами. Впереди была вся жизнь. Никто из нас тогда не предполагал, что все вот так сложится. У Глеба был самый

трудный старт, однако именно он стал самым успешным и сделал самую высокую карьеру. Но и ушел почему-то первым, – задумчиво проговорила Полина.

– Сейчас ты должна ему все простить, – ответил ей Миха.

...Опустевшую коробку от того диковинного шоколадного набора Ольга Фоминична не выбросила. Жалко было. Хотелось еще попользоваться этой необычной и красивой вещью, случайно залетевшей к ней из другого мира. Приспособить для хранения чего-то полезного. А когда оказалось, что тот единственный визит Глеба был его прощальным, то уже и не смогла. Стыдно было за себя и больно за него. В том его напряженном предотъездном цейтноте он вспомнил о ней и, уходя на фронт, нашел время забежать, поблагодарить и попрощаться. А она тогда его не поняла. Испугалась неожиданного визита... Не нашла для него настоящих добрых материнских слов... Да, виновата...

* * *

Так страшно, как в начале девяностых годов, Ольге Фоминичне не было, пожалуй, со времен Великой Отечественной войны. Хотя, наверное, сейчас тоже была война, но уже совсем другая. То ли света и тьмы, то ли добра и зла. «Лихие девяностые» – под таким названием эти годы войдут в историю. Устоявшаяся жизнь страны разваливалась по всем направлениям. Политический и экономический кризисы задели академическую жизнь, разумеется, тоже. А вскоре развалилась и сама страна.

– Советского Союза больше нет, – объявил диктор центрального телевидения.

И началась великая смута. «Дикий российский капитализм» – назовут этот период историки. Все на продажу! Даже лексикон изменился: «бизнес, бабки, зеленые, либерализация цен, рэкет, приватизация государственной собственности...» Вернее, «прихватизация», как тогда шутили остряки, метко подметив криминальный по большей части характер приватизации. В стране закрывались производства, уменьшился товарооборот, увеличился разрыв между доходами и расходами населения. «Изменилось товарное наполнение рубля», – объяснили народу экономисты, и на ценниках товаров появилась новая «валюта», обозначенная «у. е.». Подразумевалась «условная единица», некая невразумительная привязка

к курсу доллара. «Убитые еноты», – окрестили это нововведение те же остряки. А потом умелой финансовой политикой правительства денежные сбережения граждан обесценились почти полностью.

– Есть такое китайское проклятие: жить в эпоху перемен, – сказал кто-то на кафедре.

Институт поредел, как тогда в начале сороковых, но тогда уходили на фронт защищать страну, а сейчас оставляли науку ради денег. Государственное финансирование исследовательских работ практически прекратилось. И с зарплатой тоже были перебои. Ее то сильно задерживали, то не платили вовсе, впрочем, как и по всей стране. Химики института уходили в какие-то коммерческие структуры, реставрационные мастерские, странные бизнес-проекты и «совместные предприятия». Молодые ученые искали любую возможность и уезжали работать за границу. Да и немолодые тоже, кто хотел и мог. Их брали. Специалисты они были хорошие, институт известный и уважаемый в научном мире, а платить этим пришлым можно было значительно меньше, чем своим местным. Они и так поначалу были рады тому, что им давали. Они хотели, умели и любили работать. К тому же за работу хорошо, по их мнению, платили.

– Удовлетворяем собственный профессиональный интерес за счет работодателя, – перефразировал кто-то известную шутку.

– Это называется кооперативной игрой. Положение Win-Win, – объяснили ему. И в этом была своя доля правды.

Сотрудники института расходились, освобождая на кафедрах вакансии и лабораторные помещения. Последнее было вообще неслыханно. Раньше места не хватало настолько, что во многих лабораториях было просто тесно. «Освободители» – таким горьким прозвищем наградили остающиеся уходящих.

Горько было от того, что все, что старшее поколение построило, теперь рушилось как дом на песке. Талантливая, грамотная, перспективная смена уезжала реализовывать себя в западных университетах и фирмах. С одной стороны, было приятно, что воспитанники института востребованы на международном уровне. Вот она, высокая оценка деятельности наставников независимым третейским судом. С другой стороны, возникал вопрос, для кого десятилетиями готовили кадры. Да, наука

интернациональна, но ведь она для промышленности, а вот промышленность и экономика национальны, принадлежат стране. А теперь ни серьезные глубокие исследования, ни прикладная наука, ни перспективные технологии этой стране оказались не нужны. И, соответственно, ученые, инженеры и технологи тоже. И этим страна вынуждает их уехать. Ясно, что большинство из них уже не вернется. Они сделают там «на Западе» новую карьеру, молодые женятся, и их дети, вероятно, местный язык назовут родным. А что останется стране, потерявшей значительную часть своих мозгов? Восстановление генофонда если и возможно, то только в особо благоприятных условиях и требует многих поколений. Значит, останется торговать сырьем и природными ресурсами. Да, нефти и газа еще много. И леса, наверное. Страна богатая и огромная. А дальше что? А для чего старшее поколение ценой своей жизни строило и спасало отечественную науку и промышленность во всех революциях и войнах страшной истории страны 20-ого века? Для чего они жили и работали?

– Все-таки хоть в чем-то мы обогнали эту Америку. Вот ей специалисты наши нужны, – пошутил кафедральный остряк.

Но никто в ответ не рассмеялся.

Внеакадемическая жизнь тоже изменилась. Город превратился в какой-то стихийный рынок. Огромные щиты сомнительной рекламы заслонили собой дома. Полки государственных магазинов опустели. Дефицитом в них стали, по существу, все виды товаров. Бесконечные киоски и ларьки загроунили собой улицы. Торговали всем подряд, от пирожков до электроники. Происхождение и качество товара сомнительные. Цена неоправданная, теперь это называется «договорная». Кто, с кем и о чем договорился – непонятно. Во всяком случае, явно не с потребителем. В районных поликлиниках старикам – участникам Великой Отечественной войны выдали именные удостоверения с прикреплением к конкретному гастроному. Там раз в неделю по субботам с девяти до двенадцати утра они могли купить себе по государственной цене гарантированный набор продуктов: литр молока, двести граммов сыра, полкило творога, килограмм гречки, рыбные консервы, еще что-то по мелочи. А в ЖЭКах всем жильцам выдали талоны на сахар в соответствии с пропиской. Один килограмм в месяц на человека.

«Все-таки существенный прогресс по сравнению с талоном на один пирожок с мясом, который нам дважды в неделю выдавали в Коканде в военные сороковые», – сказала себе Ольга Фоминична, пытаясь быть оптимисткой.

– Классное время. Свобода предпринимательства, – заявил электрик, зашедший в квартиру починить розетку на кухне.

– Ты вот кто? – спросил он, ударив ее непривычным «ты».

– Химик, – ответила Ольга Фоминична.

– Тогда что ты теряешься? Химичь! Пеки вафли и сдавай их в кондитерский ларек, – выдал он ей ценную идею.

* * *

Полина стояла у окна кафедральной лаборатории и смотрела на пустующий институтский двор. На душе было пасмурно. Впервые с конца сороковых годов практически нет конкурса среди абитуриентов. Студентов в институте тоже стало существенно меньше. Раньше на ее лекциях собиралось столько народу, что не всегда хватало мест в аудитории. Приходили даже с других потоков и с других факультетов, приносили стулья, сидели и стояли у стен и в проходах. А сейчас аудитории остаются полупустыми. Часть вообще закрыли, чтобы сэкономить труд уборщиц. Ни наука, ни промышленность новому поколению не нужны. Да и государству, похоже, тоже. Вчерашние школьники видят себя прежде всего в коммерции. Теперь это называется элегантным словом «бизнес». Пышным цветом расцвели невесты откуда взявшиеся многочисленные бизнес-школы, бизнес-курсы, бизнес-центры.

– Люди едут за деньгами, за туманом едут только дураки, – перифразировал кто-то известную песню Юрия Визбора.

Увы, вездесущий бизнес проник и в академию. Самым простым и грубым образом. Раньше, когда на кафедре не было какого-то специфического редко используемого оборудования, всегда можно было обратиться к знакомым на других кафедрах или в других институтах и воспользоваться их помощью. Бесплатно, разумеется. Соответственно, они тоже приходили, когда было чем им помочь. Да и просто пообщаться на научные темы. А сейчас чиновники, став свежеиспеченными коммерсантами от науки, сообразили, что прокат оборудования может стать доходом. И

лабораторное время тоже. И совместное обсуждение результатов теперь должно считаться консультацией. Платной. А если есть свободные помещения, то их нужно сдавать. Не важно, каким конторам. Аргументы, что наука все-таки не дикий рынок, а коллективное творчество специалистов, и его коммерциализация тормозит работу и снижает ее эффективность, успеха не имеют. Идеология чиновников-коммерсантов проста и конкретна: деньги на бочку сейчас. Пока можно что-то взять. Похоже, они чувствуют себя временщиками. Наверное, справедливо. Не знают только, на сколько времени. Впрочем, сейчас вообще мало кто что понимает, а уж тем более знает, что и как будет дальше.

А в институте появились коробейники. Чужие люди с огромными баулами. В массовом количестве. Их называют «челноки», потому что они непрерывно снуют между производителем и потребителем. Привозят и продают одежду, обувь, текстиль, мелкую хозяйственную утварь. Это называется «заказы». Кто, когда, почему и у кого это заказал, никому неизвестно. Во-всяком случае, никто из сотрудников института не может вспомнить, чтобы что-то у кого-то заказывал. Коробейникам выделили отдельное помещение в административном крыле здания, но они все равно разбредаются по институту, бесцеремонно вваливаются в лаборатории со своими мешками и торгуют вразнос. Явление раньше просто немыслимое. Хотя бы даже потому, что присутствие посторонних, особенно неспециалистов, в химической лаборатории просто опасно и потому однозначно запрещено правилами техники безопасности. В прежние времена их вообще бы не пропустили через проходную.

В прежние времена единственной представительницей торгующей публики, имевшей доступ в институт, была распространительница театральных билетов. Худенькую седую старушку, много лет ежемесячно появлявшуюся на кафедрах и в деканатах, знали все. Даже охранники на проходной. У них имелось указание ректора: эту пропускать. Она не заглядывала в лаборатории. Ей ставили стол в холле, и она раскладывала на нем свои сокровища. Бывшая балерина, она профессионально была в курсе театральной и музыкальной жизни города. С ней можно было обсудить нашумевшие спектакли и концерты, поговорить о новых постановках, о предстоящих премьерах, заказать какие-то определенные билеты.

– Несу культуру академикам, – весело провозглашала она, появляясь на кафедре.

По времени это было еще не так давно, а кажется, что в какой-то совсем другой жизни.

...Дверь у Полины за спиной резко распахнулась под сильным рывком чьей-то чужой властной руки, и в проем протиснулась шумная додная баба с огромным баулом. Не давая никому опомниться, она бесцеремонно попыталась взгромоздить свою ношу на лабораторный стол, заставленный рабочими приборами, но баул, конечно, не влез. Действительно, почему бы это?! И тогда торговка просто сдвинула мешающие приборы в сторону. В досадном раздражении. Одним хозяйским движением. Все приборы вместе. Самим баулом. Как отвалом бульдозера отгребают в сторону мешающий на дороге мусор.

Удивленно вскрикнул и треснул вискозиметр больно ударившись своим стеклянным корпусом о соседний рефрактометр. Захлебнулся водяной насос, парализованный пережатым шлангом. Разбился и осыпался на пол прибор для вакуумной перегонки, превратившись в простую горку битого стекла.

– Потом подметете. Смотрите какая шуба! – нагло распорядилась коробейница, доставая из своего баула действительно что-то восхитительное.

И шуба завладела неизбалованной женской аудиторией. Ее завоженонно рассматривали, передавали из рук в руки, примеряли, обсуждали и даже не заметили, как случайно смахнули на пол ртутный термометр. И вот тут среди этого шабаша вдруг пронзительно прозвучал громкий сигнал таймера, известивший о завершении процесса лиофильной сушки.

– Люди, очнитесь! – тщетно взывал таймер.

* * *

– Что же все-таки делать? – задавал себе Миха второй из двух традиционных для русской интеллигенции вопросов, проходя по непривычно пустующему и потому полуосвященному зданию химико-фармацевтического института.

Такого запустения в институте, как сейчас, не помнили даже старики, пережившие войну. Зарплату не платят, сотрудники, в основном,

разбежались, а те, кто еще здесь, непонятно зачем приходят. То ли по привычке, то ли по совести, то ли как в клуб.

Секретарши и лаборантки – так те точно: устроили себе на работе женский клуб. Вот и сейчас они собрались стайкой в лаборатории. Секретарша директора сделалась челноком и возит из Турции тряпки. Нет, вещи вообще-то хорошие и красивые, Миха тоже как-то купил у нее платье для Полины, но разве этому занятию здесь место? Впрочем, где и чему сейчас место, непонятно.

– Разруха в головах, а не в клозетах, – говорил профессор Преображенский в булгаковском «Собачьем сердце».

Но это он про двадцатые годы, а сейчас девяностые. Неужели, сделав круг в 70 лет, мы вернулись в исходную точку? Нет, в науке и технике, конечно, нет. В этом мы шагнули далеко вперед. А вот как в психологии?

Открылась дверь, и зашел Женя, молодой спектрометрист из соседней лаборатории аналитической химии. Он тоже в последнее время был больше свободен, чем занят. Дорогое, в чем-то даже уникальное, оборудование его лаборатории впервые в основном простаивало. Удивительно, что Женя был еще здесь.

– Мне тут попалась интересная статья о мировых тенденциях развития химии. Эксперты утверждают, что 21-й век будет временем расцвета фармацевтической химии, – сказал Женя Михе.

– Точно. Немецкий стендист на международной выставке в Сокольниках рассказывал, что крупные химико-фармацевтические концерны открыли отделы скрининга. Pfizer, BASF, Bayer, Roche, Merck, Eli Lilly, Johnson & Johnson. Ищут новые органические вещества и проверяют их на биологическую активность, – вспомнил Миха.

Они смотрели друг на друга. Кажется, у Михи зарождалась бизнес-идея.

Да, Миха задумал дело. Перспективное, однако рискованное: из остатков тех реагентов, что еще сохранились в его лаборатории, и из того, что можно будет собрать у соседей, синтезировать новые органические соединения. Те, что еще неизвестны науке, но, исходя из теории органического синтеза, могут существовать. Если действительно удастся их «сварить», как говорят химики-органики, то для химии – это уже новое

знание. А если еще получится переправить их «на Запад» в соответствующие фирмы, и биологическая активность этих веществ подтвердится, то это даст еще два выигрыша. Для людей – вероятность разработки новых лекарств, а для Михи и Жени – заработок и хотя бы минимальное обеспечение их семьям. Итого, тройной Win, если не брать в расчет большой сопутствующий риск. И не один.

– Понимаешь, «пан или пропал», – говорил Миха Жене. – Одни «если» вокруг: если получится собрать необходимые материалы и оборудование, если синтез пойдет, если технология окажется приемлемой, если мы сами тут не отравимся и не взорвемся с этими пионерскими опытами, если про нашу самостоятельность не узнают те, кому не нужно знать, если каким-то фантастическим образом синтезированные продукты попадут в целевые фирмы, если нам действительно заплатят, и нас с тобой после всего этого еще и не посадят, то нам придется начать верить в чудо.

– Не посадят. Не думаю, – ответил Женя, стараясь придать уверенность своему голосу. – Во всяком случае, мало вероятно. Доносить на нас, похоже, некому: соседняя лаборатория заперта, начальству нет дела до происходящего в институте. Остаются только лаборантки в свидетелях, но они вряд ли заинтересуются тем, что мы тут делаем. Им не до нас. И не до работы. Да и не всегда они здесь бывают. У них свой клуб.

– Да, пожалуй, – согласился Миха, поглядывая в сторону двух лаборанток, увлеченно хлопотавших возле муфельной печи, пытаясь зажарить в ней кролика и запечь картошку в фольге.

* * *

– Дело перспективное и может «выгореть», но риск большой, – сказала дома вечером Полина, заканчивая приготовления к ужину. – Давай сейчас поедим, а потом спокойно все проанализируем. Без эмоций.

– Аналитик у нас Женя, мы с тобой синтетики, – пошутил Миха, чтобы снизить напряжение. Обсуждение предстояло серьезное, а сделанные выводы могли кардинально изменить их жизнь. В обе стороны.

– Помнишь, как, уже заканчивая институт, мы сдавали экзамен по научному коммунизму? Без этого нельзя было получить диплом химикотехнолога. Тебе тогда достался вопрос про три источника и три составляющих части марксизма. И про то, что это учение бессмертно, потому что

оно верно. Ну так давай адаптируем подход бессмертного учения к текущему моменту, – подхватила шуточный тон Полина, тоже стараясь разрядить обстановку.

Они поужинали, и Полина постучала по столу тяжелыми щипцами для колки орехов, подражая распорядителю аукциона с молотком:

– Открываю производственное совещание. На повестке дня три вопроса: что нужно сделать, что для этого есть, чем рискуем?

Они долго и подробно обсуждали все детали предстоящего проекта. Ясно было, что достаточно малого количества вещества, но нужна очень высокая степень его очистки и доказанная структура. Синтез и очистка – это, понятно, на Михе, а анализ и идентификация получившегося – это на Жене. Также было ясно, что из конечных продуктов годятся только сухие негигроскопичные порошки, стабильные на воздухе. Иначе они просто не доедут в сохранности до адресата, даже если вообще доедут. Ну и сама технология синтеза – желательна, чтобы была не слишком многостадийная и, по возможности, в относительно мягких условиях.

– Женю я помню. Он был студентом, а потом аспирантом у Ольги Фоминичны. Защитил интересную диссертацию. Грамотный парень, специалист. И смелый. Как-то повесил в лаборатории плакат «Не мешайте работать!» Думаю, с ним можно идти «на дело», – одобрила Полина.

А что у них для этого есть? В общем-то не так уж мало: их знания и опыт, две лаборатории и свобода безнадзорности.

– Вот безнадзорность ваша как раз ограничена, прежде всего временем. Неизвестно сколько этот балаган продлится, чем закончится, и где мы в результате окажемся. Я имею ввиду нас всех: и людей, и институт, и страну. Ты же видишь, что все разваливается: и в науке застой, и производства закрываются. Зато расцветает торговля, спекуляция и всякого рода бизнес-авантюры. Поэтому работать нужно быстро, не привлекая внимание, и, по возможности, осторожно с точки зрения химии, – заметила Полина.

– А вот этого я обещать тебе не могу. Как получится. Синтезы новые, как пойдут – не известно. Скорее всего, какие как. Может быть гладко, а может быть с сильным и быстрым разогревом вплоть до взрыва. Какими свойствами будут обладать промежуточные продукты и конечные

вещества – тоже неизвестно. Могут получиться вредные. Сама знаешь, что экспериментальная химия – это всегда высокий риск, – обрисовал ситуацию Миха.

Все это Полина и сама хорошо понимала. Конечно, существует теория, есть представление о связи между структурой органических веществ и их свойствами, но природа интереснее, многообразнее и коварнее любой теории. Это каждый опытный химик знает.

– У меня в лаборатории есть доступ к базе данных известных органических соединений и к программе химической графики Chemdraw для проверки химических формул и структур с конвертацией «структура-название», – ответила она Михе.

– Да, конечно, это понадобится. И еще остается самый сложный, ключевой и опасный вопрос всей этой затеи: как связаться с потенциально заинтересованными фирмами и как передать им образцы. У меня нет идей, а без этого дело теряет смысл, – честно признался Миха.

– Помнишь, твой отец говорил: «Дойдем до реки – найдем мост. Найдем мост – перейдем реку». Есть такая мудрость у вашего древнего народа. Давай будем решать вопросы по мере поступления, – предложила Полина.

«Хорошо, что мы не только супруги, но и коллеги», – уже в который раз за их многолетнюю совместную жизнь подумал Миха.

Далеко за полночь они закончили свой мозговой штурм. Похоже, все обсудили, взвесили и постарались предусмотреть. Решили, что есть смысл начать. Написали детальный план работы. Составили списки того, что им нужно из материалов и оборудования и чего недостает. Чтобы отвлечься и отдохнуть, Миха включил телевизор. Выступал Павел Глоба, известный деятель, определяющий себя как эзотерика и астролога. Ну да, в смутные времена всегда расцветают оккультные науки, и их представители получают доступ к средствам массовой информации.

– Россия пройдет пять лет полета над пропастью. Затем следует ожидать подъем из пепла, – вещал оракул.

– Еще надо пережить эти пять лет над пропастью, – мрачно заметила Полина.

– Поразительно, раньше ты не верила всяким предсказаниям,

приметам и тому подобному вздору. Даже высмеивала верующих, – удивленно заметил Миха.

– И сейчас считаю это ерундой. Просто, когда уходит почва из-под ног, человек инстинктивно ищет хоть какую-то точку опоры, – объяснилась Полина.

– Вот поэтому мы с тобой будем опираться на химию. На то, в чем мы профессионалы. На привычный, свойственный нам труд, – почти скомандовал Миха.

– Насколько это получится, – добавил он менее уверенно.

* * *

Шлагбаум на железнодорожном переезде давно опустился, собрав перед собой длинную вереницу машин, но поезд все еще не появлялся.

Миха выключил двигатель своих стареньких «Жигулей». Неизвестно, сколько еще здесь придется простоять. Нечего зря жечь бензин. Но хотелось бы все-таки успеть прибыть на завод к оговоренному времени. Впрочем, даже если он опоздает, это вряд ли чему-нибудь повредит. На этом заводе наверняка тоже полный балаган, как и на других закрывающихся предприятиях. Их теперь масса таких по всей стране.

Миха ехал на подмосковный химический завод. По случаю закрытия завод выставил свое имущество на продажу, надеясь, при нынешнем тотальном отсутствии спроса, реализовать хоть что-то, хотя бы по бросовым ценам. Михе нужен был вакуумный насос для перегонки высококипящих жидкостей. Он созвонился с начальником центральной заводской лаборатории, спросил про насос и вообще, что еще полезного у того есть.

– Приезжай, разберемся. К вышестоящим обращаться не нужно. Я сам с ними улажу, – сказал тот.

Миха удивился, но подумал, что не сильно рискует. Кто знает, что там у них на заводе сейчас происходит.

Стоя в пробке перед шлагбаумом, Миха думал о том, что еще совсем недавно, когда существовал СССР, приобретение оборудования превращалось в настоящее испытание: многоходовое «хождение по мукам» в коридорах власти, бесконечная переписка с технически неграмотными чиновниками по поводу обоснования необходимости именно в таком приборе или аппарате, «выбивание» фондов и другой разнообразный

бюрократический «футбол». И только сейчас, когда на смену планово-командной экономике пришел свободный рынок, стало возможно вот так, напрямую, просто решать вопросы, опираясь на собственную предприимчивость. Правда и вкладывать теперь приходится свои средства.

«Но это же в собственный проект, и результат работы тоже будет принадлежать тебе. А раньше только ответственность была твоя, а все остальное – государственным, даже твои собственные идеи», – напомнил себе Миха.

Наконец поезд все же прошел, и шлагбаум открыли. Через час Миха был у проходной завода.

Равнодушный охранник просто махнул рукой и пропустил Миху, даже не спросив, кто тот и к кому-куда идет. Ни о каком пропуске вообще разговора не возникло.

Миха шел по необычно притихшей территории в сторону центральной лаборатории. Завод был ему знаком. Впервые он попал сюда еще в 1951-ом году студентом на преддипломную практику, потом – на три года молодым специалистом по распределению, а в семидесятых и в восьмидесятых годах его дважды звали сюда консультантом в связи с вводом нового производства. Последний раз Миха был здесь за пару лет до начала перестройки. Тогда здесь кипела жизнь: работали цеха, между ними ходили люди в спецовках, сновали электрокары и ездили грузовики, дымили трубы, шумели градирни. Сейчас вокруг была жуткая картина запустения.

Дверь в лабораторию была открыта. С нынешним ее начальником Миха лично знаком не был.

– Ярослав, начлаб, – запросто представился доброжелательный и открытый, как показалось Михе, человек, явно младше возрастом.

«Ну да, привет тебе от времени. Вот уже заправляет следующая смена», – подумал про себя Миха.

– Вот этот насос, – указал Ярослав на заброшенный старый агрегат в углу под вытяжным шкафом, явно давно вышедший из употребления.

– Сколько времени он вот так стоит? Он рабочий? – с большим сомнением спросил Миха.

– Лет десять назад включали. Тогда работал. Он трофейный. Немецкий. Мы его после войны по репарации из Германии получили.

Использовали в цехе подготовки сырья, а потом линию перепрофилировали, и эта штука оказалась не нужна. Полагалось ее списать и сдать в металлолом, но как-то «руки не дошли». Оттащили в угол цеха и там бросили. Мол, потом сделаем. А потом просто забыли. Лет десять назад ремонт в цехе был. Вот тогда-то этот насос и обнаружили. Включили, а он – работает, зараза такая! Был тут тогда один оборотистый снабженец, так он договорился продать это насос кому-то. Отличная ведь вещь, кто понимает. Полезная, кому нужна. Только вот кое-кто бдительный доложил куда следует, и снабженца этого арестовали. Потому как насос этот – государственная собственность. Оказалось, что по советскому закону завод ее продать права не имеет. Так эта штуковина осталась у нас валяться. А теперь вот она и СССР с его командными методами управления пережила, и в рыночную экономику плавно въехала, – объяснил Ярослав.

– Мне работающий насос нужен, а этот уже десять лет стоит, и до этого тоже много лет стоял, – отказался Миха, мысленно ругая себя за бессмысленную поездку. Нужно было точно все выяснить по телефону.

– Сейчас все организуем. Пошли к дяде Васе, если он еще здесь, – позвал Мihu куда-то начальник лаборатории.

Дядя Вася сидел в каптерке слесарного цеха и мучился тяжелыми мыслями. Его грызла совесть за вчерашнее. Зря он, конечно, Клавку опять побил. Ведь обещал же не трогать. И себе обещал, и участковому. Но она тоже виновата. Зачем было его обижать. Он так душевно с друзьями сидел. Культурно выпивали. И что там пить-то было: всего одна поллитра. А что четыре бутылки взяли, так это правильно: их же трое было, ну и еще одна «на посошок». Математику знать надо: великая наука, мать всех других наук, на ней все держится. А не знаешь математику – не лезь. Клавка обиделась, ушла к подруге ночевать. Но банку с рассолом на столе приготовила. Позаботилась. Значит, любит все-таки.

Мимо каптерки прогромыхал тяжелый грузовик, и Вася переключился с личных забот на общественные: вот опять заводское добро вывозят. Кончается завод. Уже скончался. Развалили, умники. Да что завод, всю страну спалили. Таковую великую страну! А зачем? Ведь хорошо же все было! План завод выполнял и даже перевыполнял на 104%, как этого требовала партия, зарплату работникам платили, и еще тринадцатая каждый

год была, и квартальные премии. И о людях завод заботился: хорошая столовая была, магазин полный, летний лагерь для детей, своя поликлиника и санаторий-профилакторий, жилье работникам давали и путевки профсоюзные в отпуск. Вася с Клавой, когда поженились, сначала в бараке за занавеской жили, а, когда первый ребенок родился, семье комнату в коммунальной квартире в каменном доме дали. Большую комнату, светлую, на два окна. И квартира с водопроводом и канализацией, и соседей немного: еще всего две семьи. Какое счастье было! А с годами Клава фыркать стала: мол, детей трое, разнополые, растут, отдельная квартира нужна. Записалась в очередь на квартиру: завод строил для семей работников здесь же в поселке химиков, а Вася с Клавой к тому же оба на заводе. Им тем более положено. Восемь лет ждали, дети успели вырасти, наконец очередь подошла: в следующем доме им пообещали дать. Всего три года ждать оставалось, пока построят, а тут СССР развалился, и с ним вообще все в тартарары полетело. Ну и кому стало лучше? Хотя... высокому начальству наверняка так лучше. Оно всегда хорошо устраивается, умеет это делать, а вот простой народ опять страдает...

Дверь каптерки распахнулась и на пороге появился начальник лаборатории с кем-то незнакомым, явно пришлым и чужим.

– Дядя Вася, нужно насос посмотреть, – сказал начальник.

– Стакан, – сказал Вася.

– Сейчас нужно, – уточнил начальник.

– Два стакана, – сказал Вася.

– Тогда еще экструдер посмотришь. Там какой-то посторонний звук появился. Похоже, шнек трется, – сообразил начальник.

– И сто грамм для почина, – сказал Вася.

– Договорились, – согласился начальник, останавливая таким образом безудержный рост этой биржи и одновременно прикидывая в уме сколько спирта остается в его сейфе.

...Вот уже два часа как Вася колдовал с насосом: разбирал, чистил, промывал, смазывал где надо, что-то подтягивал, собирал обратно...

Миха сидел в кабинете Ярослава и ждал «вестей с фронта».

– Сделает, – уверенно сказал начальник лаборатории.

– Немецкий довоенный агрегат, конструкция незнакомая,

чертежей нет, инструкции по эксплуатации нет, запасных деталей тоже нет, простоял заброшенный десять лет, механизм старый, – с сомнением покачал головой Миха. – Ну не кудесник же этот ваш дядя Вася.

– Мастер он. Это больше, чем кудесник, – объяснил Ярослав. – Весь этот завод мастера на своем энтузиазме подняли. Мой отец его еще в довоенных тридцатых строил. Жили в бараках без водопровода и канализации, еды не хватало, механизации нормальной не было, а завод поставили. Он перед войной уже ведущим был в своей отрасли. А осенью 1941 года пришло указание эвакуировать в Сибирь что можно, а остальное разрушить, чтоб врагу не досталось. Отец рассказывал, что они чуть не плакали, разрушая. Ведь наконец-то с таким трудом построили, производство запустили, выпуск продукции наладили. Всю душу вложили. И все силы. И своими же руками разрушать пришлось. К концу осени завод перестал существовать, а в начале декабря, когда стало ясно, что немец Москву не возьмет, пришло указание партии начать выпуск продукции. Это на чем же? Ведь обломки одни вокруг! Да и работать некому. Кто в Сибири в эвакуации, кто на фронте, кто в ополчении. И сырья все равно нет. А государственный план есть. Тем более военный заказ. Попробуй не выполнить.

– Да, знакомая ситуация, – понимающее кивнул Миха. – Ну и как же справились?

– Побираться пошли по окрестным производствам. Все же вокруг эвакуировались и бросали, что вывезти не могли. И не все уничтожить успевали. Вот, отец рассказывал, они собирали, что можно было найти, и приспособивали как могли. Мастеров и инженеров очень мало осталось. Пришли подростки из химико-механического техникума и из ремесленного училища, школьники, женщины. Осваивали профессию прямо на месте. А сырье нашли – довоенное, тогда забракованное. Оно в мирное время входной контроль качества не прошло. Сообразили, как его переработать и довести до кондиции. Работали круглосуточно без выходных и отпусков. С ног валились от усталости. Отец рассказывал, что больше всего боялся заснуть на ходу и попасть под работающий механизм. От недосыпа страдал даже больше, чем от холода и недоедания. Они из цеха просто не выходили. Спали прямо тут же вповалку по очереди на мешках с

опилками и завернувшись кто в старые одеяла, а кто просто в брезент. К концу декабря сорок первого года завод уже выпускал качественную продукцию для фронта. Всю войну так проработали – на максимуме напряжения, – каждый день получая фронтовые, срочные и сверхсрочные задания.

– Да, то поколение железное было, – согласился Миха вслух, а про себя подумал: «Вот и я собираюсь. Собираю кто что бросил, что где плохо лежит, кто что продает по дешевке. Полвека прошло, и опять развал. Все по кругу идет. Вернее, по спирали».

– А после войны, когда я в химико-технологический институт поступил, отец счастлив был, – продолжал рассказывать Ярослав. – Надеюсь, что я за ним на этот завод приду. Так и вышло. Я же, можно сказать, здесь вырос. Школьником в заводской пионерлагерь ездил, в кружках заводского дома культуры занимался. Детей сотрудников всячески привечали: семейные праздники устраивали, уроки истории завода в музее проводили, экскурсии по цехам, встречи с ветеранами. Завод себе смену готовил.

– Да, династия – это важно, это серьезно, – вежливо поддержал разговор Миха, думая о своем. Его заботили текущие задачи проекта, который он затеял. И если с химией ему было в основном понятно, то организационно-правовые аспекты этой авантюры, честно говоря, его даже пугали.

– После войны опять пришлось все поднимать фактически с начала, и опять авралом. Одновременно строили цеха, монтировали оборудование, запускали производство, обновляли технику, увеличивали мощности и меняли технологии. Спрос на продукцию завода был огромный. Синтетические смолы, пластмассы и изделия из них везде нужны. Вся страна строилась, восстанавливалась и развивалась. И опять выстояли, справились и победили. Трудовой подвиг как образ жизни.

– И вечный бой, покой нам только снится, – процитировал Миха известную стихотворную строчку.

– Да, именно, – согласился Ярослав и полез в сейф. – Будешь?

– Я за рулем. Мне еще в Москву возвращаться. Два часа минимум, если повезет без пробок, – отказался Миха.

– А я выпью. Мне здесь рядом. Я в поселке химиков живу. Доеду.

Не впервой, – сказал начальник, откупоривая бутылку и продолжая рассказывать:

– За послевоенный период завод стал флагманом химической отрасли страны. Процветал, прибыль была, рентабельность превышала среднеотраслевой уровень. Сотни наименований высококачественной продукции выпускали для энергетики, автопрома, метростроя, машиностроения, авиации и даже для космоса. Ну и товары широкого потребления тоже.

Миха кивнул. Это он и сам прекрасно знал.

– Если бы не Горби с его перестройкой и развалом Союза, завод бы и дальше процветал, – заявил начальник, похоже, слегка захмелев. – А теперь вот налаженные связи с поставщиками и потребителями разрушены, договора не выполняются, законы не работают. Долги потребителей только растут, ну и самого завода, соответственно, тоже. С сырьем проблема: что-то получаем с перебоями, где и с кем удастся договориться, а кое-чего уже нет совсем. Объем производства, соответственно, падает. Ты же сам видел: большинство цехов просто стоит. И со сбытом проблема: агрессивный импорт давит. Зарплата с перебоями, о премиях даже разговора нет. Люди разбегаются, работать некому. А налоги и обязательные отчисления все время только растут. Они уже в три раза превышают чистую прибыль. Обанкротился завод. На продажу с молотка пошел.

Миха молча слушал. Все было так. Везде. Развал и неопределенность. Дикие эксперименты в экономике, перераспределение государственной собственности, свертывание производства, безработица и нехватка кадров одновременно, расслоение общества, обострение международных отношений, всплеск преступности. Хаос в стране, а без политической стабильности нельзя успешно развивать экономику.

Ярослав подлил себе в стакан еще и продолжил.

– Это Горби во всем виноват, – уверенно сказал он, видимо, наконец-то найдя ответ на первый из двух извечных вопросов русской интеллигенции. – Это из-за него теперь вместо завода будет торгово-развлекательный комплекс. Какие-то бизнесмены купили. Китайским ширпотребом здесь будут торговать.

– Да, Китай активно осваивает новые рынки, – вежливо согласился

Миха.

– К счастью, мой отец, не дожил. Не увидел, как мне, его сыну и наследнику профессии, приходится хоронить завод его жизни, – жаловался на судьбу начальник лаборатории, прикладываясь к стакану.

Миха благоразумно молчал, не ввязываясь в политический спор, хотя его давно занимал вопрос о роли личности в истории. Еще со школьных лет. Но однозначный ответ он себе дать не мог.

– Один музей от завода остается, – горько подытожил Ярослав.

Через три часа от начала работы Вася закончил реанимационные мероприятия и залил в насос свежее машинное масло. Позвал заказчика и торжественно включил аппарат. Насос удивленно вздрогнул, возвращаясь к жизни, и заработал, удовлетворенно заурчав электродвигателем.

– Ну, – выжидающе протянул Вася.

– Уже, – ответил начальник и достал из сейфа приготовленный горючар.

Миха с насосом в машине успешно миновал пустую проходную, с которой охранник куда-то отлучился, и уже выехал за территорию завода, когда, почти бросаясь под колеса, путь ему преградил дядя Вася с большущей канистрой в руках.

– Масло подливать, – сказал Вася, очевидно, имея ввиду содержимое канистры и техническое обслуживание насоса.

– Это какое масло? – спросил Миха, предполагая услышать название или состав.

– Хорошее, – ответил Вася.

– Понятно. Спасибо, – поблагодарил Миха, собираясь взять канистру.

– Поллитру, – сказал Вася, отпрянув от Михи и прижав канистру к груди.

– Вот, пожалуйста, – согласился Миха, протягивая деньги.

– Поллитру, – повторил Вася, отступив от Михи еще на два шага.

– У меня здесь нет, – ответил Миха, догадавшись, что Вася требует бартерную сделку.

– В магазине, там, – объяснил Вася, показывая куда-то в конец улицы.

Когда странная парочка, состоящая из прилично одетого человека в хорошем твидовом пальто и заводского рабочего в телогрейке, любовно прижимающего к груди большую канистру, ввалилась в винно-водочный магазин, на них почти не обратили внимание. Очередь напряженно следила за грузчиком, аккуратно выставлявшем у прилавка ящики с водкой. Продавщица внимательно считала ящики, тоже провожая каждый взглядом. Наконец закончила прием товара и повернулась к очереди.

– Дядя Вася, я тебе не отпущу. Меня твоя Клава на этот раз точно прибьет, – разнесся по магазину истошный крик продавщицы.

– Это не мне. Вот товарищ из Москвы приехал. Всего-то одну поллитру хочет, – с достоинством ответил Вася, вдруг, в связи с чрезвычайностью ситуации, приобретая способность говорить законченными фразами.

– За одной поллитрой специально из самой Москвы? – усомнился кто-то особо дотошный и подозрительный из очередников.

– Ну и что такого? Что мы – дядю Васю не уважаем? – осадил его один из первых, стоящих в очереди, и слегка отодвинулся от прилавка, пропуская Миху перед собой.

Очередь одобрительно загудела.

Без единого отказа этот насос проработал у Михи все пять лет проекта, практически ежедневно обеспечивая тяжелые перегонки высококипящих и агрессивных жидкостей. Раз в месяц Миха сливал немного отработанного масла и замещал его порцией свежего из той заветной канистры. И насос честно трудился. То ли он защищал доброе имя немецкого оборудования, то ли обрадовался, что опять нужен и наконец-то дорвался до настоящей работы. А возможно, он откликнулся на заботу, благодарно вспоминая Васю, русского мастера и широкой души человека, вернувшего его к жизни и даже обеспечившего ежемесячной премией в виде глотка свежего качественного масла.

Что это за масло, Женя установил, проанализировав состав. Оказалось, действительно классный импортный продукт с высокой термоокислительной стабильностью, оптимальной пологостью вязко-температурной кривой, стойкостью к механической и термической деструкции и еще с кучей других полезных эксплуатационных свойств.

Откуда дядя Вася взял такое масло, да еще целую канистру, и почему отдал ее всего за одну бутылки водки, Миха не задумывался. Некогда было, да и незачем. Все равно загадочную русскую душу так просто не понять.

* * *

Женя сидел у себя в лаборатории и тупо смотрел, как хроматограф вырисовывает пики хроматограммы. Работать сейчас Женя не мог. Он ждал телефонного звонка от жены. Договорились, что в случае успеха Лена сразу же позвонит ему и скажет условленную фразу. Подробности дома вечером, а сейчас вот этот пароль.

«Как в плохом детективе», – усмехнулся про себя Женя. Но ничего другого они не придумали. Они же не профессиональные разведчики, в конце концов. Даже не любители. Ни знаний, ни опыта у них нет. Действуют, как говорится, на свой страх и риск. О том, что Лену могут арестовать, что в случае проблем она вообще не сумеет позвонить, он даже думать не хотел. Боялся.

Лена была переводчицей-синхронисткой с английского и испанского. Работала на международных переговорах, выставках, конференциях. Она-то и вышла на одного работника посольства, заканчивавшего срок своей службы и покидавшего Россию. Он согласился отправить с дипломатической почтой толстую книгу, нафаршированную маленькими пакетиками с порошками. Поместилось семьдесят штук из первой сотни, которую Женя с Михой сумели наработать за прошедший год. Сегодня Лена передает эту книгу. Конечно, Лена рискует безумно, да и они тоже, но другого выхода передать образцы через границу в заинтересованные фармацевтические фирмы, они не нашли. Искали, думали, мучились, целый год работали «в стол», как говорят писатели. И тогда, видя безвыходность ситуации, Лена сама предложила попытаться задействовать ее профессиональные связи. Она никогда раньше ими не пользовалась, но сейчас Жене очень нужно было.

«Отважная женщина. Или любящая», – думал Женя, с дрожью вспоминая, как они прощались сегодня утром. Как будто она уходила на фронт.

– Обещай мне, что не бросишь мою маму, – потребовала Лена. За

ребенка она не просила. Не сомневалась, что об их сыне он позаботится.

Осторожно приоткрылась дверь, и в лабораторию заглянул Миха. Выжидающе посмотрел.

– Еще не звонила, – ответил Женя на немой вопрос.

Миха зашел и молча сел рядом. Хроматограф закончил выписывать хроматограмму и замер.

Телефон молчал.

– Самые банальные решения часто оказываются самыми эффективными, – ободряюще произнес Миха.

Женя даже не кивнул в ответ, погруженный в свои мысли. Похоже, они совсем потеряли голову с этой авантюрой. Безответственные. Так рисковать не только собой, но и своими самыми близкими людьми. У Михи хотя бы дети уже выросли, выучились и разлетелись из дому. Тоже химики. В Америке сейчас, в MIT успешно работают. И стариков на попечении у него нет. А Жене еще сына поднимать нужно. Специалисты говорят, что талантливый мальчик. Прочат ему музыкальную исполнительскую карьеру. Живет он этим своим фортепиано. Первый ученик в школе. Уже призер престижных конкурсов. А что с ним будет, если с родителями что-то случится? Если они взрослые люди, то должны же отвечать за свои действия. Где сейчас Лена? Что с ней?

Телефон молчал.

Нужно успокоиться и перестать себя накручивать, думал Женя. Времена сейчас другие. Советского Союза больше нет, и его централизованная тоталитарная власть заметно ослабела. Уже не так страшен черт. Хотя нет, все еще страшен. Первые отделы в учреждениях остались, и «товарищи» в них работают. Хотя, общение простых граждан с иностранцами стало, конечно, намного свободнее. А у Лены оно, тем более, естественное, профессиональное. Но и «бдят» там больше. Таких, как Лена, всегда «пасли» соответствующие люди, и сегодня продолжают, просто делают это по-другому, тоньше, в соответствии с изменившейся обстановкой. Ну почему же она не звонит?!

Телефон молчал.

А если образцы у нее обнаружат, то как она докажет, что это не наркотики? Если ей вообще дадут возможность что-либо объяснять и

доказывать. Им же нужны громкие дела для карьерного роста. А тут прямо готовое лакомство: международная преступная группировка из четырех участников. Только ленивый не воспользуется. А среди бдительных товарищей ленивых обычно нет. Тем более сейчас, в этом балагане, им, наверное, еще удобнее работать. Можно легко зацепиться за все что угодно. Ведь никому, особенно нормальным гражданам, абсолютно непонятно, что и как теперь работает, что и как можно делать, и что за это будет. Правовая система рухнула вместе со страной. При советской власти была, по крайней мере, какая-то определенность. В частности, существовала процедура вывоза экспериментальных образцов за рубеж. В случаях командировок в дружественные страны СЭВ в рамках совместных работ, вооружались официальным письмом с подписью директора и печатью института, приглашением принимающей стороны и командировочным удостоверением. Чиновники на границе к такому грузу относились понимающе. У них были на это государственные инструкции. Да и про наркотики тогда слышали в основном применительно к «чуждому образу жизни». А сейчас на границе полный произвол таможенников. Беззащитный. Относительно любых грузов. Работают нагло и самоуправно. Кто сталкивался, рассказывают дикие вещи. Вот и приходится искать обходные пути. Хвататься даже за рискованные.

Телефон молчал.

Ну хорошо. Будем надеяться, что сегодня все удачно обойдется. А дальше что? Где гарантия, что этот работник посольства сдержит свое обещание? Если, при всем его желании, он просто не сможет, то пропадет год их с Михой работы. А если образцы все-таки дойдут до адресата, то получим ли мы за них деньги? Тоже ведь проблема. Фактически отдаем товар без гарантий. Только под джентльменскую договоренность. Допустим, нам заплатят. А каким образом? Все на веру и все неопределенно. А что делать? Они все это обсуждали. Решили, что другого выхода нет. Разве не так?

Телефон молчал.

И это только первые семьдесят образцов. Еще тридцать уже готовы. Остались лежать в шкафу. За ними, если все будет нормально, пойдут следующие. Миха наметил большую программу. Теоретически

должно получиться. Во всяком случае относительно ближайших синтезов принципиальных экспериментальных препятствий вроде бы не просматривается. Во всяком случае, они постарались предусмотреть все, о чем смогли сообразить. Только вот опять встанет вопрос, как их переправить. Второй раз тот же канал не сработает. Его попросту не будет. Этот сотрудник посольства закончил свою каденцию и возвращается к себе в страну. Значит, опять придется ломать голову над очередным «как».

Телефонный звонок разорвал тишину лаборатории.

«Я освобожусь сегодня вовремя. Могу сама забрать ребенка с музыки», – услышал Женя заветные слова.

* * *

Деньги за те семьдесят образцов, их первый гонорар в твердой валюте, Миха с Женей получили очень простым образом. Их передал незнакомый американский ученый, встреченный на международной конференции. Семь тысяч долларов! Из расчета сто долларов за образец. Так Миха сделал для себя два важных вывода: во-первых, дело он задумал перспективное, и, во-вторых, западный бизнес основан на доверии между партнерами.

Однако узким местом всей этой затеи по-прежнему оставался вопрос о способе передаче образцов.

...Миха сидел у себя в лаборатории и «думал думу». На душе было скверно. Вот уже почти два года они с Женей занимаются этим проектом. Успешным бизнесом это назвать нельзя. Нет, по части химии они продвигаются замечательно, а вот деньги им заработать не удастся. Не могут они дотянуться до заинтересованных фирм, чтобы передать туда образцы. После той замечательной операции, которую им устроила Лена, больше ничего за целый год они не сумели передать. Остальное пошло в шкаф. Там уже больше двухсот веществ собралось. Ждут лучших времен. Если они вообще когда-нибудь настанут. Ну никак Миха не ожидал, что вопрос организации сбыта окажется самым сложным. Сложнее, чем решение пионерских научных задач. Что добаться до адресата станет «лимитирующей стадией процесса», как это называется на научном языке.

Дурная ситуация складывается: товар есть, спросом он пользуется, потребитель готов платить цену, которая устраивает обе стороны, а

производитель не может наладить сбыт.

Перед Михой на столе лежала стопка спектров, полученных методом ядерного магнитного резонанса, которые Женя сделал сегодня в дополнение ко вчерашним инфракрасным. Вместе с результатами других анализов, они, несомненно, подтверждали, что получено новое органическое соединение! Ну и что? Кому от этого стало лучше? Или хуже? Что вообще изменилось в мире? А ничего! Разве что лабораторный шкаф обогатился еще одним постояльцем.

Миха закрыл лабораторию, попрощался с Женей и вышел из института на улицу. Бессмысленность работы угнетала. Впрочем, нет, не бессмысленность, а бесполезность. «Научный смысл в моей деятельности все же есть, а вот практической пользы никакой. Разве что очередную статью опубликовать. Но ведь не для того же я все это затевал», – горько думал Миха.

На улице было приятно прохладно. Лезть в переполненный троллейбус не хотелось, и Миха решил прогуляться. Нужно остудить голову, успокоиться и переключиться.

Городская площадь, в прежние времена обычно тихая и довольно пустынная, теперь жила бурной торговой жизнью. Все торговали всем: киоски – одеждой, косметикой и электроникой, коробейники, с рук, – мелкой бытовой утварью, женщины в белых передниках, с ящичков, – ароматной домашней выпечкой, а также замороженными варениками и пельменями, бабки, – с земли, – семечками и зеленью, а какой-то мужик подогнал автомобиль и из раскрытого багажника торговал медом в банках и толстыми шерстяными носками домашней вязки. Посреди этого муравейника расхаживал исполненный достоинства мужчина с большими рекламными плакатами на груди и спине, призывавшими всех срочно записаться в бизнес-школу маркетинга, где поступивших задешево, запросто и быстро научат легко зарабатывать огромные деньги. Сквозь толпу сновали парень и девушка с фанатичным взглядом и фирменными значками «Гербалайф» на лацканах, раздававшие листовки этой фирмы и настырно втягивавшие каждого зазевавшегося в пространный разговор об уникальности продукции компании «Гербалайф» и чудесах собственного молниеносного обогащения путем распространения этой продукции методом сетевого

маркетинга.

Миха присел на скамейку отдохнуть, и рядом с ним моментально материализовался кудесник «Гербалайфа», бросившийся объяснять, как Миха может легко изменить к лучшему свою жизнь, а также жизнь всей его семьи, родственников и знакомых. Довольно быстро Михе надоел этот «лохотрон», и он задал единственный действительно интересовавший его вопрос о составе этих чудо-продуктов. Почуввав интерес жертвы, парень старательно осыпал Миху смесью наукообразных слов, показав при этом собственное абсолютное незнание химии и биологии даже за седьмой класс средней школы.

– Кто Вы по специальности? Химик? Физиолог? Фармацевт? – вежливо спросил Миха.

– Я продавец! – с пафосом ответил представитель славного племени торговцев.

– Удачи Вам. Мне пора, – попрощался Миха, вставая со скамейки и уходя от своего счастья.

Дома Миху ждала Полина.

– Знаешь, кто ко мне приходил сегодня на кафедру? – спросила она интригуяще. – Игнат! Помнишь его? Он теперь крупный бизнесмен от химии. Организовал собственную фирму. Занимается скупкой и сбытом химической продукции.

Игнат был бывшим аспирантом Полины. Звезд с научного небосклона не хватал, но работу сделал грамотную и успешно в срок защитил кандидатскую диссертацию. Парень был оборотистый, твердо стоял обеими ногами на земле и всегда взвешивал практическую выгоду. Он приехал из Казани с направлением в целевую аспирантуру, жил один в институтском общежитии, получал аспирантскую стипендию и всегда искал возможность подзаработать. И находил. Так, например, случайно разговорившись в библиотеке с каким-то студентом и узнав, что тот освоил в стройотряде технику электросварки, Игнат предложил студенту уезжать на два свободных от занятий летних месяца в большое турне по деревням Подмосковья. Варить кому что нужно: ограды, вольеры, заборы, навесы, ворота, теплицы, скамейки. Игнат обеспечивает их дуэт заказами, а студент варит. Они ездили так три лета подряд. Зарабатывали на этих частных

заказах во много раз больше, чем могли бы получить в стройотряде. Хотя, конечно, здорово рисковали: работа-то неофициальная, причем не мелкая разовая, а систематическая. И много, с оплатой, разумеется, по-черному. Тогда, по советским законам, они должны были бы нарваться на большие неприятности, но, видимо, Игнат эту проблему как-то решил или обошел.

– Да, предприимчивость Игната я помню. Виртуоз. Все-таки дождался: пришло его время свободного рынка. Естественно, что он теперь владелец официальной компании. К тому же в своей профессиональной области. Кто как не он, – сказал Миха, и вдруг его осенило: вот с кем нужно поговорить. Игнат, наверняка, сможет посоветовать что-то дельное.

– Он телефон свой оставил? – с надеждой спросил Миха, помня, что после защиты Игнат вернулся в свою Казань, ведь он был «целевиком», и постепенно связь с ним оборвалась.

– Вот его визитка, – ответила Полина. – Я поняла, что он специально приходил представить свою фирму и наладить контакт. Раз он занимается скупкой и сбытом химической продукции, то химики-экспериментаторы представляют для него двойной интерес: и как потребители, и как поставщики.

Миха кивнул, уже набирая номер.

Несмотря на позднее время, через два часа Игнат был у них дома. «Вот что значит деловой человек», – переглянулись Миха с Полиной.

Они благодушно посидели за чашкой чая и рюмкой хорошего вина, с удовольствием отведали татарских национальных сладостей, привезенным Игнатом, вспомнили аспирантские кафедральные будни, поговорили «за жизнь», а потом перешли к делу.

Поначалу разговор складывался приятно. Миха рассказал, чем они с Женей занимаются. Как здорово продвигаются с точки зрения органического синтеза, как много уже наработано нового и как им трудно добраться до адресата. Игнат подтвердил, что Миха на правильном пути с точки зрения бизнес-идеи, что по оценкам ведущих бизнес-аналитиков химия двадцать первого века будет сфокусирована на фармацевтике и кремнийорганике. Особенно на фармацевтике. Именно поэтому мировые химические концерны активно проводят скрининг известных органических

веществ и ищут новые для проверки их возможной биологической активности.

Миха с удивлением услышал, что он не уникален в своей инициативе, что на всем постсоветском пространстве, где на это еще остается какая-то возможность, включая страны бывшего социалистического лагеря, многие грамотные химики-органики занялись таким стихийным синтезом. Синтезируют все что можно из того, что удастся найти. А западные фирмы ищут и скупают образцы.

– Принимают минимум двести миллиграмм, разумеется, степени очистки «чистое для анализа» с содержанием основного компонента не менее 99%, – рассказывал Игнат. – Они заинтересованы, ведь бывшие советские работают с фантастической по западным меркам производительностью. Ежегодно дают десятки новых соединений каждый, в то время как штатный химик-синтетик в крупной американской компании по плану должен синтезировать три новых вещества в год.

– Как-то не похоже, чтобы эти фирмы успешно искали. Во всяком случае, меня они не нашли. У нас десятки нереализованных образцов в шкафу, – с сомнением сказал Миха.

– Добраться до целевого потребителя – это главная проблема производителя и ключевой вопрос любого бизнеса, – кивнул Игнат со знанием дела. – Поэтому я создал свою фирму. Для продвижения химической продукции от производителя к потребителю, в том числе с постсоветского пространства на западный рынок и в обратном направлении.

– Мне нужно в прямом, – уточнил Миха.

– Я готов помочь, – кивнул Игнат и рассказал, что у него есть налаженная связь с несколькими химико-фармацевтическими гигантами в Америке и в Германии, и его фирма успешно поставляет туда продукты органического синтеза из Татарстана. Разумеется, он заинтересован в «расширении географии» своего бизнеса. Зарубежные партнеры воспринимают его серьезно, видя в нем коллегу-химика и делового человека одновременно. Двойное образование позволяет ему четко понимать, в какой продукции та или иная компания заинтересована в данный момент и когда, что именно и кому стоит предложить.

«Вот разговор из абстрактного становится конкретным. Похоже, я

на верном пути», – с удовольствием подумал Миха.

Однако дальше пошло жестко. Да, Игнат готов взять на себя все стадии классической формулировки «товар-деньги-товар». Он гарантирует сбыт. Больше того, Михе даже не нужно будет ждать факта фактической продажи. Игнат готов платить наличными прямо на месте в лаборатории в момент получения товара. В твердой валюте. Из расчета по тридцать американских долларов за каждый образец.

– Но ведь эти фирмы дают по сто долларов за каждый. Я получал, – возразил Миха, почти задохнувшись от негодования.

– Так было раньше. За последний год количество предложений на рынке существенно выросло, поэтому сейчас дают от пятидесяти до семидесяти в зависимости от фирмы, структуры вещества и договоренности, – объяснил Игнат.

– Но ведь не тридцать же! – продолжал настаивать Миха.

– Еще нужно до них добраться и сумеешь им продать, – мягко напомнил Игнат.

Миха молчал. Он был откровенно разочарован. Он так надеялся, что Игнат поможет, а оно вон как оборачивается. Грабеж форменный.

– И никаких проблем с исходными материалами у вас больше не будет. Я обеспечу всем, что понадобится, причем по вполне разумным расценкам. И планового хозяйства тоже не будет. Полная свобода творчества и сдельная оплата. Сколько новых веществ синтезируете, столько денег получите. Я заберу все образцы, – добавил Игнат.

Миха молчал, оценивая услышанное.

– Я не тороплю вас с ответом. Ваше право спокойно подумать, взвесить, обсудить, и даже отказаться. Только вот альтернатива у вас какая? – сказал Игнат, попрощался и ушел.

Полина заперла дверь и повернулась к Михе с немым вопросом.

– Звериный оскал капитализма, – возмутился отчаянно огорченный Миха, даже не заметив, что охарактеризовал ситуацию любимейшим штампом советских журналистов газеты «Правда».

– Ты бы еще вспомнил: «Вихри враждебные веют над нами». Конечно, обидно работать за 30%, но это единственное деловое предложение, которое ты получил за все два года твоих усилий. А если ты о

реальном доходе, то справимся. Мы в войну всей семьей вообще «на крохах» выжили. Опыт есть. Не привыкать, – сказала Михе мудрая Полина.

– Да, опять война. На сей раз человека с бизнесом, – ответил совсем расстроенный Миха и ушел спать. Но заснуть так и не смог.

– Акула капитализма этот Игнат! Я не фраер! Это себя не уважать, отдавать за 30 то, за что без его посредничества можно получить 100! – кричал Женя назавтра в лаборатории.

– Не можем мы получить 100. Ни сами, ни с ним. Ты вспомни, что за два года мы сумели сделать всего одну продажу, причем чудом и с риском. А сколько ты еще продержишься без заработка? Ты прикинь, во что тебе обходится музыка твоего сына. Что ты дальше делать будешь? Поставишь тещу пирожки печь? Ты же даже уроки школьной химии давать не сможешь, потому как они сейчас никому не нужны, – попытался Миха отрезвить Женю.

– Я так не согласен, – бросил Женя и ушел.

Миха еще посидел в лаборатории, тупо глядя в стену, а затем выключил приборы, оделся и тоже ушел из института. Сил бороться у него больше не было.

* * *

Речка плескалась и приятно постукивала по корпусу байдарки. Где-то там, поодаль, по фарватеру проходили катера и моторные лодки, а здесь, в протоке, и дальше, в заводи, пыльным ковром цвели белые и белорозовые кувшинки, роскошно плавая на своих огромных сердцевидных зеленых листьях. Похоже, у них все было стабильно и прекрасно. Эта уверенная красота дикой природы обнадеживала, успокаивала и уводила от тяжелых мыслей, утишая душевную боль.

«Правильно, что мы сюда вырвались из этой душной Москвы», – думал Миха.

Вот уже неделя, как они идут на байдарке по Волге. Вернее, на двух байдарках. На одной Миха с Полиной, а на второй – пара давних друзей-ленинградцев, коллег по бывшей «михалинской аномалии» и соратников по лодочным походам молодости. Снова как в студенческие и последующие молодые годы. Вокруг солнце, чистая вода, вкусный воздух, а по ночам – единение со звездным небом над головой. Тишина, отдаление от

других людей и от цивилизации. Река, ритмичное шлепанье весел по воде, свежевывловленная рыба, костер, уха, лес, черника прямо с куста, палатка, песни под гитару. Вторая молодость.

«Ничто на Земле не проходит бесследно. И юность ушедшая все же бессмертна! Как молоды мы были, как искренне любили и верили в себя...» Бессмертная песня Александры Пахмутовой и Николая Добронравова.

«Жизнь пролетает ментально, – думал Миха, следя за стрекозой, облюбовавшей байдарку. – Вот мы уже пенсионеры. И здоровье все больше требует к себе внимания. Не удивительно: лишения военной молодости, а затем напряженная жизнь и многолетняя работа на пределе физических сил и психологических возможностей. Здоровья это никому не прибавляет. К тому же в «послужном списке» у Полины голодное детство и перенесенный в молодости туберкулез, а у него – врожденный порок сердца и фронтовое ранение. Для них, трудоголиков, работа всегда была центральной частью их жизни и естественным образом продолжалась дома с перерывом на сон и быт. Даже в отпуске от мыслей и разговоров о работе было не уйти. Но им все-таки уже не тридцать. Дети выросли. Разлетелись из гнезда, но, спасибо, династию продолжают. Оба – химики. Старший сын даже успел поработать в том же физико-химическом институте, где раньше работали его дед и отец. Третье поколение семьи. Приятно, конечно. Только вот уехали они из своей страны. Если бы тут все не развалилось, не бросились бы они в эту пресловутую Америку. Теперь успешно трудятся в MIT в Бостоне. Конечно, место в таком престижном научно-технологическом центре тешит отцовскую гордость, только вот за свою страну обидно. Что тут будет? Ведь ненормально же, когда перспективная молодежь массово уезжает навсегда. На постоянное место жительства, как это у них называется. Из молодых сотрудников в Михином институте, пожалуй, никого уже и не осталось. Разве что Женя-аналитик. И то, наверное, теперь уедет. Хотя нет, если бы мог, давно бы уехал. Значит, его здесь что-то серьезное держит. Тогда почему он работу бросил?»

– Ты знаешь, я все-таки про Женю думаю, – сказал Миха Полине.
– На что он обиделся?

– Его реакция естественна. Он тебе в сыновья годится. Ты

вспомни, какие мы были в его возрасте. Такие же максималисты, – ответила Полина.

Они вернулись в Москву через две недели. Уставшие и отдохнувшие одновременно: болели руки, натруженные веслом, неприятно шелушилась обгоревшая на солнце кожа, беспокоили сбитые на камнях и потрескавшиеся стопы, но настроение было хорошее. Позитивное, как это принято говорить на молодежном новоязе.

«Ну на пенсию, так на пенсию. Значит, пришло время. Поражения жизни тоже нужно уметь принимать достойно. Впрочем, почему поражение? Это же нормальный жизненный цикл», – убеждал себя Миха, стараясь заглушить внутреннее сопротивление предстоящему слому стиля жизни. Впрочем, Миху мучало не только сопротивление. Это неминуемое изменение десятилетиями устоявшейся жизни очень пугало его и, естественно, сильно волновало. Вплоть до спазмов в желудке и каких-то странных летучих болей то в спине, то в левой руке, то в нижней челюсти. «Естественные трудности второго переходного возраста», – безуспешно успокаивал себя Миха.

Телефонный звонок раздался сразу же по их приезде. Звонил Женя. Ничего не объяснял, не извинялся, просто сказал, что звонил несколько раз, но не мог их застать.

Миха молча слушал трубку, борясь с собой. Нет, не может он бросить интересное пионерское дело, которому уже отдал два года.

– Я был в отпуске, – наконец ответил он Жене.

– Я завтра могу быть в институте, – осторожно-вопросительно прозвучало в трубке.

– Приходи, – ответил Миха.

За три последующих года работы они передадут Игнату почти четыреста образцов новых органических соединений.

Из статистического отчета, который Химическая реферативная служба США опубликует на рубеже веков, станет ясно, что за пять лет середины девяностых годов количество известных в мире органических веществ выросло всплеском в три раза. Девяносто процентов из них тогда не нашли практического применения в фармацевтической химии, но они усилили потенциал других областей промышленности и обогатили

мировую науку в целом. Их структура была установлена, свойства изучены, способ получения и очистки разработан, и они ждут своего часа, когда на них появится спрос. А многие из тех веществ, что успешно пошли тогда в фармацевтическое дело, вернулись в Россию в составе дорогих импортных лекарств.

Во второй половине девяностых продажу химической продукции за рубеж монополизировало государство. Платило работникам еще меньше, чем частные предприниматели, но в целом жизнь, кажется, начала медленно налаживаться: восстанавливались какие-то институты и некоторые производства. Появились прикладные заказы. Малоинтересные, но официальные, и за них платили зарплату. Первым таким заказом для Михи стала разработка новой фторсодержащей добавки к зубной пасте для Южной Кореи. И постепенно период «стихийного синтеза» закончился. У кого-то часть готовых образцов так и осталась лежать в лабораторных шкафах не реализованная. Так тоже бывает в науке, когда сделанные открытия остаются закрытыми, и ждут второго пришествия и нового открывателя.

По результатам своей работы Миха, в соавторстве с Женей, написал фундаментальный труд о продвинутой органической химии: реакции, механизмы и структуры, который, по единодушному мнению коллег, обогатил теоретическую и прикладную химию. Эта книга переживет своих авторов, и, судя по индексу цитирования, будет пользоваться огромным вниманием специалистов еще долгие годы двадцать первого века.

* * *

Торжественное открытие музея и празднование семидесятилетия института, теперь уже университета, отмечали с размахом. Организационный комитет, возглавляемый директором музея, готовил это двойное мероприятие почти целый год. Были выпущены юбилейные марки, конверты и открытки, которые сразу же стали коллекционной ценностью. В фойе перед актовым залом развернули выставку научно-технических достижений университета и фотовыставку уникальных фотографий из старого институтского архива. Была издана история университета, куда вошли в том числе история кафедры, написанная Ольгой Фоминичной, и «Заметки преподавателя» Полины, вызвавшие горячие дискуссии среди коллег.

А вслед за историей вышел сборник интервью и воспоминаний-размышлений ветеранов. Этим людям-легендам, ровесникам уходящего двадцатого века, было что вспомнить и чем поделиться с заинтересованным думающим читателем. На их долю выпало многое, но они выстояли и победили. Они научились преодолевать себя и ситуацию, сумели отделить в своем сознании страну от власти и отдали себя и свой профессионализм развитию страны. И вот теперь они вели с читателем откровенный разговор о месте человека на фронте Жизни и в потоке Времени.

В день главного торжества на территории университета, или, как теперь было принято говорить, в кампусе, собралось огромное количество людей: выпускники всех лет и специальностей, сотрудники всех кафедр, друзья университета из разных стран, коллеги из научного мира, ведущие специалисты и руководители промышленности. Немногих оставшихся старейших сотрудников университета, уже практически не выходивших из дому, привезли на университетских машинах.

– Эти люди-символы должны оставаться путеводными звездами, – сказал ректор.

Старики были счастливы. Они вновь оказались в родной академической среде, да еще на празднике, скорее всего, последнем празднике их жизни. К ним подходили люди, представлялись, тепло приветствовали, поздравляли, рассказывали о жизни, о работе, о себе. Бывших студентов и аспирантов было не узнать, к тому же старики далеко не всех уже помнили, но это было не важно. Главным было душевное тепло и радость общения, которыми так искреннее и щедро делился подошедший, а имя, год выпуска и название выпустившей кафедры были, к удобству, написаны на прикрепленных к рубашкам и блузкам личных бирках. «Tags» или бейджик, как это принято называть теперь.

После торжественного заседания с приветственными речами, поздравлениями, вручением университету второго ордена и подарков, был банкет и большой концерт из двух отделений. Вернее, два концерта с перерывом на банкет.

Первый, на радость меломанов, классический музыкальный с известными исполнителями и программой из жемчужин музыкальных произведений. А в конце концерта произошло что-то необыкновенное. Сын

Жени, юное дарование, сокровище Академии музыки, играл на рояле фантазию-экспромт Шопена. И как играл! Его вызывали снова и снова. Он играл «на бис», и зал опять замирал в экстазе, ловя каждый звук.

– Можно рехнуться, как хорошо! – совсем не литературно просто-налом рядом седой профессор с кафедры процессов и аппаратов.

Второй концерт, в стиле капустника, был для знатоков и ценителей университетского фольклора. Всеми любимая и знаменитая местная команда КВН разыгрывала на сцене университетские байки. Зачитывались шуточные телеграммы, поступившие в адрес юбиляра. Звучали любимые студенческие песни, и их подхватывал весь зал. Под хохот и веселые реплики публики прошла викторина «Хорошо ли ты знаешь свой университет?», и кавээнщики вручили призы победившим в разных номинациях.

Сидя за банкетным столом рядом с Михалинскими, Ольга Фоминична смотрела на сцену, где дети из подшефного университету школьного кружка «Юный химик» разыгрывали шуточные сценки про «приключения элементов периодической системы».

– Удивительное дело, этот праздник, еще даже не закончившись, уже принадлежит музею, – сказал Миха.

– Эти дети на сцене тоже. Музей – это хранитель времени. Впрочем, нет, не совсем так. Музей сам принадлежит Времени, – отозвалась Полина.

– А мы принадлежим и музею, и своему времени, и истории нашего времени, – добавил Миха.

«Говорят, что человек должен в жизни родить детей, воспитать внуков и увидеть правнуков», – думала Ольга Фоминична, слушая Михалинских.

Время отпустило ей длинный срок. Неправдоподобно длинный. Она родила сына и успела подготовить тысячи специалистов трех поколений. Детей, внуков и правнуков. Пусть не родных биологических, а наследников профессиональных, но все равно потомков. А сейчас на этом последнем в ее жизни свидании с родным университетом, Время показало ей поросль следующей смены. Интеллектуальный потенциал страны.

Уже слабо верилось, что страна сумеет его реализовать, но очень хотелось на это надеяться.

Эйтан Адам

Волки¹

Моей дочери Наоми

«Homo homini lupus est².»

Римская пословица

Выстрел.

Серая тень шлепнулась на лед.

– Зря, дочка, – сказал отец.

– Почему зря?

– Они нас охраняют.

– В каком смысле?

– В прямом. Пока они крутятся вокруг нас к нам не подберутся другие... волки.

Девочка почесала подбородок типично мужским движением, унаследованным от отца.

– Ты бы их еще подкармливал.

– А я и подкармливаю. Всякий раз, когда идем на рыбалку, я потрошу рыбу на месте и вываливаю им потроха и головы. Они это уже знают и терпеливо ждут.

– Приручаешь?

– Нет. Именно подкармливаю. Чтобы знали: здесь можно перекусить, но не насытиться. Тогда они останутся охотиться в наших краях, а другие не сунутся. Заметь, я каждое утро выгоняю мужчин на рыбалку, хотя особой надобности нет. День – на западной стороне, день – на восточной. Здесь две разные стаи, наш остров разделяет их.

– Так они что, на вас не нападают?

– Когда рыбачим – нет.

¹ Навеяно рассказом С. Лукьяненко «Поезд в Теплый Край».

² Человек человеку – волк (*лат.*)

Тем временем, увидев, что стрельбы больше нет, другие волки усе-
лись пировать трупом поверженного товарища.

– Терпеть их не могу.

– Не смотри.

– Папа, а давай, пойдем на охоту.

– Нет.

Это было сказано совершенно категорическим тоном.

– Ну, пап, у меня скоро день рождения!

– Через восемь дней. Но и тогда не разрешу.

– Пап, я видела на правом берегу оленей.

– Я тоже видел. Далеко.

– Не больше трех километров. За ними погнались волки, но не до-
гнали.

– Ну вот, хочешь сражаться из-за добычи с волками? Всех не пе-
рестреляешь.

Когда три года назад Дэн Юстис неожиданно объявил, что продает
свой бизнес и покупает ферму, удивлению не было границ.

– Ты не фермер, – категорически заявила его жена. – Ты лейтенант
морской пехоты, капитан дальнего плавания, магистр геологии, преуспе-
вающий бизнесмен – но не фермер. Я тебе, как психиатр, заявляю.

– А что, фермеры, по-твоему, все психи?

– Наоборот. Полуживотные. У них вообще, по-моему, психики
нет.

Но настоящий скандал разразился, когда поехали смотреть куп-
ленный Дэном участок.

Это был лесистый остров на большой реке около двух километров
в длину и метров шестьсот в ширину. С обеих сторон он омывался широ-
кими рукавами. В северной части бил горячий гейзер – редкость в этих
местах. Но главное – он находился посреди заповедника.

Они объехали остров на катере, потом высадились на берег и
устроили пикник. Жена молчала, дядя Тедди чему-то улыбался. Дети же –
одиннадцатилетняя Нелли, восьмилетний Рем и пятилетний Окк – весели-
лись от души.

Неожиданно жена вскочила:

– Что это там за собаки? На том берегу?

– На том берегу? – Дэн посмотрел в бинокль. – Это не собаки, это волчица с волчатами. Этот лес так и называется – Волчий.

– Ну, с меня хватит, – заявила жена. – Да, тебя никто не признает сумасшедшим. С точки зрения современной психиатрии ты здоров как бык, уж я-то знаю. Но этому есть только одно объяснение.

– Какое же?

– Что как наука современная психиатрия еще в пеленках! – жена перешла на крик. – Где это видано? Ну ладно, я понимаю, неожиданно надоело дело, которому отдал треть жизни, и продается хорошо налаженный доходный бизнес. Я еще могу понять, что тебе захотелось резко сменить обстановку и заняться физическим трудом на свежем воздухе в непосредственном контакте с комарами и навозом. Но в качестве фермы купить кусок леса, который еще корчевать надо, у черта на куличках, посреди заповедника... Кстати, как тебе разрешили? На сколько ты их подмал?

– Ты же знаешь, я никогда не обсуждал с тобой детали бизнеса.

– Но теперь тебе кое-что придется со мной обсудить.

– Что же именно?

– Тедди, – крикнула жена, – мы тут немного отойдем, последуи за детьми, пожалуйста.

Они прошли по берегу, нашли поваленное дерево и уселись.

– Я хочу развод, – заявила жена. – Я хочу развод и половину имущества. Я не хочу, чтобы моих детей воспитывал сумасшедший.

Дэн сорвал травинку, закусил зубами и ничего не сказал.

– Я пойду тебе навстречу. Мне не нужна половина этой, с позволения сказать, «фермы». Я согласна на сорок процентов имущества в денежном эквиваленте. И я отказываюсь от алиментов.

– Дети останутся со мной.

– Что?!!

– Не ори. Ты знаешь меня и моих адвокатов.

– И ты... и ты натравишь этих бешеных собак на меня?

– При таком раскладе? Разумеется.

- Сволочь!
 - Спасибо на добром слове. Короче: я продал бизнес немного в убыток, но сумма приличная. Я перечислю тебе одну шестую суммы.
 - Почему только одну шестую?
 - Потому что в моей семье шесть членов.
 - Кого это еще ты имеешь в виду?
 - Моего брата Тедди.
 - Ну уж он-то точно псих. Как и ты.
 - Пока что психуешь только ты. Ну ладно, проехали. На днях ты получишь деньги и можешь уезжать куда хочешь.
 - А что ты скажешь детям?
 - Ты им все объяснишь.
 - Я?!!
 - Ты. Ты им скажешь, что... что возвращаешься на юг в свой родной университет, чтобы продолжать научные изыскания, прерванные нашей женитьбой. Что тебя срочно приглашают на очень важные исследования общенационального значения.
 - Самое интересное, что это хорошая идея – снова вернуться в университет.
 - А что касается самой процедуры... Я бы не советовал тебе торопиться. Выпусти пар и приведи себя в порядок.
 - Но ноги моей на этом острове больше не будет.
 - Зато детям я здесь устрою рай земной. Это я тебе обещаю.
- Они помолчали.
- Я не верю, – продолжила жена. – Я просто не верю.
 - Чему?
 - За кем я была замужем почти пятнадцать лет?

События завертелись быстро, Дэн лично руководил работами. И хорошо, что жена не увидела его дальнейшего чудачества: четырехметровой бетонной набережной вдоль всего периметра острова. И трехэтажного дома с двухэтажным подвалом, похожего на замок, построенного буквально вокруг гейзера.

Но детям дом понравился, хотя большая часть многочисленных

комнат осталась запертой. А так им жилось как никому: в школу ездить на быстроходном катере (зимой на легком вездеходе), купаться сколько влезет – и зимой, в гейзере, – учиться стрелять, плавать, возиться с собаками и лошадьми, утками и гусями, рыбачить, зимой бегать на лыжах, а на каникулы летать к маме на юг.

Все шло хорошо. Пока не пришла Большая Зима.

Утром в свой день рождения Нелли встала очень рано. Умывшись и сделав зарядку, она оделась и побежала наверх, в смотровую башенку – ей нравились утренние сумерки.

В башенке уже сидел отец. Закутавшись в свою любимую доху, он оглядывал окрестности в ночной бинокль.

– С добрым утром, папа.

– С добрым утром, дорогая именинница, – отец повернулся к ней, ухватил за уши шапки, притянул к себе и крепко поцеловал. – Поздравляю.

– Спасибо. Ну, и что нового в белом безмолвии?

– Не так уж оно безмолвно. Снова с севера пришли большие стада оленей, волки жиреют, лисам, рысям и куницам тоже перепадает, птицы летают... Меня больше волнует следующее лето – как природа приспособится. Боюсь, многие виды погибнут, им не хватит короткого лета для размножения.

– Пап, а... а наша планетарная ось когда-нибудь встанет на место?

– На прежнее место? Уже никогда. Вообще такие катаклизмы – огромная редкость.

– А что дядя Тедди говорит?

– Что ось стабилизировалась, насколько он может судить.

– А климат?

– И климат, соответственно. Теперь у нас на экваторе будет климат средних широт, а здесь – почти полярный. Нам еще повезло: зима хоть и длинная, но умеренная...

– Пап, смотри!

По льду в их сторону шел человек.

Это был крупный мужчина с большим рюкзаком за плечами. Он широко шагал, слегка проваливаясь в снег.

Два волка метнулись за ним из-за деревьев. Человек обернулся. Волки бросились. Человек сделал несколько резких движений. Волки остались лежать на снегу.

Человек снова повернулся в их сторону. В руке у него был здоровенный окровавленный тесак. Он нагнулся, вытер тесак о снег и пошел вперед с тесаком в руках.

Было тихо. Было по-зимнему очень тихо. И человек шел тихо, даже снег не скрипел. И уже вблизи от острова из-под набережной бесшумно рванулись еще три волка.

Один остался лежать на снегу, два других ретировались. Человек опять вытер тесак, огляделся и убрал тесак в ножны. Затем внимательно посмотрел на остров.

Он простоял так несколько минут, словно делал рекогносцировку. Потом снял рюкзак, положил его на снег, открыл боковые клапана, достал нейлоновый трос с «кошкой», свернул для броска, второй конец привязал к рюкзаку. Достал кусачки, пристегнул к поясу. Вынул из кобуры пистолет, проверил магазин, плавно, без лязга дослал патрон, затем начал навинчивать глушитель...

Выстрел оглушил Нелли. Человек рухнул на лед. Волки бросились к нему.

– Не смотри, дочка.

Она уткнулась в доху. И вдруг тишину прорезал детский плач, потом короткий визг.

Она вывернулась из-под отцовской руки, бросилась к окну. Внизу волки рвали что-то в рюкзаке.

– Папа!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

– Папа!

Отец повернул к ней каменное лицо:

– У меня не было выбора.

Огромные глаза Нелли были полны ужаса.

– У меня не было выбора, дочь. Ты... ты просто не знаешь, что

делается. Выпей воды.

Она оттолкнула его руку, сама налила себе воды, выпила, расплескав полстакана, налила еще.

– Я даже не знаю, как это началось. Помню, мама как раз была беременна Окком, к нам зашел Тедди сам не свой. Вот тогда-то я впервые и услышал о предстоящем повороте оси. Тедди, при всей его безалаберности, прекрасный ученый. Он может часами фантазировать на научные темы, но с конкретными формулами и числами работает очень четко.

Так вот, мама налила чай и оставила нас одних, полагая, что Тедди опять начнет разглагольствовать. К тому же, выборы были на носу, а Тедди и политика... Но Тедди начал с того, что в их обсерватории всех планетологов вдруг взяли в какой-то сверхсекретный проект. Всех, кроме него. Он, конечно, обиделся, пошел к директору – директор только развел руками, произнося слово «контрразведка». Вот Тедди и спросил меня, не знаю ли я кого-нибудь, кто мог бы помочь.

Я его успокоил. Почему его не взяли – ясно: такому трепачу только секреты доверять. Но нюх меня не подвел – что может быть секретного в планетологии? Я и спросил Тедди, а чем они занимались в последнее время. Тут Тедди и выдал про поворот оси. Я ему – стопку бумаги и карандаш. Он исписал десять страниц и вывел убийственный результат: изменение наклона на двадцать один градус за какие-то четыре месяца. И срок назначил: через неполные восемь лет.

Хоть я и знал, что на Теддины расчеты можно положиться как на присягу коммандос, но тут уж я сам полез в справочники и тряхнул старинной в математике. Все сходилось. Это можно было предсказать и пятьдесят, и сто лет тому назад – просто никто не удосужился сделать эти выкладки.

Тедди думал, что их взяли в проект по остановке поворота. Он даже прикинул необходимое усилие и спросил меня, реально ли это. Я перевел килоньютоны в килотонны и получил общепланетную радиоактивную пустыню.

Тут Тедди ляпнул про возможные изменения климата. Я опять кинулся к справочникам. Получилось, что и мы, и большинство развитых стран окажемся практически в полярном климате, что снег будет выпадать

даже у экватора и так далее.

Потом Тедди вспомнил, что они уже посылали меморандум министру, где изложили возможные последствия. Ну, результат – все засекретили.

Тогда я позвал маму, рассказал ей и спросил о возможной реакции *homo politicus* на такую информацию. Она заявила, что нормальный политик этому просто не поверит – как и она не поверила – и решит, что его разводят на очередное увеличение бюджета. «И вообще, – продолжила мама, – выборы на носу, и это для политика важнее всего.»

Видимо, она была права. А засекретил их какой-нибудь ретивый помощник министра – так, на всякий случай. А контрразведка отсеяла Тедди как ненадежного – на наше счастье.

Тут мне и пришло в голову проэкстраполировать события. Получилось, что если срочно не начать принимать меры, готовить инфраструктуру, делать запасы, то все может кончиться очень плохо. Я попросил маму представить возможные модели социального поведения в неподготовленной стране. Она, посмеиваясь, предложила несколько вариантов. Но во всех – полный развал государства и общества. «К счастью,» – усмехнулась она, – «есть полным-полно странных изданий, которые постоянно печатают подобные страшилки, а планета все-таки вертится.»

Мы с Тедди крепко выпили, потом Тедди ушел. Скоро родился Оок, и, принимая поздравления, меня точила мысль: что будет?

Я снова все перепроверил. И сделал простой ход: написал научно-популярную статью и послал ее – анонимно – в разные места. У нас и за границей. Никто не напечатал. Тогда я послал в те издания, которые мама назвала странными. Три из них напечатали. У одного тут же была отобрана лицензия за всевозможные нарушения, – которых и раньше было навалом, – другое вдруг обанкротилось, а третье просто исчезло. Вместе с офисом редакции – я специально ходил смотреть.

Понимаешь, они печатали любой бред. Те, что исчезли, регулярно публиковали протоколы заседаний Мудрецов Большой Зги из третьей параллельной вселенной. А как напечатали про ось...

Короче, мне все стало ясно. Политики и бюрократы будут молчать, пока планета не затрещит – потому что им нечего предложить. И всем,

кому надо, рот заткнут, контрразведка у нас хорошая. А о самих себе они не беспокоятся – к их услугам общенациональные ресурсы. А народ... А что народ? Без вождя народ – толпа. А я не вождь.

И за границей было то же самое.

Вот и оставалось думать только о себе и о своих близких. И тут мы с Тедди наткнулись на этот остров. И сразу поняли: то, что надо. Сама посуди: довольно большой сам по себе, посередине огромной, но малосудоходной, реки, вокруг дикий лес – до ближайшего жилья пятьдесят километров, – в лесу полно зверей, в реке полно рыбы. И горячий гейзер! Единственная проблема – заповедник. Национальное достояние, приватизации не подлежит.

Я думал – не страшно, подмажем кого надо. Но оказалось, что люди из Общества охраны природы – честные идеалисты. Лесники здесь были – сама помнишь, золотые люди. Так что пришлось провести многоходовую комбинацию. В конце концов, прежний председатель неожиданно стал деканом своего факультета и оставил пост из-за огромной занятости. Новым стал министерский выдвиженец, с ним мы поладили. На все это ушли годы.

А дальше – дело ума, денег и техники. Высокая отвесная набережная – залезет только альпинист, да по верху – три ряда спиралей колючей проволоки, снизу их не видно, а сейчас и снегом припорошены. Собаки патрулируют весь остров по участкам, обучены. Энергии от гейзера хватает с избытком. Утепленный пруд для гусей и уток. Парники с картофелем, с луком, с чесноком, с другими овощами, с бобовыми. Специально с севера привез и посадил карликовые полярные яблони, целый сад. Да и запасы огромные. Хлеб, правда, расти не будет.

Если бы я сказал маме, зачем я это делаю – не миновать мне смиренной рубашки. В итоге она уехала, а мы с тобой и твоими братиками прожили здесь два веселых года. И началось!

Собственно, от нашей страны осталась только одна небольшая долина – Теплый Край. И хотя на прочей территории сохранились армейские базы со стратегическими запасами и – пока что – дисциплинированными солдатами, государства больше нет. Сбылись худшие прогнозы. Но даже в самых страшных снах я не мог себе представить... не мог себе

представить... каннибализм.

Помнишь, в августе, когда пошел снег, я вдруг перестал ездить по округе? Просто... я увидел, как на рынке торгуют оружием и... мясом. Очень дешевым мясом домашнего копчения.

С севера валили беженцы, далеко не мирные. Фермеры с оружием в руках защищали свои владения, горожане защищали свои запасы. Все были озлоблены на правительство, и поделом. Местные власти тоже бежали. И все знали, что зима предстоит длинная, а урожай погибает, и нужно запастись продовольствием.

Помнишь, в начале сентября к нам прилетел вертолет? Это были мои друзья: полковник Гец, подполковник Робс и полковник Плауб. Гец и Робс были у меня во взводе сержантами, а Плауб вместе с ними влип в историю. Опустим детали, но от трибунала отмазал их я. А такое в морской пехоте не забывают.

Так вот, они предложили мне всех нас увезти с собой на одну из их баз. Там все было в порядке, и их семьи тоже были там. Но я не согласился. Мало ли, и в армии может начаться разложение, бунты... Худшее, что может быть – взбунтовавшаяся армия. А здесь мы – как робинзоны, да еще под защитой волков.

Тогда мы договорились о другом. Они мне потом привезли много разного армейского имущества, да и оружия подбросили. Но главное – я получил армейские рации и два передатчика дальнего действия. И шифры.

Ты думаешь, чего я тут наверху часами сижу? На лес, что ли, не могу налюбоваться? У меня в соседней комнате целый радиоузел. Сам я почти не выхожу в эфир, не хочу светиться. Но постоянно прослушиваю армейские переговоры. А они неутешительны.

Вы там слушаете бодрящиеся передачи из Теплого Края и из-за границы. Они не столько врут, сколько замалчивают. Да, есть шанс реорганизовать хозяйство, наладить жизнь. Но для этого придется пожертвовать минимум половиной населения. И к концу зимы это будет выполнено. Кто замерзнет, кого... Впрочем, замерзших тоже...

Отец замолк, повернулся к окну. Нелли тоже молчала.

Стая волков, покончив с людьми, пожирала трупы своих. Нелли отвернулась:

– Волки едят волков. Люди едят людей. «С волками жить – по-волчьи выть» – так говорили древние. Вот мы и завьли.

Вечером праздновали день рождения Нелли.

Все собрались за общим столом – десять мужчин, двенадцать женщин, восемнадцать детей – почти весь клан Юстисов, включая жену Дэна. Робинзоны необитаемого леса.

Именинница приятно улыбалась, но была не очень-то весела. По радио удалось поймать неплохой симфонический концерт. На стол были выставлены марочные напитки, домашние настойки, фаршированные гуси, рыба и даже пироги.

Это был пир. Они пировали по праву: они выжили и могли уверенно смотреть в будущее. Да, идея принадлежала только двоим, но остальные успели своевременно присоединиться и внести свою лепту. Пришлось даже построить дополнительные склады.

Они не просто выживали – они жили. Детей учили по школьным программам, занимались спортом, работали, следили за собой, читали книги из трех огромных привезенных с собой частных библиотек. По вечерам собирались вместе, музицировали, читали стихи, пели.

Они знали: хаос не вечен. Свято место пусто не бывает, и на смену одним государственным структурам придут другие. Может, военная диктатура, а может и иностранная оккупация. Но со временем все образуется, и можно будет вернуться в общество. А для этого надо жить. И они – жили.

А то, что происходило вокруг, их не касалось.

Поздно вечером Нелли снова поднялась наверх. Отец сидел в радиоузле, слушал переговоры, хмурился, иногда что-то помечал в блокноте.

– Папа, как дела?

– Плохо. Контрразведка предполагает, что к лету начнется гражданская война.

– Почему?

– Армия затягивает пояс. Принято секретное решение: весной неожиданно демобилизовать большинство солдат срочной службы – они

теперь ненужный балласт. Деваться им некуда, ситуацию они знают – это будет взрывоопасный человеческий материал. А большинство населения почему-то уверено, что правительство сидит в Теплом Крае.

– А на самом деле?

– Правительства больше нет. Кто-то отсиживается на военных базах, кто-то удрал за границу, кто-то просто исчез. В Теплом Крае находятся председатель Верховного суда, министр туризма и полторы дюжины членов парламента.

– И что же будет?

– Понимаешь, везде дрались как бы сами за себя. Фермы и мелкие поселки оборонялись, военные базы оборонялись, в городах оборонялись отдельные укрепленные дома. Это была точечная оборона, и только оборона, вполне понятная, и никто на это зла не держит. А вот Теплый Край...

– Что они сделали?

– Теплый Край – небольшая долина в кольце высоких гор. И это единственное место, где была настоящая бойня. Губернатор своевременно стянул силы полевой жандармерии – даже из других округов – и блокировал все дороги и перевалы. И приказал расстреливать всех. Беженцы доходили из последних сил – и погибали на пороге Теплового Края. Тотальная война против всех.

– Но по радио Теплового Края говорилось, что дошедшим оказывали помощь, правда, не разрешали оставаться...

– Врут. Я хорошо информирован. Но самое интересное: при полном отсутствии средств связи слух о бойне – правдивый слух – дошел практически до всей страны. А вместе с ним дошел другой слух – ложный – о том, что правительство отсиживается в Теплом Крае.

– А откуда тебе известно об этих слухах?

– Данные контрразведки.

– Но люди и так злы на правительство...

– Вот именно. И контрразведка считает, что к лету народ пойдет громить Теплый Край. Во главе со вчерашними солдатами. А Теплый Край себя в обиду не даст. А армия будет блюсти собственные интересы. В общем, сидеть нам здесь и следующую зиму.

– А мы можем здесь сидеть две таких зимы?

– Хоть десять. Мы с Тедди все учли. Летом еще постараемся поймать и приручить оленей, разведем свое стадо. Живы будем, не помрем!

– А скажи, твои друзья-офицеры могли бы еще прилететь?

– Нет. Генштаб запретил все полеты и поездки – экономия горючего. Даже на разведку не летают – довольствуются снимками со спутников. У нас, кстати, горючего тоже не густо.

– А что за границей?

– У наших соседей плюс-минус то же самое. А в тропических странах большая неразбериха, но, в основном, без крови.

– А что они делают с беженцами?

– А им плевать. В тамошних правительствах вор на воре сидит и воров погоняет. Подумаешь, понаехало куча народу, с визами и без. Кормить их никто не будет, лишь бы взятки платили, да обеспечили повод нахапать из международных благотворительных бюджетов. А простому народу даже хорошо: приехали люди привычные к новому климату, и местным легче.

– Вот туда бы попасть!

– Я в свое время думал об этом, проверял. Но оказалось, что создать там базу для семьи влетит в копеечку – в основном, из-за взяток. А я был всего лишь бизнесменом средней руки, не миллионером.

– Но там, ты говоришь, без крови.

– Там народ другой. Пофигисты, по большому счету.

– Тогда я уйду туда.

– Не понял.

– Я уйду туда. На лыжах, раз никто не летает и не ездит. Сейчас везде снег, и в тропиках тоже, так что я могу пройти на лыжах всю дорогу...

Утром, обходя дом, Дэн обнаружил Нелли в подвале: она пыталась взломать замок оружейного склада.

– Нелли, мы же вчера говорили!

– Ты говорил, я слушала. А ты меня не слушал.

– Нелли, это самоубийство!

- Ты предпочитаешь, чтоб я повесилась прямо здесь?
- Ты мать убьешь!
- Судя по тому, как она от нас тогда уехала – не думаю.
- Нелли, ну почему? ПОЧЕМУ?!!

Нелли вздохнула, посмотрела отцу прямо в глаза и отчеканила:

- Потому что. Я. Не могу. Жить. С волками!

- Индивидуальные пакеты. Две пачки по пять штук.

– Если меня легко ранят, то я обойдусь одним, максимум двумя. А если ранят тяжело...

– Эти пакеты тебе вместо тампонов. Меньше весят, и места меньше занимают, а впитывают гораздо больше.

- Ясно.

- Одна большая упаковка бинтов. Будешь резать на прокладки.

Хватит?

- Хватит.

– Пакет туалетной бумаги. Весит всего ничего, приторочим к ранцу. Тюбик мыльного концентрата. Белье подберешь себе сама, а по-верх – солдатские кальсоны. И еще одну смену с собой.

- Прямо скажем – верх элегантности.

– И верх эффективности. Носки солдатские шерстяные. Бери три пары. И учти – стирать тебе будет негде. Считай – одна пара на месяц.

- Зимой потеем меньше.

– Верно. Но каждое утро будешь голышом обтираться снегом. Лучший утренний туалет, и для души, и для тела.

- Ты мне еще купаться в проруби предложи.

– Этого, как раз, не рекомендую. Теперь – тальк. Каждое утро не ленись, вотри немного в ступни и в промежность. Помогает от мозолей. А вот – спортивная бесцветная губная помада.

- Зачем?

– Чтоб губы не трескались. Комбинезон десантный, самый маленький размер.

- Как раз.

- К нему – теплые подкладки. Хочешь – пристегивай, хочешь –

нет, почти на любую погоду. В комбинезон зашьем алмазы.

– Да ну?

– Они легче золота, а стоят дороже. Бумажные деньги тоже зашьем, разных валют. Шапка лыжная, с маской. Ушанка.

– Зачем мне еще ушанка?

– Спать будешь в ней. Лыжная для спанья слишком холодная.

– Есть.

– Перчатки прорезиненные утепленные. Темные очки.

– Я их в тропиках куплю.

– В нынешних тропиках они тебе уже не понадобятся. А вот солнце в комбинации со снегом...

– Солнце едва виднеется.

– Чем южнее, тем оно будет выше, да и дни удлинятся. Ботинки десантные утепленные, нашелся твой размер. На лыжи тоже годятся. Очень легкие. Примерь.

– Ничего себе – легкие!

– Из солдатских – самые легкие. И придется тебе взять с собой запасную пару. Иначе...

– Понятно.

– Щетка и мазь. Чистить ботинки каждый день, а то начнут промокать.

– Есть.

– Плащ-палатка белая. Не манкируй, чтоб всегда была на тебе. Она легкая.

– Вижу. А зачем?

– На некотором расстоянии даже хорошему снайперу собьет прицел. Так, с одеждой покончено. Ремень пехотный с портупелями и подсумками, пехотный ранец.

– Почему такой маленький ранец?

– Потому что много тебе не унести. Ты хоть и рослая, но всего лишь четырнадцатилетняя девочка. И все надо будет научиться укладывать самым удобным образом, чтобы нигде ничего не давило.

– Понятно.

– Фляги-термосы, две штуки. По утрам будешь варить сосновый

чай, заливать туда на весь день. Без сахара, обойдешься. Аптечка. Минимальная, потом покажу, что в ней есть.

– Я не собираюсь болеть.

– Молодец. Зажигалка бензиновая полевая. Функционирует даже под дождем. Баллончик с бензином, запасные кремни. Должно хватить надолго. А если повезет – наберешь еще из бензобака брошенной машины.

– Покажешь мне, как заряжать бензин и менять кремни.

– Само собой. Плитка маленькая складная и таблетки сухого спирта.

– Я же буду разводить костер.

– Мало ли, на всякий случай. Котелок на все случаи жизни: для чая, для мяса, для каши...

– Откуда я кашу возьму?

– Вокруг ферм – неубранные поля. Под снегом незрелая пшеница, кукуруза, овес. Чего-нибудь сообразишь.

– Хорошо.

– Чистить котелок будешь снегом и песком, если найдешь, и чуть-чуть мыльного концентрата. Поливитаминовые таблетки. Рекомендуют одну в день, но от цинги хватит и полтаблетки в день. Но не манкировать!

– Ежу ясно.

– Таблетки глюкозы. Это – на крайний случай, если нужно прищипорить организм. Просто так не бери.

– Я не наркоманка.

– А это не наркотик. Ложка. Стальная, негнущаяся.

– А кружка?

– Будешь хлестать прямо из котелка. Лишний вес.

– Ладно.

– Высококалорийный пищевой концентрат. НЗ на случай, если пару дней ничего не подстрелишь. Тридцать кубиков, кубик в день.

– Как на вкус?

– Дерьмо. Но высококалорийное.

– Будем терпеть.

– Топор. Лопатка пехотная, надо будет хорошо наточить.

– Это которыми студентов обучали демократии?

- Просвещенная ты моя. Одеяло полевое непромокаемое.
- Лучше спальный мешок.
- Ошибаешься. Одеяло вот так скатывают и надевают через плечо.

Оно почти ничего не весит.

- Здорово.
- Фонарик авиационный.
- Да с ним только под нос смотреть.
- Вот именно. Его берут в зубы, чтобы разобраться в ранце или в

подсумке. Вот так.

– Смешно!

– Зато удобно – обе руки свободны. Батарейки универсальные десантные: годятся и к фонарику, и к рации, и к ночному прицелу. Самые емкие, что есть. Но учти, много ты не унесешь, расходуи крайне экономно.

– Хорошо.

– Рация. Совершенство инженерной мысли: самая маленькая, самая экономная, и ориентировку по спутнику дает. Но минусы: связь только через спутник, направленная антенна, и только морзянкой.

– Я не знаю морзянки.

– Придется выучить. Компас командирский полевой.

– Я не знала, что я командир.

– Конечно, командир. Самим собой ох как не просто командовать.

Минимальный набор карт: я их выдрал из атласов и заклеил в полиэтилен.

– Хорошо.

– Транспортир. Масштабная линейка. Лыжи особые со стальным сердечником и спецпокрытием.

– Тяжеловаты.

– Зато их почти невозможно сломать, и смазки не требуют. Лыжные палки бамбуковые.

– Класс.

– Удочка зимняя, лески, крючки, грузила.

– А лом для проруби я тоже потащу?

– Незачем, есть полыньи. Нож десантный обоюдоострый, на рукоятке кастет, в рукоятке перочинный ножик, отвертка, шило, консервный нож.

- На все случаи жизни.
- Карабин под промежуточный патрон.
- Простой затвор! А нельзя полуавтоматический?
- Надежность. Вес. Дальнобойность.
- Поняла.
- Чистить не забывай. На карабине – ночной прицел.
- Вижу.
- Патронташ на двадцать три обоймы по десять патронов. Все пули разрывные.
- Ого!
- Чтоб надежно. Но учти, не перестреливайся ни с кем. Чуть что – пальни пару раз и удирай.
- Идет.
- А с волками – завали одного покрупнее, они его начнут жрать, а ты деру. Минут пятнадцать точно выиграешь, а потом они могут просто поленились тебя догонять. Лямки для карабина, повесишь по-спортивному. Револьвер крупнокалиберный...
- Это же твой наградной!
- Он самый. Просто он лучшее, что у нас есть. Работает без смазки, несмачивающаяся поверхность...
- Это как?
- К нему не пристают капельки влаги, значит, нет опасности, что что-то примерзнет.
- А зачем мне вообще револьвер?
- Карабин у тебя на спине, сама на лыжах. Если обстреляют изда- лека, то успеешь залечь и достать карабин. А если вблизи, то залегать не- когда – огонь от бедра.
- О'кей.
- Тридцать патронов к револьверу. Пистолет дамский малокали- берный...
- Как игрушка.
- Второй магазин. Это – в трусики.
- Почему?
- Последний аргумент. И учти: из такого мелкаша стрелять всегда

дважды. Одной пули может не хватить.

– Все?

– Нет. Собака...

– Джек.

– Ни в коем случае! Это же наша лучшая племенная овчарка.

– Ты забыл, что это м о я собака. Помнишь, я у тебя выпросила его еще щенком, и он у меня всегда спал, пока не вырос и не начал служить? И сейчас он меня обожает.

– Ох, девочка... Ну, хорошо.

– Теперь надо бы слегка попрактиковаться...

– Сегодня ты рано идешь спать. Завтра подъем в четыре часа. Попробуем уложить в две недели то, что другие учат четыре месяца: бег на лыжах и пешие марши с полной выкладкой, приготовление пищи и ночевка, навыки боевой стрельбы ночью и днем, рукопашный бой без оружия, ножом, лопаткой – это все дядя Боб, – связь, морзянка, ориентировка на местности...

Все позади. Позади сумасшедшие две недели и одни сутки. Две недели бешеной гонки и сутки полного отдыха.

Как ни странно, она даже поправилась. Папа кормил на убой. И сам не отставал. Еще бы, он же ее сам всегда гонял, кроме рукопашного боя.

А родственники посмеялись и все. Охота ребенку бегать и стрелять – и пусть. Чем бы дитя ни тешилось...

А правду знают только папа и дядя Боб. Папа сказал, что дяде Бобу можно доверять «на все сто».

Ладно. Список уточнен в процессе тренировок, вещи уложены, волосы коротко острижены, последний раз искупалась в гейзере... Последний? Папа уверяет, что нет, через пару лет все образуется.

Это ее дом. Да, она в прошлом городская девочка, но она здесь живет уже почти три года. И здесь гораздо лучше, чем в городе. Было.

Папа говорит, что все образуется. Но сколько лет пройдет, пока перестанут находить обглоданные человеческие кости?

Прочь! Прочь от этой крови. Хотя бы к пофигистам. А потом...

Неважно, что будет потом. Хотя бы не будет крови.

Хорошо в гейзере! Вон, опять ударил фонтан. Она окунулась в последний раз, посидела под водой полминуты, поднялась, вылезла, вытерлась, накинула халат – и ушла, даже не оглянувшись.

Весь дом еще спал, когда Нелли, Дэн и Боб закончили свой обильный завтрак, оделись, обвешались амуницией и оружием и двинулись к выходу. Снаружи уже ждал Джек, весело потягивая.

– Папа, а ты-то чего так навьючился?

– Да провожу тебя один переход. А на обратном пути мне кое-что проверить надо.

Они дошли до парашюта, где стояли шлюпки. Боб приладил шлюпочные тали и спустил их – сначала Дэна, затем Нелли, затем лыжи и, в конце, Джека.

– Счастливого пути, – крикнул Боб.

– Спасибо, дядя Боб, – ответила Нелли. – До свидания.

– До свидания.

Весело бежать с отцом по реке. Весело носится вокруг Джек. А волков не видеть.

– Папа, а где же волки?

– Волки – животные ночные. Это возле нас они крутились постоянно. А так...

– Папа, а медведи?

– Очевидно, в спячке. Но хватит болтать, береги дыхание. Третья часть можно и на привале.

Хорошо бежит отец, как молодой. Ладно пристроен на боку десантный автомат, большой ранец ничуть не стесняет его движений.

Четыре двухчасовых перегона с десятиминутными привалами. Неплохо. Нелли порывалась бежать еще, но отец остановил:

– Ты не на тренировках. Ну-ка, определись, где мы находимся.

С десантной рацией это пустяки. Сначала обшарить антенной горизонт. Индикатор спутника быстро загорелся. Теперь послать запрос и

через минуту получить ответ.

– Отметь на карте.

– Вот. Это получается... пятьдесят пять километров по прямой.

– А с учетом поворотов – больше семидесяти. То, что надо. Пошли наши координаты дяде Бобу и отключись.

– Уже посылаю.

– Так, что у нас на ужин?

– Сейчас узнаем. Джек, на охоту.

Джек скрылся в прибрежных кустах. Минут через десять раздался лай, и на лед выскочили два зайца. Увидев людей, бросились врассыпную.

– Я правого, ты левого. Огонь!

Джек принес обоих и весело вилял хвостом.

– Неплохо. Хватит на ужин и на завтрак, но вообще-то лучше олень. Ладно, за работу, руби кусты.

Ужин на природе, почти пикник. Потом они наслаждались сосновым чаем, передавая друг другу котелок.

– Смотри, дочка, начало хорошее. Но впереди – более двух тысяч километров по прямой. Считай, все три с половиной тысячи. Это хорошего хода пятьдесят дней без передышки. А на юге через два месяца уже может начаться весна.

– То-то ты мне устроил такой короткий курс.

– Вот именно.

– А почему бы не пойти напрямик по дорогам, почему ты хочешь, чтобы я шла по реке?

– Напрямик – это через волков и людей, да и снег глубокий. А река широкая, всегда можно держаться от берега подальше. Но мимо городов лучше проходить ночами.

– Уговорил.

– А теперь – костер. Помнишь правило?

– Поставить побудку на каждые два часа, чтобы подбрасывать веток в костер.

– Верно. Но и я тут с тобой. Так что поделим побудки поровну.

– Ух и задаст тебе мама нагоняй, когда вернешься.

– Не бойся, не задаст. Ну, давай баиньки.

Лыжи пристегнуты, ранцы за плечами. А утро туманное, грустное.

– Папа, – Нелли хотелось оттянуть расставание, – я там, вроде бы, видела следы.

– Верно. Ночью нами интересовались волки. Но близко к огню и к железу они не подошли. Только Джек немного поворчал.

– И дальше так будет?

– Возможно, разве что попадутся отменно голодные. Ну, хватит трепаться, идем!

– Что?

– Идем. Нас ждут мирные пофигисты.

– Пап... Как же ты?

– Я с тобой – и точка.

– Почему?

– Когда я устроил тебе тренировки я сам не знал, на что надеяться – что ты все лихо пройдешь и уйдешь на юг, или что ты сломаешься и останешься дома. Ты не сломалась. А в глазах твоих я вижу собственный портрет – портрет решительного упрянца. Так что выбора ты мне не оставила.

– А дом, а братики? А мама?

– Дома остался за старшего дядя Боб, майор командос, хоть и актированный по ранению. Им там ничего не грозит. А мы – на юг. И если все удастся – может быть, еще все наше семейство туда увезем.

– Нет. Если удастся, то мы должны найти добровольцев и вернуться – спасти озверевших людей.

– Романтичная же ты девочка. Вся в меня. Думаешь, так легко найти добровольцев?

– Одного я уже нашла.

– Ну, если так, тогда с Богом. Вперед!

Через несколько дней они втянулись в рутину. Обтирание снегом, чистка зубов, ботинок и оружия, завтрак, четыре двухчасовых перегона с десятиминутными интервалами, ориентировка, короткий выход на связь с

Бобом или с кем-нибудь еще, охота с Джеком или рыбалка в подходящей полынне, рубка дров, приготовление пищи, отход ко сну с побудками для костра. По семьдесят и больше километров в день.

Лес стоял по обеим сторонам реки, изредка прерываемый деревушками и фермами. Пару раз их обстреляли издалека, но они тут же отворачивали к противоположному берегу, и их оставляли в покое. Это был глухой северо-запад огромной страны, и в лучшие времена слабозаселенный недалекими прямыми людьми.

В лесу была дичь, подо льдом было много рыбы. Люди, кто остался, засели по своим домам. Река была пустынна. Куропатки, белки, зайцы, кабаны и олени жирели на брошенных полях, волки, лисы, рыси и куницы жирели за счет куропаток, белок, зайцев и оленей – кабанов не трогали. Казалось, природа отвоевывает свое.

Это соображение как-то высказал Дэн за вечерним сосновым чаем.

– Что ты имеешь в виду, пап? – спросила Нелли.

– Человек является частью природы, но ведет себя как разбойник. Ты, наверное, слышала выражение «покорять природу». Подумай, что это значит. Ведь покорение – это всегда насилие над кем-то. А мы в последнее столетие буквально насилуем природу в общепланетном масштабе.

– Но ведь природа неразумна.

– Волк тоже неразумен, а мстить умеет прекрасно.

– Ты... ты хочешь сказать, что планета нам отомстила, повернув ось?

– Знаешь, – ответил Дэн после некоторого молчания, – это было бы только справедливо.

Волков они почти не видели. Обычным сухопутным зверям незачем было выходить на замерзшую гладь великой реки. Тем не менее, по утрам они, как правило, видели волчьи следы недалеко от своих стоянок.

Но как-то раз под вечер стая в восемь голов пересекала реку в полукилометре впереди них и остановилась посередине реки. Вожак повернул голову в их сторону. Они остановились.

– Что будем делать? – спросила Нелли.

– Стоять бессмысленно.

– Повернем – они пойдут за нами.

– А всех не перестреляешь. Ну, завалим трех-четырех, остальные разбегутся. Но и для стрельбы надо сократить дистанцию.

– Неужели они не поймут, что нам надо только пройти?

– Они только что вышли на охоту, они еще голодные.

– Ладно, оружие в руках, но стреляем только в крайнем случае.

Джек, к ноге. Рядом.

Они медленно заскользили вперед, забирая к правому берегу. Джек ворчал, но от Нелли не отходил. Вожак следил за ними, но никаких действий не предпринимал.

На траверзе стаи расстояние сократилось не более чем до двухсот метров. Вожак по-прежнему не реагировал. И вдруг Джек напрягся как струна, Нелли едва успела схватить его за холку:

– Не смей, Джек.

С правого берега весело скатился молодой волк, почти волчонок. Не разбирая дороги, он бросился к своим и затормозил всеми четырьмя лапами в каких-нибудь тридцати метрах от людей. Вожак поднял переднюю лапу, наострил уши, выпрямил хвост. Вся стая как бы подобралась. Джек напряженно застыл. Дэн держал палец у спускового крючка.

И тогда Нелли медленно сняла руку с шейки карабина и начала водить рукой по воздуху, как будто предлагая волку пройти. Тот постоял, затем вдруг лег на брюхо и пополз.

Он полз, стараясь не смотреть на людей, и люди старались не смотреть на него, и даже Джек закрыл оскаленную пасть. Наконец волк прополз перед ними, осторожно встал, сделал несколько робких шагов – и опрометью бросился к стае.

Вожак опустил лапу, внимательно посмотрел на людей, с мощным сипением втянул воздух, словно запахи запоминал, повернулся и повел стаю к левому берегу.

Казалось, об этом случае стало известно. Так или иначе, не прошло и двух дней, как мимо них протрусила пара волков, даже не повернув головы. Да и Джек перестал обращать на волков внимание.

А еще через пару дней Дэн объявил привал в полдень:

– Впереди город. Пройдем ночью. Сейчас ляжем спать. У нас с

собой еще килограмма четыре рыбы, на ужин и на завтрак.

Город был на правом берегу. И хотя это было опасно, неудержимое любопытство тянуло их к набережной.

Тишина. Мертвая и недобрая тишина. Пустые глазницы окон – казалось, кто-то намеренно выбил все стекла до единого, даже в верхних этажах. Оборванные трамвайные провода. Замерзшие, а кое-где и опрокинутые трамваи. Разграбленные магазины. Пни вырубленного до последнего дерева парка.

И огромное количество кошек. Только кошек. Зеленые и желтые глаза таращились с разных этажей, с фонарей, с крыш киосков. И, почему-то, это было самое страшное.

Мосты. Два моста с целыми стаями кошек на них. Даже неустрашимому Джеку было не по себе – казалось, вот-вот вся стая бросится сверху.

Они миновали город вскоре после полуночи, отбежали еще километров на десять, развели костер и повалились спать.

– Скажи, пап, мне показалось или бывает, что кошки едят людей?

– Трупы. Кошки едят трупы. Я тоже этого раньше не знал, но узнал из сводок контрразведки.

А еще через день Дэн резко затормозил:

– А ну-ка, дочка, что это за следы?

Нелли вгляделась:

– Медведь? Не может быть, он должен быть в спячке. Проснулся, что ли?

– А что это у него? Шерсть везде растет, чуть ли не на пальцах?

Следы заканчивались у большой полыньи и вновь начинались у другого ее края.

– Это мне совсем не нравится, – заметил Дэн после некоторого молчания. – Стоит потратить немного энергии для выяснения обстоятельств.

Он достал свою, более мощную, рацию и вызвал шифром Боба.

Минут через пять Боб ответил лаконичной фразой. Затем Дэн вызвал еще каких-то людей, пару раз менял частоту. Еще минут через пятнадцать он отключился.

– Плохо дело. Это белый медведь.

– Как он здесь оказался?

– Пришел вслед за оленями. Видать, полярные моря замерзают окончательно, вот и они мигрируют. Их уже видели в нескольких местах.

– А белый медведь не спит зимой?

– Никогда. Он очень активен и питается любым белком животного происхождения. Попросту говоря, жрет все что движется, включая человека. И очень смело нападает, хоть на суше, хоть в воде. Кстати, любит купаться, так что от реки с ее полыньями не уйдет.

– И что будем делать?

– Увидишь – стреляй. Бей в голову и не жалея патронов. Это страшный противник.

На следующий день около полудня они издали увидели большую полынь. Обоим сразу захотелось рыбки, Джек тоже не возражал.

Они, не сговариваясь, ускорили бег. Дэн уже тормозил в двадцати метрах от воды, когда оттуда вынырнул белый медведь с рыбой в зубах. Одним махом выскочив на лед, он выплюнул рыбу, пришиб ее лапой, зарычал и бросился к людям.

Дэн неудачно подвернул лыжу и упал. Джек храбро бросился в бой и попытался вцепиться медведю в зад, чем слегка задержал его движение. И тут мелькнула пехотная лопатка и из очень неудобного положения – снизу вверх – ударила медведя в шею. Хлынула кровь, медведь рухнул, немного подергался и затих.

– Как ты его? Вот спасибо дяде Бобу, чуть голову ему не отрубила.

– Я сама не знаю как. Было такое ощущение, что лопатка сама повела мою руку.

– Я и говорю: спасибо дяде Бобу. Но ты себе не представляешь, как нам повезло.

– Чудом спаслись.

– Это тоже, хотя полусекундой позже он бы у меня все равно получил очередь разрывными. Но у нас теперь дневка – полтора дня.

– Ого. Почему так много?

– Мы с тобой уже двенадцатый день бежим без перерыва. А над медведем все равно придется потрудиться. Так вот: разделяем медведя, берем побольше мяса и сала, рубим побольше дров, сало надо закоптить – это один из самых высококалорийных натуральных продуктов, возьмем с собой килограммов десять. А завтра с утра – стирка, сушить будем у костров. И, разумеется, жрем мяса от пуза.

Это был замечательный день. А самое интересное было кормить волков. Достаточно было подойти с куском мяса на метр расстояния, положить мясо на снег и отступить обратно на метр. Волк подходил, осторожно брал, потом отходил и вежливо усаживался в сторонке, чтобы не мешать остальным.

– Папа, а почему волки едят своих?

– Только погибших и только зимой. Специально друг на друга они не охотятся.

– А... почему люди?

– Не знаю. Я стараюсь об этом не думать. Но... да, люди ошалели от катастрофы. Каннибализм случался и раньше, но исключительно редко, и только вследствие жуткого голода. А тут голод еще не наступил, а все уже...

– Неужели человек так плох?

– Не знаю. Но вот заметь: в политических кругах бытовало выражение – «съесть человека». Имелось в виду, что свои же товарищи по партии ополчались на кого-то одного и крушили ему карьеру, выгоняли с позором отовсюду...

И снова забег. Четверть пути позади. Отдых, пища, чистое белье – с новыми силами вперед. И они уже достаточно втянулись, чтобы разговаривать и на ходу.

– А что нового от контрразведки, пап? Дядя Боб их слушает?

– Разумеется, и суммирует для меня. Но сейчас все тихо. Не только

вся страна – весь континент засел по домам и лагерям. Банды тоже перестали шастать – теперь уже все вооружены и настороже.

– А что будет потом? После гражданской войны?

– Не знаю. Кто-нибудь победит и возьмет власть в свои руки. Скорее всего, армия.

– Будет военная диктатура?

– Вероятно.

– Но ведь это ужасно.

– Почему? По крайней мере, прекратится канибализм.

– Но ведь людям нужна свобода, нужна демократия.

– С чего ты взяла?

– Но ведь это каждый школьник знает.

– Вот именно. А я давно уже не школьник...

– Папа, а как можно без свободы?

– Как у пофигистов. Кстати, боюсь, это самые свободные страны на свете.

– Почему?

– Демократией там и не пахнет. Какая разница: пьяный король, пожизненный президент или хунта полковников? А свободы – хоть залейся, пока ты не мешаешь правящим кругам.

– Как?

– А всем пофиг, что ты делаешь и что говоришь.

– Послушать тебя, так лучше диктатура, чем демократия.

– Не так. Просто на самом деле свобода личности при демократии вовсе не так велика, как кажется. А жить можно и при диктатуре. Проблема в другом. Бывают общества идейные и безыдейные. И если ты окажешься в идейном обществе, но не будешь разделять его идеи... Диктатура с тобой расправится, но и демократия едва стерпит...

– Неужели за всю свою историю человечество не смогло выработать хорошего свода законов?

– Во-первых, мало хорошего закона, нужно еще хорошее

исполнение хорошего закона. Во-вторых, все невозможно зарегламентировать, в прошлом уже пытались законодательно заставить людей есть ножом и вилкой и пользоваться носовым платком. Но, главное, закон должен быть нейтральным относительно того, кто его применяет. В результате, плохие люди тоже извлекают свою выгоду из хороших законов.

– Значит, надо улучшать людей.

– Ох, как много пытались! Перебрали, мне кажется, все на свете. Если не ошибаюсь, один автор классифицировал все варианты и пришел к выводу, что есть только два пути: добровольное рабство или принудительная свобода.

Они шли уже по местам, которые в прошлом были более заселены. Как-то раз они проходили мимо небольшой фермы. Дом и хозяйственные пристройки стояли немного на взгорье, к реке спускалась утоптанная тропинка, к мосткам. Они не сразу заметили, что там человек набирает из проруби воду в ведра. Видимо, он их не услышал, поднялся, навесил ведра на коромысло, выпрямился, увидел их...

Огромный спектр чувств отразился на бородатом помятом лице: удивление; испуг; мысль об оружии; досада, что оружие осталось дома; страх.

Рука Дэна легла на автомат; рука Нелли легла на револьвер; Джек оскалил клыки. Они приближались; фермер застыл под коромыслом, лицо его было искажено страхом.

Нелли убрала руку с револьвера, потрепала Джека, Дэн положил руку поверх автомата. Фермер с шумом выпустил воздух, осторожно поднял руку... и помахал ею. И даже попытался улыбнуться.

– Здорово мы его напугали, – сказала Нелли, когда ферма скрылась за мысом.

– Он уже с жизнью прощался. И, кстати, будь он при оружии, не миновать нам было стычки. Надо держаться осторожнее.

Все чаще стали попадаться пристани, дебаркадеры. Оказалось, что на дебаркадерах ночевать удобнее: можно было найти подходящую комнату, забаррикадироваться и не утруждать себя поддержанием огня.

Однажды они нашли дебаркадер, в котором на кухне стояла вполне исправная угольная плита. Нашелся и запас угля. А через несколько минут Джек выгнал из лесу молодого кабанчика, Нелли его тут же уложила. Они затопили плиту, забаррикадировались в кухне – и через какой-нибудь час разделись до кальсон. Решено было устроить назавтра еще одну дневку, постирать, накоптить сала, полакомиться кабанчиком и вообще впервые за месяц посидеть в тепле.

Но ночью их разбудил Джек.

Джек ткнул носом сначала Нелли, потом Дэна. Дэн сразу проснулся, но Нелли не хотела. Тогда Джек лизнул ее в лицо.

Нелли фыркнула было, но горячее дыхание собаки, казалось, призывало к молчанию. И на то была причина: были слышны голоса.

– Ты ж говорил, ты это место знаешь?

– Знаю, просто темно. – Что-то грохнуло за стеной. – Вот, сюда. Тащи ее.

За стеной завозились, потом послышались шаги.

– Сейчас свечи зажгу.

– Ого. Хорошие хоромы. И часто ты тут бываешь?

– Только по хорошей оказии. Вот как сейчас. Здесь какой-то богач жил, все земли вокруг его. Так он, говорят, терпеть не мог бензина и газа, у него топили только углем. А здесь он, наверное, отдыхал, когда парохода ждал. В лучшем виде: диван, печка, выпивка, правда, не очень, все вина.

– Ладно, тащи ее, пусть согреется.

За стеной опять завозились. Дэн показал Нелли надевать комбинезон и ботинки. Они передвигались осторожно и тихо.

– Развяжи ее, вытащи кляп. Уголь хороший, скоро будет тепло. Давай еще свечей. Люблю симпотных девчонок.

– Мальчики... – раздался робкий голос.

– Мы тебе не мальчики, – они захохотали. – Мальчиков здесь нет, здесь все уже давно мужики.

– И девочек мы любим. По-всякому.

– Хорошо... мужи...ки... Я вам... по-всякому...

– Только чтоб без закуски, да? – хохот стоял громовой. – Это как

знать, посмотрим.

Дэн показал Нелли три пальца, она кивнула. Прицепила нож, взяла револьвер. Дэн повесил за спину автомат, пристегнул к ноге свой восточный кинжал, взял пистолет. Патрон не досылал: это можно сделать потом.

За стенкой продолжались крики и хохот. Дэн просигналил Джеку лежать, они с Нелли тихо отодвинули стол от двери, затем Дэн приоткрыл дверь, посмотрел. Пальцем поманил Нелли.

Центральный проход был пуст. Из-за неплотно прикрытой соседней двери виднелся неровный свет. Дэн поставил Нелли у схода, показал глазами, чтобы она контролировала и проход, и берег, а сам подкрался к двери. Положил левую руку на затвор пистолета, постоял пару секунд...

В одном движении: правая нога вышибает дверь, левая рука досылает патрон; две пули в первую же ослабленную рожу; два шага вперед, полуповорот направо; две пули в волосатую голову шарящего у девушки под юбкой...

Худой и невысокий третий бандит выскочил за спиной Дэна в проход и бросился к сходам; Нелли выстрелила, промахнулась; бандит ударил ее в лоб, она упала, выронив револьвер; бандит перескочил через нее; пятка Нелли полукругом подсекла ему обе ноги; падая, он получил удар в висок кастетной рукояткой ножа.

Нелли вскочила, подобрала револьвер. Бандит не шевелился. За стеной раздался одиночный выстрел, потом второй. Тогда и Нелли подошла к лежавшему бандиту, взяла револьвер обеими руками, взвела курок и сделала контрольный выстрел в голову.

Когда Дэн вышел в проход, поддерживая девушку в полуобморочном состоянии, он увидел совершенно голую Нелли в сугробе. Она растиралась снегом.

Ей казалось, что никаким снегом не очиститься от убийства.

Они сидели втроем в кухне, пили чай и молчали. Девушка медленно приходила в себя, Нелли была с каменным лицом, Дэн хмурился. И только Джек повиливал хвостом, чувствуя себя превосходно.

– Откуда вы? – спросил Дэн.

– Меня зовут Гетта Орх, мне шестнадцать лет, я из столичной

студии балета, – ответила девушка. – Каждое лето мы здесь гостим, в латифундии господина Пеля, он большой меценат. И последним летом мы здесь гостили, всей студией, с преподавателями. А тут началось! Господин Пель, уезжая, сказал, что придет за нами автобус. И прислал. Но его работники захватили автобус, убили шофера и сами уехали на нем. А мы остались. В доме и на складах было много еды, и сейчас есть. Все вокруг разбежались, было тихо как на необитаемом острове. Но потом появились банды. Сначала одна, потом другая, – девушка всхлипнула. – Был случай, две банды перестрелялись из-за нас. Сначала мы думали откупиться едой, но оказалась, что они уже приохотились... к особой еде... – девушка замолчала.

- Как далеко ваш дом? – спросил Дэн.
- Отсюда километров десять по дороге.
- Утром мы вас проводим.

Вскинув лыжи на плечи, они шли по заснеженной дороге. Гетта оказалась хорошим ходок, и через два часа они дошли.

Старший наставник Онер не находил слов благодарности:

– За последние два месяца они похитили шесть девушек. Мы уже и про Гетту все глаза выплакали.

– У вас есть оружие? – спросил Дэн.

– Нет у нас никакого оружия, – ответил Онер. – А если б и было, что толку? Мало иметь оружие, нужно еще быть способным его применить. Ведь у нас все воспитанники и воспитанницы обучены рукопашному бою.

– Да ну?

– Вот вам и «ну». Это прекрасный способ развития тела и наращивания мышц без потери пластики. Так что, теоретически, Гетта вполне была способна их всех раскидать.

– А что вы будете делать дальше? Скоро весна, лето.

– Здесь остался семенной фонд, парники. Постараемся обустроиться.

– Я не о том. Люди вылезут из своих нор. Самые разные люди.

– Я понимаю.

– Вы пытались связаться с армией?

– Пытались. Одно время здесь появлялись разьезды, потом прекратились.

– Я связюсь с полковником Плаубом, это округ его дивизии. Я прошу его возобновить разьезды.

– Спасибо. А я низжайше прошу вас попариться в бане, девочки вам все постирают, а потом обед. И хлеба напечем.

Вечером, на очередном дебаркадере ниже по реке Нелли, наконец, заговорила:

– Что-то очень неправильно. Эти балерины добрейшие создания – и не могут за себя постоять, на них буквально охотятся. А я оказалась способной на убийство. Я знаю, все правильно с точки зрения и закона, и морали. Но факт: я сделала из человека труп.

– Из бандита.

– Хорошо. Из бандита. Кто-нибудь мог попытаться сделать из него человека, а я сделала труп.

– Ситуация не позволяла тебе поступить иначе.

– А почему я оказалась в этой ситуации?

– Так легли наши карты.

– Значит, мы плохо сыграли.

– Дочь моя, это все философия. Ты прекрасно прошла боевое крещение, но, пожалуйста, в следующий раз не промахивайся и не закатывай истерик.

– Боевое крещение. Осветилась кровью.

– Не каждому это дается. Не говоря уже о победе из положения лежа.

Они вновь проходили города по ночам. Это была уже степная зона, олени и белки исчезли, зато к зайцам добавились кролики. Но в этих быстроногих тварей было очень трудно попасть, а Джеку было их не догнать. Поэтому рыбный рацион стал основным.

Рыси и куницы остались в лесах, но появилось много шакалов. Эти нахалы подходили очень близко, скалились.

– Наглые трусы, – прокомментировал Дэн. – Нападают только при огромном численном превосходстве. Будем целенаправленно искать дебакеры или даже просто хижины на берегу. Это очень опасное соседство.

Нелли не ответила. Она теперь очень много молчала и думала.

Вскоре левый берег превратился в высокий горный хребет. Шакалы исчезли. Вообще исчезли всякие животные и птицы. Дэн забеспокоился, взял полевым анализатором пробы воздуха, он оказался чистым. Радиометр тоже молчал. Правда, рыба осталась в реке по-прежнему.

– Это горы, окружающие Теплый Край. В них очень мало проходов, и все они контролируются полевой жандармерией. Я полагаю...

Очередь красных трассирующих пуль вспорола воздух метрах в ста впереди. Слева направо.

Они бросились под крутой левый берег.

– Отходим назад. Они, чего доброго, будут прочесывать реку.

– Но нам надо пройти.

– Ночью перейдем на правый берег и пойдем по суше.

Никто не искал их, никто не прочесывал реку. В темноте они поднялись на правый берег и пошли заснеженной степью.

А впереди их ожидала странная иллюминация. Над рекой зависли на парашютах осветительные ракеты. Не успевала выгореть одна, как с левого берега взлетала другая. Участок реки был освещен почти до противоположного берега. Снег на этом месте был покрыт большим количеством темных предметов.

Они подобрались ближе к реке, Дэн выбрал хорошо скрытый наблюдательный пункт, достал бинокли – простой и ночной, – и они начали осматриваться.

У левого берега была небольшая пристань. Прямо перед пристанью виднелась изо льда надстройка затонувшего парохода. От пристани вверх шла дорога. А поперек дороги был вкопан бетонный каземат. Из каземата торчали три орудийных ствола («семидесятипятки» – прокомментировал Дэн), а с боков виднелись две турели с крупнокалиберными пулеметами.

На льду же было разбросано огромное количество чемоданов, рюкзаков, всевозможных сумок, инвалидных тележек, детских колясок... Трупов не было.

– Полцарства за похороны, – прошептал Дэн.

Они не останавливались всю ночь, пытаясь уйти возможно дальше. Нелли предложила вообще не останавливаться, пока они не минуют Теплый Край.

К утру они вышли к шоссе. Шоссе пересекало степь с запада на восток, поднималось на мост через реку и упиралось в огромную грудку каменных глыб и щебня. И весь мост был усеян какими-то выступающими из-под снега черными пятнами.

Дэн сверился с картой:

– Это шоссе номер семьдесят шесть дробь два. По ту сторону должен быть туннель... Ага, вход в туннель взорвали. Но что это за пятна?

Любопытство возобладало, и они поднялись на мост.

Здесь дрались за каждый метр. Снег, полный стреляных гильз, трещал под ногами. Защитники не отступали, они лежали там, где их настигла смерть, вдоль всего двухкилометрового моста. И они все были обуглены.

– Не пожалели бензина, не поленились всех сжечь. Хоть какие-то, но похороны.

– До чего мы дожили, – прошептала Нелли, – радуемся трупам.

Они вновь пошли по реке и остановились только когда горы слева отвернули к востоку, а у полыньи они увидели следы шакалов.

Уплетая рыбу, Нелли спросила:

– Интересно узнать, кто там воевал?

– Я уже узнал. Мост защищала Пятая бригада полевой жандармерии, а их атаковал Девятый батальон коммандос – тот самый, где когда-то служил дядя Боб.

– Сколько это – бригада и батальон?

– Бригада – две тысячи человек, батальон – четыреста.

– Ничего себе – соотношение сил!

– Жандармы – плохие вояки, они натасканы подавлять

собственный народ. А командос – просто машины убийства, их невозможно остановить. Когда комбат, подполковник Куру, узнал о бойне на подступах к Теплому Краю, он наплевал на все приказы и повел свой батальон по ближайшей дороге на штурм. Жандармы защищали мост, вызвали подкрепление, в конце концов здесь собралась вся бригада. Куру положил половину своих и погиб сам, но они прошли мост до конца, перемолов всех защитников. Когда командир бригады полковник Зель увидел, что мост не удержат, он взорвал за своей спиной туннель. Потом солдаты сожгли трупы жандармов, а своих похоронили в братской могиле. Могилу, до лучших времен, замаскировали.

Через два дня они отдыхали на одном из островов дельты. Здесь стоял брошенный маяк. Они забрались в домик смотрителя и отдали должное мягким кроватям и чистым постелям.

– Ну, дочка, остались сушие пустыки – без малого, шестьсот километров по прямой.

– А с малым?

– Вот то-то и оно. По прямой – это через море. Море замерзло гладко, так и тянет рвануть по прямой. С маяка, сколько хватит глаз – чисто. Но весна на носу. Опыта Большой Зимы у нас пока нет, мы не знаем, когда тронется лед. А оказаться на льдине в море...

– Сейчас отдыхаем, едим много рыбы. Выступаем завтра с раннего утра. Рыбу не ловим и с собой не несем, варим концентрат на плитке, трагитим на пищу минимум времени. Пройдем за пять дней.

– Ты уверена?

– Пройдем за пять дней.

Они прошли за пять дней. Пять сумасшедших дней, когда человек не видит почти ничего, кроме кончиков собственных лыж.

Было около шестнадцати часов. Внимание их привлек странный предмет, неожиданно выросший перед ними. Это был четырехметровый столб с какими-то заснеженными лопастями на верхушке. Нелли подошла к столбу, машинально попыталась счистить с него снег:

– Он какой-то... членистый.

- Дочка, это... это пальма! Замерзшая, но – пальма!
- Откуда пальма на льдине?
- Пальмы растут выше максимальной линии прилива, дочка.

Нелли оглянулась. Позади них был легкий, но длинный подъем, с лыжней и следами Джека. А вокруг небольшими группами стояли заснеженные пальмы.

Они сбросили оружие, ранцы, ремни, отстегнули лыжи и уселись прямо в снег, привалившись спинами к пальмам. Джек свернулся клубком. Так прошел час, в полном молчании. Затем Дэн достал плитку, котелок, концентрат, сухой спирт, зажигалку, ложку, набрал полный котелок снега, бросил туда три кубика концентрата, запалил спирт, поставил котелок на плитку. Через двадцать минут он уже помешивал варево. Нелли достала свою ложку:

- Надо Джеку оставить.
- Давай лучше свой котелок, наварим еще.
- О'кей. Ух, горячо. Ну, куда дальше? Ты здесь раньше бывал?
- Да. Тут в пяти километрах городок, в нем небольшой порт. В

первый свой рейс штурманом мы пришли сюда, и я все свободное время провел в библиотеке местного колледжа, чуть к отплытию не опоздал. Очень хорошая библиотека.

- Бывает. А вообще, что будем делать?
- Я еще из маяка начал переговоры с кем надо.
- Погоди, это же другое государство.
- Эх, дочка. У меня остались связи с нашей контрразведкой, а у нашей контрразведки есть связи с ихней контрразведкой.
- Почему?

– Разведки всегда воюют друг с другом, даже в мирное время, даже между союзниками. А контрразведчикам делить нечего, они везде псы одной масти и прекрасно снюхиваются друг с другом.

- Чем больше я узнаю о людях, тем больше понимаю волков.

– Короче, полковник Кело Подо из здешней хунты весьма заинтересован создать совместное предприятие для поставок горючего на Север. Известный бизнесмен, капитан дальнего плавания Дэн Юстис кажется ему подходящим компаньоном. В общем, будут деньги.

– А кровь?

– Переворот здесь был бескровный. А конкретно полковник Кело Подо, в первую очередь, банкир. Он солдат не поднимет в ружье, если ему не будет от этого явная финансовая выгода. Ну, а ты, дочка? Когда начнешь запись в добровольцы?

Нелли облизала ложку, медленно почистила ее снегом. Посмотрела на север, на лыжню, убегающую за горизонт. И тихо, медленно заговорила:

– Папа, мне кажется, что все очень плохо. Что люди озверели давным-давно. Что они всегда были зверьми.

Но кто-то пишет книги, хорошие, добрые. Кто-то их читает. Есть музыка, искусство, наука, техника. Да и вообще: куда делись просто хорошие люди? Или доброта людская ограничена, и мы готовы пригреть ближнего только у собственного хорошо растопленного камина? (Помешай концентрат для Джека.)

Подполковник Куру взял на себя всю ответственность и заплатил максимальную цену. Он отказался мириться с чудовищной реальностью и пошел напролом, как умел. А его солдаты и офицеры не подвели, довели его бой до конца и убитых жандармов сожгли. Куру хотел быть свободным человеком, и свобода не оставила ему выбора: нельзя быть свободным и бессовестным. А его солдаты добровольно вверили ему свои судьбы и жизни, и им не о чем жалеть – по крайней мере, в одном месте бойня прекратилась. (Поставь котелок остыть в снег. Джек, подожди, родной.)

Сила духа. Ты говорил, что это дано лишь немногим. Но это и обязывает этих немногих взять на себя ответственность за других, за тех, что не умеют быть свободными и только ищут себе хозяина, а без него в два счета звереют. Да, большинство выбирает добровольное рабство. Но это обязывает сильных духом людей принять принудительную свободу, принять... рыцарство. Когда-то было реальное рыцарство, весьма полубандитское – ты мне сам рассказывал. И были рыцарские романы, идеалистические и малореальные. И можно взять исторические документы, старинные романы – а они тоже документы – и современные данные и выработать новые правила поведения. Кодекс. Присягу. (Кушай, Джек, кушай.)

И так же, как когда-то вокруг рыцарских замков селились крестьяне, так же это можно сделать и сейчас. Но рыцари нужны не просто, как защитники и властители, а как сильные личности, которым другие добровольно – повторяю, добровольно будут готовы вверить свои судьбы и жизни. Как подполковник Куру. Как его офицеры. Как твои друзья из морской пехоты. Как дядя Боб.

Нелли замолчала. Дэн достал свою рацию, включил, послал какие-то сигналы, принял ответные, остался на связи. Потом заметил:

– Кстати, экономически это совершенно оправдано. В разоренной холодной стране еще долго не будет возможности создать единую инфраструктуру. А феодальное владение может оказаться весьма эффективным решением. Ну, ладно. Наш новый друг, полковник-банкир, будет здесь через час. Стоит представиться ему в лучшем виде. Берем по таблетке глюкозы, обтираемся снегом, чистим ботинки. Мне еще воду нагреть и побриться...

ОТ АВТОРА: Несколько лет назад, после защиты диссертации мне предложили место преподавателя истории в колледже Св. Нелли – в том самом, где, согласно канонической легенде, она училась. До сих пор в огромном старинном здании библиотеки вам покажут стол у углового окна, где она, по преданию, любила заниматься.

В этом захолустье я скоро приобщился к любимому зимнему занятию местных мужчин – рыбалке в проруби. Но предпочитал рыбачить в одиночестве.

Как-то раз я вышел позже обычного, да и клев не заладился. Уже стемнело, но не хотелось возвращаться пустым. Вдруг удочку резко рвануло, я едва удержал ее, попытался подсечь – рыба сорвалась.

– Кто же так подсекает? – раздался женский голос позади меня.

Я обернулся. Первое что бросилось в глаза – собаки: две великолепные волчелесские овчарки, редкость в наших краях. Потом я перевел взгляд на нее.

Это была высокая стройная женщина на лыжах. Она была одета в хороший лыжный костюм, на снегу лежал туристский рюкзак, к рюкзаку был прислонен охотничий полуавтоматический карабин – весьма дорогая

игрушка. В общем, она производила впечатление спортивной дочки богатого папаша, если бы не немодный белый цвет костюма и рюкзака – в сумерках ее можно было принять за привидение. Да еще на бедре выделялся большой старинный револьвер.

Посмотрев на меня и усмехнувшись, она отстегнула лыжи, шагнула ко мне, сняла перчатку и протянула руку:

– Нелли. Нелли Юстис.

– Робо Прокс, – представился я. Ее рука была твердой. – Нелли как Святая Нелли, Юстис как маркиграфы Волчелесские?

– Я не святая, я живая, – засмеялась она. – И я не очень-то из маркиграфов. Но дайте-ка мне удочку.

Я повиновался. Она уселась на лед, поводила удочкой и вдруг резким движением выкинула на лед рыбу килограммов на пять.

– Видали? Подождите немного еще.

Минут через десять на льду лежали две крупные рыбы и одна поменьше.

– Отлично, – сказала Нелли, – есть и людям, и собакам.

– Э-э-э... я, вообще-то, собирался ужинать дома. Если вы соизволите принять мое приглашение...

– Не соизволю.

На свет были извлечены твердотопливный складной примус, какие-то пакетики, офицерский кортик и довольно странный сосуд.

– Соль, приправы, полугерметический котелок. Сейчас разберемся.

Она в два счета разделала рыб, потроха и головы столкнула обратно в прорубь – «там есть кому полакомиться», – от самой большой рыбы отрезала филе и дала собакам пополам. Затем последовал краткий курс полевой кулинарии, в конце которого просоленные и приправленные куски рыбы оказались в котелке, а котелок на горящем примусе.

– Минут пятнадцать – и готово.

– Я вижу, вы очень опытные.

– Я северянка, – ответила она. – Там все так умеют.

– Северянка? Вы говорите по-нашему без малейшего акцента.

– Я здесь училась. В школе и в колледже.

– В колледже Святой Нелли?
– Да, – она чему-то улыбнулась.
– А я в нем сейчас преподаю. Историю.
– То-то я гляжу, какой вы рыбак.
– Да я только недавно здесь, первый сезон. А скажите, это у вас чистопородные волчелесские овчарки?

– Да. С Севера.
– Они, наверное, стоят кучу денег.
– Кому как.
– А как там, на Севере? Я слышал, «люди длинной воли» начинают серьезно мешать?

– Смотря кому. Теплокрайскому княжеству – конечно. Но этим тиранам мешают все на свете. А многие рыцари, наоборот, даже заключают с ними союзные договоры. Вообще, по-видимому, будут большие перемены...

Мы немного поговорили о политике. Потом рыба поспела, Нелли дала мне ложку, а сама использовала кортик. Было восхитительно вкусно.

После рыбы Нелли порывалась приготовить чай, но тут я блеснул и угостил ее кофе с коньяком из моего термоса.

– Отличный кофе, хороший коньяк, – прокомментировала Нелли.
– А вы знающий человек. Здесь мало кто знает фамилию маркграфов Волчелесских.

– Ну, я же историк. А диссертация моя была как раз о возникновении на Севере Второй феодальной эпохи.

– А-а, тогда понятно. Ну, и что нового поведала науке ваша диссертация?

– Только новые вопросы. Вообще-то я здорово досадил коллегам-историкам. И хотя все высоко оценили мой труд, но должность я нашел только в этом захолустье.

– И чем же вы им досадили?

– Я сначала классифицировал, а потом в пух и прах разнес все без исключения теории о возникновении Второй феодальной. Она совершенно необъяснима.

– И ваши выводы?

– Что существовал какой-то серьезный и совершенно неучтенный исторической наукой фактор.

– Конечно. Невозможно было поставить такое дело на самотек.

Я поперхнулся:

– Вы хотите сказать, что Вторая феодальная была организована искусственно?

– Можно сказать и так.

Я смешался. Старинные легенды повернулись неожиданной стороной.

– Простите, Нелли, – продолжил я, – но это звучит совершенно невероятно.

– А все вероятные теории вы сами сдали в архив. Так что обратитесь-ка, лучше, к первоисточникам, – она усмехнулась.

Мы еще немного поговорили. Моя собеседница очень мило указала мне на некоторые малоизвестные исторические детали. Затем мы попрощались, она встала на лыжи, надела рюкзак и карабин и в считанные секунды растворилась во мгле – я даже не успел заметить, в каком направлении.

Происшедшее меня взбудоражило. Я полез копаться в книгах – благо библиотека в колледже была великолепная. И под новым ракурсом высветилась деятельность Боба Юстиса, первого маркграфа Волчелесского, и Вейля Плауба, первого герцога Кермского. И еще более зловещей оказалась фигура Минта Рамса I, первого князя Теплокрайского.

Материала прибывало, кое-что было совершенно уникальным. Например, по канонической легенде Св. Нелли живой вознеслась на небеса, а в библиотеке нашелся апокриф, постулирующий ее физическое бессмертие. Во всяком случае, я все более и более склонялся к тому, что та, которую позднее назвали Св. Нелли, действительно существовала. Более того, в архивах моего факультета нашлась дипломная работа студентки Нелли Юстис! О феодализме! Кстати, блестящая работа.

Теория искусственного происхождения Второй Феодальной stanovилась все более убедительной. Но я понимал, что публикация подобной теории невозможна, более того, она могла поставить крест на моей

научной карьере. Нужны были не просто доказательства, а, буквально, новые открытия.

Как-то я сделал комплимент нашей библиотекарше, сказав, что не у каждого университета есть такая хорошая библиотека. В ответ она лишь усмехнулась и показала мне статью о крупнейших библиотеках планеты. Наша библиотека была где-то в конце списка – двести шестьдесят тысяч томов. Но ближе к началу красовалась частная библиотека маркграфов Волчелесских – триста восемьдесят тысяч томов!

Жребий был брошен. Я написал Окку Юстису IV, восемнадцатому маркграфу Волчелесскому. Польстив насчет его библиотеки, а также помянув его многих знаменитых предков, я попросил разрешения нанести короткий рабочий визит. Через месяц пришло любезное приглашение воспользоваться гостеприимством на все лето. Что я и сделал.

Окк Юстис IV оказался очень приятным и эрудированным собеседником. Он вызвался сам показать мне библиотеку. Первое открытие ожидало меня буквально у дверей. Во всю стену было расписано генеалогическое древо маркграфов Волчелесских. Оказалось, что первый маркграф, Боб, вовсе не был отцом Рему и Окку I – соответственно, второму и третьему маркграфам. Он им приходился всего лишь двоюродным дядей. Их отцом был некий Дэн. К тому же, у них оказалась сестра... Нелли. Но это было еще не все. День рождения Нелли – девятнадцатое января – совпадал с днем Св. Нелли, а дата смерти отсутствовала вовсе!

– Это кто же, легендарная Нелли? – спросил я.

– Почему легендарная? В семейном архиве есть официальное свидетельство о рождении, еще республиканское, – ответил маркграф. – А в нашей округе действительно принято отождествлять ее со Святой Нелли, хоть каноники это и не признают.

– А что вы скажете?

– Я не историк, а легендам не верю.

После трех недель работы я накопал немало, но мозаика все еще не складывалась. Как-то за обедом маркграф обратил внимание на мой мрачный вид:

– Я вижу, библиотека не оправдала ваших надежд?

– О нет, я нашел очень много интересного. Но мне кажется, что

кое-чего не хватает... – я перехватил посерьезневший взгляд маркграфа.

– Я присматривался к вам, – сказал маркграф. – Вы производите впечатление человека, которому истина дороже всего. Но за истину приходится платить. Я готов предоставить вам дополнительную информацию.

– Какую?

– Видите ли... Тот самый Дэн и его бездетный брат Тедди... Именно они построили этот родовой замок. Именно с них начинается история семьи. Но они так и не были посвящены в рыцари, они не приносили присяги Святой Нелли, они не были маркграфами, и официальные летописцы рода обошли их молчанием. К тому же, многие считали их сумасшедшими. Но, так или иначе, их архив сохранился. Наверное, он представляет для вас интерес. Но, – голос маркграфа стал жестким, – я запрещаю вам цитировать этот архив как первоисточник.

– Но ведь без этого...

– Насыщайте собственное любопытство, а научную карьеру не делайте за счет моих предков. Да вам все равно не поверят.

Да, в этом архиве было все. И – главное – собственные дневники Дэна Юстиса. Очень лаконичные, но совершенно бесценные!

Теперь я уже не сомневался, что Нелли Юстис и Св. Нелли – одно лицо. По легенде она ушла вниз по реке Большой Волчьей из дома родителей – из вот этого дома, в котором я сидел, он тогда еще не был родовым замком маркграфов Волчелесских. Но она ушла не одна, а с отцом – с Дэном.

Дневники сорвали мифологический налет с канонической легенды и с народных баллад. Отец и дочь действительно смогли пройти весь этот путь – им просто повезло, впрочем, везет, как правило, сильным духом. И они вернулись через десять лет с твердым планом. Дэн привлек к этому плану своих родных и армейских друзей. И план сработал.

Маркграф был прав. Это было невозможно опубликовать. Никто бы не поверил, а документы сочли бы фальшивкой.

И тогда я решил попытать себя в беллетристике. Она стерпит.

Подаренный маркграфом волчелесский щенок тычется мокрым носом в руку. Писанина писаниной, а как насчет ужина?

Тель-Авив, Адар Бет 5763 г.¹

¹ Март 2003 г.

С эсперанто по жизни

(из сборника «Просто Ефим»)

Предисловие редакции

Представляю книгу – сборник воспоминаний о Ефиме Зайдмане, человеке-легенде, который был известным организатором молодежного эсперанто-движения в Коломне и в Крыму (эсперанто – международный язык, созданный доктором Заменгофом в конце XIX века). Мне посчастливилось быть знакомым с Ефимом и приобщиться к миру эсперанто в далекие уже 60-е годы прошлого столетия.

Анжела Беленко, жена и соратница, инициатор и составитель сборника «Просто Ефим», представляет в журнале его отдельные главы.

Анатолий Анимица, член редколлегии журнала СОНАР

Ефим Зайдман, эсперантист с 60-летним стажем, погиб в результате дорожно-транспортного происшествия в конце 2017 года. Я собрала личные воспоминания мужа, рассказы друзей-эсперантистов (всего 45 авторов) в 500-страничный сборник, который вышел в электронном виде в августе 2023 года.

Сборник «Просто Ефим» в электронном виде доступен по ссылке <https://clck.ru/35hC5J> или в виртуальной библиотеке <https://drive.google.com/file/d/1p9WdyF1Jjw3ZQhyZ8TLNrtZwRYKr4kag/view?usp=sharing>

Анжела Беленко, член редколлегии журнала СОНАР

Ефим Зайдман

Как я стал активным эсперантистом

По окончании университета, в 1960 году, я был направлен на работу инженером на завод в подмосковный город Коломну.

Меня поселили в общежитие, в комнату, где кроме меня было еще несколько человек. На соседней кровати я увидел учебник эсперанто! В это время я только переписывался на эсперанто, говорить не мог. Но когда рассказал своим новым знакомым, что учил этот язык, молодые инженеры загорелись, вручили мне учебник эсперанто и попросили обучить их. А

чтобы активизировать процесс, повезли меня в московский эсперанто-клуб.

Первый, с кем я там встретился, был артист Николай Рытьков. В 1937-м он был секретарем театра им. Ленинского комсомола, активным эсперантистом, за что и попал в лагерь на 10 лет. Николай Рытьков был незаурядной личностью, но о нем речь позже. Не помню, насколько удачным преподавателем я был, но знаю, что по крайней мере один из учеников, инженер-программист Иван Давыдкин, стал хорошим эсперантистом.

И вот мы, несколько новых эсперантистов, решили начать эсперанто-движение в Коломне. Это было еще время «оттепели». Получили разрешение в парткоме завода организовать лекцию об эсперанто и напечатать с этой целью афишу.

Время шло, дата встречи приблизилась, а афиш все не было. И вдруг мы случайно узнали, что они давно лежат в библиотеке Дома культуры нашего завода. Оказалось, что за это время «оттепель» прекратилась и лекцию решили отменить. Мы явились в библиотеку, сказали, что нас послали за афишами, и тут же поздно вечером расклеили их везде где только могли. На лекцию пришло человек 500! Я по неопытности излагал там все, что вычитал в эсперанто-журналах, а это заняло часа три, после чего со сцены выступили артист Николай Рытьков и журналист Александр Харьковский.

Началась запись на курсы эсперанто. Когда набралось 300 человек, мы прекратили запись. В результате решили организовать три курса: городской, на заводе, а также в школе, из которой на лекцию учительница английского языка привела целый класс. На заводе преподавал я, в школе – Иван Давыдкин, а для городского курса мы нашли в Москве двух преподавателей. Несмотря на то, что им оплачивали дорогу и преподавание, они, съездив по разу в Коломну (два часа туда и два обратно), отказались. И мне пришлось вести и заводской, и городской курсы. И тут началось...

Коломна – город закрытый, а тут еще всплыло, что Николай Рытьков, вернувшись через 10 лет из лагеря, поселился, как назло, именно в Коломне (в Москве после лагеря не разрешалось проживать), числился слесарем на нашем заводе и фактически руководил Народным театром. Вскоре его снова арестовали, на этот раз дали 8 лет. Мы всего этого не

знали. А теперь представьте себе: выступает он, читает стихи Маяковского о советском паспорте, а в зале сидят те, кто его забирал 12 лет назад!

На первое занятие в городе пришло человек 80, а на четвертое – половина, потому что на третьем вдруг (!) началась подготовка к ремонту помещения и нам отказали. В результате те, кто не был на этом уроке, уже не знали, где нас искать. Так мы кочевали из одного места в другое, пока не потеплело и мы (оставалось человек 20) приютились на скамейках стадиона.

На заводе была похожая ситуация. Мы начали заниматься в «красном уголке» какого-то цеха, но вскоре нам снова отказали. И так несколько раз, пока я не понял, кто «стукач», и пока мы не обманули его, указав ложное место следующего занятия.

В школе курс закончило всего несколько человек, а один из них, 9-классник Леня Борисов, вскоре стал «звездой» появившейся молодежной эсперанто-группы и вообще молодежных встреч эсперантистов.

В процессе преподавания я сам научился говорить на эсперанто. Для преподавания мы с Иваном использовали учебник «Praktika kurso de Esperanto por angle parolantaj landoj». Скопировали оттуда рисунки и на обратной стороне листа написали шпаргалки (вопросы и ответы). Фактически это был разговорный эсперанто-курс, новинка в то время.

Сразу по окончании курсов я повез в Латвию 7 новичков на ĈЕТ-4 (Ĉebalta Esperanto-tendaro, впоследствии ВЕТ). Каково было наше разочарование, когда по прибытии мы обнаружили, что из более чем 200 участников молодых было всего четверо. Зато было много известных эсперантистов и среди них даже посол Вьетнама в СССР Нгуен Ван Кин. Вернувшись в Коломну, на заводе мы сделали фотогазету об этом лагере.

В то время в Москве было много известных ученых, активных эсперантистов. Поэтому мы часто ездили туда по воскресеньям, чтобы встретиться с ними. Среди них был создатель микро-пучка (предтечи лазера) человек-легенда, профессор Сергей Чахотин, профессор Арманд, географ, представитель СССР в ООН по вопросам экологии, директор института стран Латинской Америки Михайлов и другие. Тогда же я узнал,

что известный телепат Вольф Мессинг тоже был эсперантистом и даже общался с семьей Заменгофа в Варшаве.

А вечером мы посещали эсперанто-клуб, в котором обычно после спектаклей появлялся Николай Рытков и угощал нас разными сценками и декламацией на эсперанто.

Так я стал активным эсперантистом.

Эсперантисты Коломны. Ефим второй справа

Как я стал переводчиком песен

По возвращении из Латвии с СЕТ-4 мы создали в Коломне молодежную эсперанто-группу. На следующий год Леня Борисов посетил ВЕТ-5, проходившую в Эстонии, а спустя год мы с ним и Иваном приняли участие в ВЕТ-6 в Литве.

Здесь мы впервые услышали несколько молодежных песен на эсперанто в исполнении ленинградцев и, вернувшись в Коломну, создали первый в СССР эсперанто-ансамбль. Иван и Леня были хорошими гитаристами, а Нина Щербакова и Таня Брызгалова отлично пели.

Нашему ансамблю не хватало песен, и тогда я начал переводить на

эсперанто с русского и английского. Первая песня «La tempo somera» была переводом известной английской «Summer time», она стала популярной и живет до сих пор (*можно подумать, что Ефим имеет в виду «Summertime» Дж. Гершвина, арию из оперы «Порги и Бесс». На самом деле речь идет о песне «The Green Leaves of Summer» (THE BROTHERS FOUR, D. Tiomkin, P. F. Webster – А. Б.)*).

Тогда же появилась «Kanto de mulisto» («Песня погонщика мула» Н. Матвеевой), переведенная совместно с Михаилом Бронштейном (тогда 15-летний мальчик, а впоследствии непревзойденный эсперанто-бард и поэт).

Ансамбль был неизменным участником молодежных эсперанто-встреч, один раз он даже выступал в МГУ, хотя сейчас в это трудно поверить. Потом появились другие переводчики и барды, наилучшие из них Дина Лукьянец и Людмила Новикова.

А я с тех пор не прекращал переводить песни и даже создавал свои. Сейчас их около 100, из которых 70 – бардовских.

Так я стал переводчиком песен.

Как я стал эсперанто-продюсером

В 1974 году я вернулся в Ялту, где в это время был эсперанто-клуб ветеранов «Mevo» (Чайка). Спустя три года, в 1977, я организовал молодежную эсперанто-группу «TERO» (Turista Esperantista Rondo, в переводе – Круг туристов-эсперантистов), которая вскоре стала эсперанто-клубом «Tero» (Земля).

В конце 70-х клуб перешел в Городской дом культуры, и мы начали организовывать осенний эсперанто-фестиваль «Velura sezono» (Бархатный сезон), единственный эсперанто-фестиваль в то время.

Первый фестиваль проходил в 1979 году в лесу, где состоялась премьера спектакля «Судебный процесс». Режиссером был юрист из Славянска Геннадий Шило, впоследствии ректор Европейского юридического университета в Москве. В этом университете язык эсперанто был обязательным предметом.

Фестиваль «Velura sezono» был одним из двух самых популярных мероприятий эсперантистов в СССР. Вторым был «Boatado» в литовском национальном парке Игналина (поход на лодках по 30 озерам, соединенным между собой речками), в котором ялтинцы часто принимали участие.

На эсперанто-фестивали приезжали эсперантисты из разных уголков страны, потому что билеты на поезд и самолет стоили недорого. Эти фестивали стали Меккой эсперантистов-музыкантов, там впервые появились будущие «звезды» – Владимир Сорока, Марина Короть, Жомарт Амзеев, Наташа Берце и др. После чернобыльской аварии в Ялту переехали Владимир Сорока из Полтавы и Марина Короть с Оксаной Курпековой из Львова. К ним присоединился Зограб Сафарян из Ялты, и при клубе «Tero» появился ансамбль.

Душой ансамбля была Марина Короть. Владимир Сорока был талантливым композитором, его лирические песни сразу полюбили эсперантистам и исполняются до сих пор. Невероятно, но факт, ему удалось записать на фирме «Мелодия» (!) диск «DESTIN'» (Судьба) – по названию центральной песни в альбоме.

На фестивалях появились и новые авторы и исполнители: Михаил Поворин, Сергей Страшненко, Анатолий Радаев. Помню, на одном из

«Boatado» рано утром мы проснулись под звуки ангельского голоса. Это была Дайва Медзевичуте, ставшая всеобщей любимицей.

Вечерами на ступеньках к морю в центре ялтинской набережной собирались участники фестиваля «Velura sezono» с гитарами и допоздна звучали песни на эсперанто.

Незабываемым был поход на Ай-Петри в грот «Татьяна», в котором даже в начале лета не тают ледяные сталактиты и сталагмиты.

Около 90 человек поднялись пешком на Ай-Петри, а на мотоцикле туда доставили электроорган с аккумулятором.

В гроте впервые в истории Ялты состоялся концерт органной музыки. Марина Короть и Оксана Курпекова исполнили концерт Баха (не помню конкретно какой). Известие об этом появилось даже в центральной газете «Труд», но без упоминания слова «эсперанто». Да и сам фестиваль проходил под девизом «Неделя интернациональной дружбы», в СМИ еще действовала секретная инструкция, запрещающая пропаганду эсперанто. А это уже был 1981 год.

В то время появилась рок-опера Э. Л. Уэббера «Иисус Христос – суперзвезда», и я перевел на эсперанто несколько арий, которые потом показал в виде постановки в молодежных эсперанто-лагерях в Киеве и Дагестане.

Правда, в Киеве исполнение рок-оперы не было официально разрешено, считалось, что это пропаганда религии, но мы устроили негласный показ в лесу. Тогда же я сочинил комедию в стихах «Крымская легенда», постановка которой прошли более десяти раз при мне или с моим участием на разных эсперанто-встречах.

Как я окунулся в мир авторской песни

Вскоре при клубе «Тего» появился дочерний клуб «Земля» – первый в Ялте клуб авторской (самодетальной) песни. В 1987 году 9-ый фестиваль «Velura sezono» организовывали уже эти два клуба. На фестивале из 12 лауреатов 8 были эсперантисты, в том числе дуэт крымских татар, которым в то время еще не разрешалось появляться в Крыму. Главным судьей фестиваля был известный бард Борис Вахнюк.

Это был единственный в стране бардовский клуб, где песни звучали на разных языках.

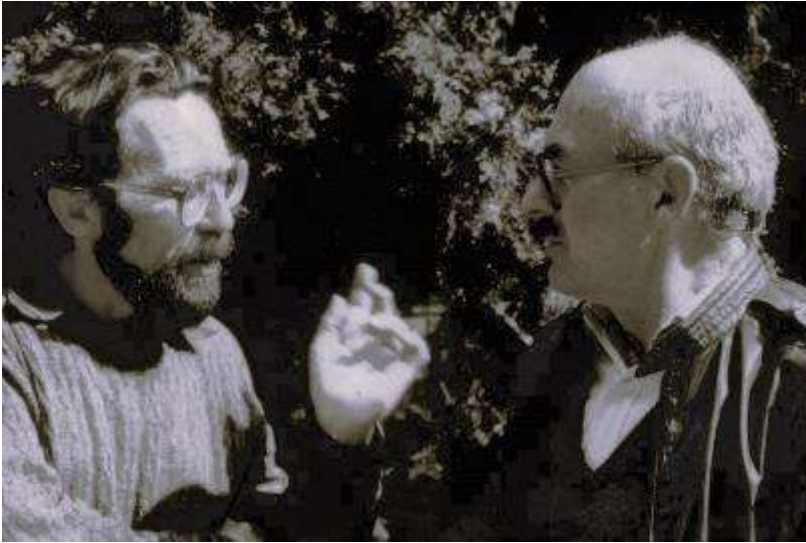
Бардовский клуб стал популярным в Крыму, с концертами выступали многие популярные крымские авторы: Константин Фролов, Владимир Шишкин, Виктор Самусь и другие. Константин Фролов дважды был лауреатом Грушинского фестиваля, хотя по уставу фестиваля это не разрешалось.

Я сделал переводы на эсперанто многих песен Владимира Шишкина, который был в Крыму лучшим автором и исполнителем бардовских песен. Вскоре он выучил эсперанто, записал на магнитофонную кассету десяток песен, часть из которых я перевел на эсперанто по его заказу, и принял участие в Международном Эсперанто-Конгрессе в Праге в 1996 году. Затаив дыхание, 3000 участников конгресса слушали в его исполнении песню Булата Окуджавы «Молитва».

Кстати, в Ялте у нас была встреча с самим Булатом Окуджавой, когда эсперантисты спели несколько его песен на эсперанто, которые ему очень понравились. Всю жизнь я потом жалел, что так и не послал ему тексты своих переводов, хотя обещал это сделать.

Вскоре бардовский клуб «Земля» перешел под крышу городского комитета комсомола, был активным некоторое время и постепенно начал угасать, пока через много лет в Ялте не появился талантливый бард Константин Вихляев, который возродил его. Сейчас под его руководством клуб авторской песни ежегодно организует в Ялте фестиваль под названием «Осенняя Ялта».

Так я увлекся бардовской песней.

Ефим Богомольный **Памяти Ефима Зайдмана**

Приехав на работу на Коломенский тепловозостроительный завод молодым специалистом в 1961 году, я познакомился с Ефимом, который уже год как работал там. Ефим Зайдман организовал на заводе и в городском институте кружки по изучению эсперанто. Изучение сопровождалось освоением многих песен на эсперанто, переводимых Ефимом и исполняемых под аккомпанемент эсперантистов Ивана Давыдкина и Лени Борисова.

Основатель эсперанто доктор Заменгоф создал на базе

европейских языков международный язык, очень красивый и логичный, без исключений в правилах. Для его освоения достаточно было 3-6 месяцев обучения. По замыслу Заменгофа эсперанто должен был стать международным языком общения человечества.

На нем в 60-е годы издавались журналы в Венгрии, Прибалтике и других странах. Когда в 1966 г. в Венгрии организовали международный эсперанто-слет, Зайдмана и меня заводской партком не выпустил как евреев. Разрешили поехать лишь русским ребятам. Проходили встречи с эсперантистами из Прибалтики. В 1967 году летом в Литве планировался эсперанто-лагерь. Мы с Иваном организовали поход в Карелию на байдарках, после которого эсперантисты группы приняли участие в эсперанто-лагере. Были многочисленные вылазки на природу.

На заводе в группе со мной работал Юра Левшин, который позже возглавил Коломенский КГБ. Его потом перевели в Москву в КГБ. Он мне говорил о слежке за Ефимом Зайдманом. Его работа по эсперанто была под наблюдением властей. Этот момент помешал Ефиму получить характеристику завода для защиты кандидатской диссертации, которую он подготовил. Сказалось также, что шеф Ефима А. Умаров был араб из поволжских. Незавершенность научной карьеры совпала у Ефима с разводом, и он покинул Коломну, вернувшись в свою Ялту...

Откликаясь на замечательные воспоминания о Ефиме, хочу отметить, что Ефим даже в Грядущий Мир ушел на бегу, так же как и жил всю Жизнь.

В заключение:

Два великих еврея, Элиезер Бен-Иегуда и Людвиг-Лазарь Заменгоф одновременно в конце XIX века провозгласили свои Идеи – воссоздание древнего иврита как разговорного и литературного языка современных евреев и международного языка эсперанто. Первая блестяще реализовалась через 50 лет в Возрожденном Израиле, вторая потеряла актуальность из-за распространения английского языка как мирового средства общения, дополненного синхронными переводами с любого на любой.

Жаль, что Ефим не дожил до актуальности Космического языка, творимого сегодня. Я имею в виду разработанный доктором

Фройденталем проект универсального языка для связи с инопланетными цивилизациями. Этот язык даже получил название – «линкос». Речь идет о создании чисто логического языка, полностью «очищенного» от таких ненужных нагромождений, как всякого рода исключения из правил, синонимы и пр. Это чисто «семантический» язык, освобожденный от какого бы то ни было фонетического звучания. Для «линкоса» большое значение имеет четкая и логически безупречная система классификации и нумерации отдельных частей «космического послания» – глав, параграфов и т. д.

Геннадий Котлов

Рассказы о былом (эпизод в крымском спортивном походе)

Расскажу о памятном мне туристическом походе первой категории сложности, где я познакомился с Ефимом Зайдманом.

Так получилось, что мне, жителю Симферополя, подсунули группу из Ялты. Отказаться было возможно, но других групп не было, а терять год или полгода как-то не хотелось. Для тех, кто не сталкивался со спортивным туризмом, хочу дать краткую справку. Разница между спортивным и другими видами туризма («дикий» я вообще не беру во внимание) в том, что людей сначала обучают, затем проверяют их теоретические знания на практике (выход в лес, в горы с опытными руководителями) и только потом самостоятельный выход по маршруту, заранее оговоренному и продуманному, а главное, что о вас знают в контрольно-спасательной службе.

Итак, «чужая» группа – это люди с совершенно другим пониманием того, что должно происходить на маршруте, а главное, понимаем тех взаимоотношений в группе, которые допустимы или недопустимы при общении друг с другом. На подготовку группы уходит несколько месяцев. Оговариваются и закупаются продукты питания (а не кто что возьмет), снаряжение, аптечка, личные вещи и др. Главное – это вычисление общего веса и распределение его между участниками похода.

Одним из многих моих указаний (рекомендаций, советов – кому как нравится) было то, что для подвешивания котелков над костром, нужны были крючки. Учитывая, что связь с группой из Ялты у меня была

только телефонная, то переговоры были не очень частые и немногословные. Скорее всего, связь была с Ефимом, как руководителем и авторитетным деятелем в этой группе, но утверждать это не могу. Я тогда никого не знал, а сегодня уже никого не помню, кроме Ефима.

Первая наша встреча на исходной точке маршрута запомнилась именно этими крючками для котелков. Первый мой вопрос, после знакомства с группой, был таким: «Понимают ли они, каким образом собираются использовать эти крючки?» Ответ был в стиле рассказов Задорнова: «А мы над этим даже не задумывались, нам поручили принести, мы принесли». Так что же они принесли? Крючков было три, как и договаривались. Маленький, средний и большой. Все они имели форму латинской буквы S. Размер самого большого – сантиметров 60 по высоте и сантиметров 20-25 по ширине из арматуры диаметром 12-14 мм (как только сумели согнуть?), т. е. почти что размер рюкзака. Маленький – аналогично, но сантиметров 40. Вы представляете на какой высоте нужно подвешивать котелок? А какой должен быть костер? Если, гипотетически, такой костер развести, то нужно не менее трехметровая рогатина, чтобы этот котелок вешать или снимать с крючка. Это же получается минидоменная печь! Если такой крючок подвесить к башенному крану, то не менее 100 кг можно было бы бесстрашно поднимать на этом крючке!

Другими словами, группа предстала перед руководителем в полном непонимании того, куда они попали. Но, как говорить «дареному коню...». Естественно, что эту строительную арматуру пришлось оставить у дороги. А вдруг кто-то найдет ей более правильное и полезное применение.

Следующее, что я вынужден был сделать, видя, кто передо мной находится, так это пересмотреть содержимое рюкзаков. Как я и ожидал, укладка рюкзаков полностью соответствовала укладке содержимого дамской сумочки. Надеюсь, не нужно более подробного разъяснения. Конечно же, я встретил некоторое негодование со стороны отдельных членов группы, в основном девушек, и, я думаю, это понятно, хотя и парни невнятно пытались их поддержать.

Ропот в толпе (а на данный момент времени это была именно толпа) прекратился после переукладки первого рюкзака. Не изменив

своего веса, он стал ощущаться в два раза легче и гораздо удобнее «сидеть» на спине, совершенно не мешая движению тела и свободе рук. Забегая вперед, хочу сказать, что потом, в первые дни похода, некоторые сами просили помочь уложить рюкзак.

Проинструктивровав группу основными правилами взаимодействия друг с другом и с руководителем, мы вышли в путь, полный опасностей и приключений. Маршрут проходил по юго-восточному Крыму. Сейчас уже не помню точного маршрута. На пути было множество изнуряющих подъемов и спусков. В основном двигались по тропам, реже по лесным дорогам. Иногда, при потере тропы, приходилось двигаться по азимуту, сквозь кустарник и лесной бурелом.

Так вот, через несколько дней, на одном из таких переходов и произошел случай, который следует отнести к незнанию правил организованности группы и каждого его участника в отдельности. Преодолев очередной подъем, группа вышла на водораздел склона и продолжила движение по этому водоразделу, по хорошо протоптанной тропе уже минут 15–20.

К этому моменту усталость от подъема прошла, и я постепенно начал увеличивать скорость, т. к. уклон вверх был небольшим, а иногда и вообще вниз. Также приходилось следить, чтобы группа шла компактно и не растягивалась. Тропа извивалась и, чтобы увидеть всю группу сразу, нужно было на более-менее прямолинейном участке оглядываться. Ефим шел недалеко от меня сзади. Скорость группы уже была приличная, в пределах 4 км/час, это хорошая скорость. На спусках она может достигать до 5–6 км/час или бегом. На подъемах падать до 0,5 км/час.

Вдруг я слышу голос Ефима: «А это что такое?». Я поворачиваю голову и бросаю взгляд на то, куда он показывает пальцем. В развилке двух стволов дерева на уровне груди лежит большой клочок травы. Видать лежит давно, потому что это уже почти солома. Не снижая скорости, я отвечаю, что не знаю. Понятия не имею, какой ответ он ожидал услышать. Ведь мы же не на экскурсии по сбору гербария или чего-то аналогичного, да и я не экскурсовод, а руководитель. Это большая, я бы сказал, существенная разница. В спортивном походе все вопросы и ответы на привале. Есть, конечно, исключения, но это совсем не тот случай. Группа продолжает движение. На очередном прямолинейном участке я оглядываюсь и...

чувствую, кого-то не хватает. Пока еще, не останавливаясь и оглядываясь, пытаюсь пересчитать. Точно, не хватает.

Все! Группа, стоп! Кого нет?! Ну, конечно же, Ефима! Пытаюсь выяснить, как давно это случилось и где, почему замыкающий группы оставил позади себя человека и не сообщил об этом ведущему? Ответы невнятные и невразумительные. Покричали, подождали минут 5-10, а вдруг догонит? Тишина, но «с косами» никого не было. Ну, что ж, пришлось разворачивать группу обратно и идти к предполагаемому месту потери.

10 минут шли, 10 минут ждали, 10 минут возвращались. Полчаса. Это примерно 1,5-2 км, на которые он мог от нас оторваться влево или вправо, потому что на тропе водораздела его не было. Следующая команда была растянуться по тропе друг от друга на расстояние слышимости и ни в коем случае с тропы не сходить. Даже в условиях леса 7-8 человек на расстоянии слышимости, это примерно километр. Через 10-15 минут по цепочке передали, что слышат ответное «ау», и группа начала собираться в эту точку. Еще через 10 минут внизу на склоне появился Ефим с раскрытым рюкзаком за плечами и колбасой в руке.

Его логика оказалась очень простой и неправильной. Он вышел из цепочки группы, чтобы посмотреть, что же это такое на дереве. Пока надел или снял очки. Пока пощупал, понюхал. Оглянулся. А вопросы задавать уже некому. Группа скрылась за ближайшим поворотом тропы. Естественно, он изначально попытался ее догнать. Не получилось. А почему? Вот тут логика его и подвела. Это с какой такой скоростью нужно двигаться, чтобы догнать группу, которая сама идет на предельной скорости и через какое время эта встреча может произойти? Из практики, никогда. В данном случае, исходя из опыта участника (почти ноль), единственно правильным решением было бы вернуться на маршрут туда, где группа точно проходила, и ждать или вообще не сходить с места, где потерялся.

Решить, что, если он не может догнать, значит группа ушла куда-то в сторону, было самой страшной ошибкой. Кроме того, Ефим привык к тому, что группа движется то вверх, то вниз. Если наверх поднялись, пора вниз. Через какое-то время он понял, что все-таки потерялся, а вернуться

назад невозможно, потому что склон со всех сторон одинаковый и с какой стороны он спустился уже не определить.

Вот тут логика частично вернулась к нему, и Ефим начал вспоминать, что у него есть в рюкзаке и сколько он на этом сможет продержаться. Эта мысль его немного утешила, и он решил ее осуществить. Снял рюкзак, нашел колбасу и решил подкрепиться, пока идут розыскные действия. Но... не успел. Его нашли голоса, звучащие со всех сторон (это же лес, и он внизу). Главное, что он понял, нужно идти наверх, все равно куда, но наверх. Надев рюкзак и забыв о колбасе в руке, он начал подниматься, периодически подавая голос. Ну, а по мере подъема, корректировать направление.

Если бы он не остановился и не полез бы за колбасой, то кто знает, на какое расстояние он успел бы удалиться или за какой поворот завернуться, чтобы выйти из зоны слышимости. А тогда все. Контрольно-спасательная служба со всеми вытекающими последствиями.

Стихи Ефима, сочиненные в походе:

*Шире плечи, тверже шаг,
по чащобам напрямик,
Прем мы танками наверх, в буерак,
как ведет нас проводник.*

*Если тропы исчезают,
только компас верен нам,
Высотой вершина манит,
чтобы сверху бросить взгляд.*

Анатолий Анимца
Ефим Зайдман – краткие встречи

В 1966 году я поступил в МИИТ на 2 курс факультета автоматики и вычислительной техники (со 2 курса МЭИ) и оказался в общежитии в Вышеславцевом переулке в одной комнате с моим будущим другом, на

всю жизнь, Леней Борисовым. Леонидом Нестеровичем Борисовым.

В тот год об эсперанто речи не заходило, хотя у нас у обоих были гитары и хотя бы одна песня должна была прозвучать. Пели тогда много и везде. И в общежитии, и в походах, и у нас в яхт-клубе («Буревестник» на Дмитровском шоссе).

И тогда же к нам в общежитие однажды приезжал к Леониду Ефим Зайдман. Мы познакомились, обменялись парой фраз, но об эсперанто и тогда мы не поговорили.

А осенью 1967 года, кажется, 6 ноября, к Лене в комнату пришло несколько ребят и девушек, и они заговорили о чем-то своем, на непонятном мне языке. Я занимался своими делами, может быть, курсовую писал или что-то другое – мы не обращали друг на друга внимания.

Так прошел час или два, и я что-то уловил в их беседе. Вставил реплику. Получил ответ. Кивнул. Через час сказал еще что-то. Как-то спонтанно включился в разговор. И к вечеру получил приглашение прямо сегодня ехать с ними в Таллин (тогда с одной «н») на съезд эсперантистов.

И мы поехали. Ночью в поезде никто не спал, разговаривали, я учил слова, мы с Леней пели песни, я сначала только аккомпанировал, а позже и сам стал петь – *Tondru nia kant'*, *La tempo somera*, *La verdaj kampoj*, *Mia amatin'*, *la sunet' arbara*, *Memorigante pasintjaran terpomon*, *Mulista kanto* – не вспомню точно название на эсперанто, «Как мы долго, долго едем, как трудна в горах дорога» Новеллы Матвеевой – в основном это были песни, которые перевел на эсперанто Ефим и другие эсперантисты.

Поразительно, но этой одной ночи в поезде хватило, чтобы мы, тепло встреченные в Таллине местными эсперантистами, сумели дать с Леонидом концерт в две гитары на два часа, и люди в зале – все! – знали и пели с нами вместе эти песни.

...Прошло 55 лет, пишу по памяти, могу ошибиться в написании строк на эсперанто, но и сегодня мог бы, я думаю, повторить тот концерт:

La tempo somera, la tempo rikolta,

La verdaj folioj min vokas al vi.

Rememoroj aperas pri la tagoj pasintaj...

После таллинского съезда я стал заниматься эсперанто – у нас в общежитии, собирались в нашей комнате, и Ефим появлялся там пару раз тоже.

А осенью 1968 года я женился, и Леонид был свидетелем у нас на свадьбе (моя будущая жена училась в МИЭТе в Зеленограде). А потом мы с женой сняли квартиру в Зеленограде, и мой эсперанто закончился.

В 1970 году мы закончили институт (МИИТ) и поехали – Ленья в Коломну, а мы с женой и сыном – в Северодонецк. Там я попал в НИИУВМ в группу разработки первой советской мини-ЭВМ для управления процессами М-6000 и немедленно стал преподавать в учебном центре при НИИУВМ архитектуру ЭВМ, устройство процессора и других центральных узлов. И за пару лет через мою аудиторию прошло около тысячи студентов – будущих специалистов по эксплуатации этих машин.

Так вот, однажды новый студент, Слава Цуканов из Коломны, привез после командировки загадку – «привет, и догадайся от кого». Оказалось – от Лени Борисова. Оказалось, что Слава тоже из эсперантистов, из кружка Ефима.

Но с Ефимом воочию мне больше не довелось встретиться. А с Леонидом мы как-то встретились, мы с женой специально приехали к нему в Коломну, когда я был в Москве в командировке. Уже после 1980 года.

Вторая встреча с Ефимом произошла сначала ВКонтакте – случайно, я его страничку заметил краем глаза, и мы списались. Потом мы общались некоторое время в скайпе, и с Ефимом, и с его женой, Анжелой Беленко, и вот – печальное известие, что Ефим погиб...

Сколько лет прошло? Уже пять? Но память о Ефиме, о тех годах и наших кратких встречах не стирается. И научить нескольким словам и песням на эсперанто кого-то из друзей мне тоже довелось. Такие дела.

Владимир Аролович

Пусть мой вывод слегка умозрительный...
Фотографии годы не вытерли,
но тенденция все же замечена:
черно-белая жизнь у родителей
и цветная – моя скоротечная.

Среди расхожих мнений и идей
одна гипотеза меня смутила,
в гармонию воткнув с размаху вила:
навряд ли мир создан для людей,
и вряд ли замечают нас светила.

Разгрузить стихов прицеп,
рыть под корень, словно вепрь,
ветер обуздать в полете,
месяц посадить на цепь,
приковав к столу напротив...
Чтобы слово стало плотью.

Ставлю в престарелую тетрадь
букв немых размытую печать,
подаяньем сложенных в суму.
Как же мне заставить их кричать?!
Как же их услышать самому?!

Мое чувствительное эго
подавлено ее лиричным.
Я на правах считаюсь птичьих
от чаепитья до ночлега.
Не вспоминаю взмахи крыльев
и прячусь за улыбкой жалкой...
Был ангелом созвездья Лиры,
а тут назначен приживалкой.

На срезе лет подсчитывая кольца,
постиг, вкусив халвы и белены:
что кровь бывает с молоком – от солнца,
а сдвиг по фазе – часто от луны.

На твое неприкрытое лоно,
где мои иероглифы губ,
излучает луны круглый рубль
неземную печать Соломона.
А в окне сторожит сонно дуб,
уронив между ног листик клена.

Где мерцала звезда,
там сейчас из отверстия
созерцает зрачок темноты.
Так любовь иногда –
упрощенная версия
солнца в нас, что сжигает мосты.

Курьезных дум и подозрений пресс.
Стенать не повод, не тупик, не драма.
С тех пор, как я в уклад житейский влез
во мне должны быть, вроде, два Адама.
Есть от земли, а где же от Небес?

Дней ширина, ночей длина,
Земли беременной окружность.
И родила, кряхтя и тужась,

несущего безмерный ужас,
младенца с именем «Война».

Я живу в тепле, уюте,
а мое второе «Я»
видит этот мир в лоскутках
из вторичного сырья.
Бродит ночью куполами
стертых пылью государств
в поисках дороги к маме.
Мама ждет и не предаст.

Без прелюдий долгих и рекламы,
не являясь красочно орущим,
ни глупцом, увы, ни мудрецом,
я своими добрыми делами
вытираю зеркало в грядущем,
отражаясь подлинным лицом.

Рассвет обманчиво пахуч,
свеж воздух – сонм бездомных душ.
Дыханье их – озябший ветер.
Дождь – слезы их. А в лужах пунш
из листьев, веток, хмурых туч,
и спрятан в слякоть солнца вертел,
и пальмы – в панцире онуч.

Угасло бабье лето. Золотой обновой
прикрыла землю осень. Дождик пляшет соло.
Оброненное тучей, съехавшее с крыши,
бродило вслед за мной утерянное слово.
Я радовался каплям, а его не слышал.

И уже от планеты в парсеках,
огражденный больничным отсеком,
телом голый, душою босой,
он услышал, как дама с косой
прошептала: «Ты стал человеком...»

А волны – ласточки пучин.
У моря в хаосе пришествий
неровный берега обхват.
Втянуло солнышко лучи
под шапочку из рыжей шерсти,
окрасив вечера оклад...
Ресницы приоткрыл закат.

Липких туч сплошной эскорт
задушил восход в зародыше.
Рифм голодные оборвыши
громко просятся на борт,
требуя спасенья тонущим.
Но в пробоинах блокнот.
Шкипер – бездарь и беспомощен.

Яхты на приколе,
в небе дюны соли,
солнца виснет слива,
ветра реет грива,
реи обнажились...
И стихов в подоле
копошится живность.

Сезон отцвел. С балконов ветер
слизал остатки суеты,
дожди набрасывают сети,
в пустом кафе ночуют черти
и одичавшие коты.
Над крышей щи из туч прокисли.
Где клен прическу потерял,
слепой зрачок у фонаря.
К моим подошвам липнут листья,
и в письмах запах января.

Путанно что-то в засаленных догмах,
тошно от вымыслов авторитетов,

от наставлений и мудрых советов,
от, хоть потоп, бесконечного долга.
Выглядят здраво и в меру этично
эти внушения с привкусом скерцо,
эти рулады о светлости птичьей.
Вот и живу по велению сердца,
вот и летаю совсем не типично.

Ночью небо –
 в тайном блеске тога.
Суть Вселенной –
 одеянье Б-га.

Игорь ЛеШ

Легко ли быть (рядом с) Богом

Мы не чувствуем дыхание планет, мы не чувствуем их ветер. Ветер Урана, этой странной планеты, кружащейся вокруг Солнца «на боку», да еще и в двух направлениях сразу, несет нас к неожиданным открытиям, к таланту открывать новые пути и... к зависти и неприятию многих во-круг.

В далекие советские времена жил художник. Вернее, Художник. Ветер Урана подхватил его в момент рождения, и... писал он не совсем то, что требовал Его Величество Соцреализм. Его наставляли, он старался, а получалось не то. А потом получилось совсем не то. Гениальное настолько, что его выгнали. Из Союза. В его случае – художников. И он не смог писать ни не совсем то, ни совсем не то. Потому что негде было это делать, да и за краски, стоившие тогда копейки, надо было эти копейки заплатить. А копеек не было. Даже на хлеб.

Подобрал нашего Художника мастер-альфрейщик. Вернее, Мастер-альфрейщик. Его в момент рождения подхватил ветер Сатурна, и делал он свою работу ответственно, надежно и на самом высоком альфрейном уровне. Заказов у него было выше крыши. Вернее, ниже крыши, потому что выше крыши не было стен для работы. Там когда-то работал Художник.

Ветер Судьбы принес наших работяг к очередному Заказчику. Было у того очень-очень много всего, не очень нужного для работы и творчества, но среди всякого золотого и не очень золотого хлама было много стен, вполне годившихся для работы. А как оказалось, и для творчества.

Здесь, показал Заказчик первую комнату, должно быть красное, здесь – синее, а здесь – фиолетовое.

Время было позднее, и наши трудяги решили начинать утром.

Художник еще раз оглядел комнату и, подхваченный ветром Урана, сказал:

– Здесь должно быть розовое... с переходом к золотистому, а здесь – переход... и фиолетовое.

– Хозяин – барин, – возразил Мастер и вышел.

На следующий день Художник пришел пораньше и в порыве вдохновения сделал, как нужно было сделать. Мастер увидел, опустил на колени и сказал:

– Божественно!

Мастер успел отряхнуть колени, когда пришел Заказчик, которому ветер Марса бросил в глаза пыль гнева от невыполненного его «Величества» приказа, и выгнал обоих.

Правда, следующие мастера начинали работать со следующей комнаты. Правда, и их всех Заказчик выгонял. Не только из-за жадности. Ветер Марса не влиял на жестокое понимание: ничего и близко похожего на гениальность первой комнаты ни у кого из них не получалось.

Заказчик забросил все свои (очень важные) дела. По ночам, когда в окне его первой комнаты ухмылялся Марс, он приходил туда, опускался на колени и выл на воинственно-красную планету.

24.08.23

София Шегель

Вера, Надежда. Любовь?

Сейчас на той стороне улицы, прямо через дорогу стоит массивное и примечательное сооружение – ни много ни мало парламент страны, дальше за ним в сторону реки – здание государственной библиотеки. Сегодня кажется, так было всегда, мало кто теперь помнит, а когда-то на этом самом месте стоял небольшой стадион – «Молодежный» назывался. Стадион на главной улице города? Глупость какая, скажете вы. Может, и глупость, но зато как удобно наблюдать из окна собственной комнаты спринтерский забег университетской сборной, и, конечно, зеленоглазый однокурсник, как всегда, лидирует, первым касается финишной ленточки и усталым кивком откидывает со лба роскошные свои каштановые кудри. А как весело выскочить из подъезда уже в ботинках с коньками, процокать по брусчатке мостовой через дорогу – и вот он, рукой подать, почти часть квартиры, доступный, удобный ледовый каток. И тот самый зеленоглазый красавец уже нарезает круги по ледяному полю, а вокруг девчонки в шапочках с помпонами – как мошकारа под фонарем в летний вечер. Как странно, что все это было явью, повседневностью, образом жизни. Сегодня – картинки из сновидений.

Кто тогда мог представить себе, что не пройдет и полстолетия, как этот редкостный красавец и не менее редкостный скромник и молчун превратится в такой громоздкий прямо-таки шкаф с громовым голосом и повадками бронетранспортера. Активист, общественный деятель, защитник интересов национального меньшинства, страдающего не столько от реальных ущемлений, сколько от собственных шляхетских притязаний. Трибун! Все бывшие его друзья, одноклассники и однокурсники, а в Зосином случае и то, и другое, только диву даются – откуда что взялось! В школе – так вообще его голоса никто не слышал. В студенческие годы – пошел в гору по линии спорта, сразу стал популярным, всеобщим любимцем – чемпион, молчун и скромник, небывалое сочетание, откуда такие берутся! С хвостами, правда, но кто в студенчестве не имел хвостов! Потом он отправился учителем в сельскую школу, говорили, «сделал карьеру» – аж до

завуча дослужился. Потом пропал из виду надолго, всплыл в смутное время как представитель национальной общины, да что там представитель – глашатай. Из просто Леньки Плонского превратился теперь в пана Леона Плонського, с ударением на предпоследнем слоге, без привычки и не говоришь.

И вот теперь этот герой эпохи сидит перед своей одноклассницей и однокурсницей, а ныне просто скромной одинокой пенсионеркой пани Зосей. Стул под его громоздким задом потрескивает, Зося даже опасается, как бы не развалился на части, а сам он шмыгает носом, пытается перейти со своего шикарного баритона на жалобный козлетон и смотрит умоляюще, моргает рыжими мокрыми ресницами и всеми способами старается бить на жалость и сочувствие.

– Ты все же поговори с ними, что тебе стоит? Вы же триста лет соседи, ты их с детства знаешь, должны же они понять – с каждым может случиться. Люди должны помогать друг другу, если они люди. Будь человеком! – и громоздкий, немолодой уже мужик складывает молитвенно руки ладонь к ладони и, по всему судя, готов чуть ли не на колени пасть.

И что с ним теперь делать? Конечно, пани Зосе его жалко, хотя при всех радужных воспоминаниях сегодня он и не вызывает добрых чувств. Но от такой беды кто застрахован! Дорожное происшествие – сбил на скользкой мостовой старушку, Зосину соседку. Это правда, был гололед, старушка переходила улицу медленно, да она и не могла ходить по-другому, может, и в самом деле сама виновата. Родственники погибшей сейчас в соседней квартире, прямо за стенкой сидят траурную неделю, а этот явился тут слезы свои размазывать. Постыдился бы!

– Постыдился бы! – начинает Зося вести среди него разъяснительную работу. – Даже если нет твоей вины, пойми, у людей траур, горе, они уверены, что из-за тебя, а ты тут лезешь со своими разговорами. Человека-то не вернуть, пойми это!

Ленька вдруг весь как-то распрямляется, становится еще более громоздким, даже костяшками пальцев какую-то игривую дробь по столу выбивает:

– А ты уверена, что они хотели бы вернуть? Старухе уже под семьдесят было, и она им не мать, я узнавал, максимум тетка, а может, и

вообще не родня. Какие-то племянники, внуки, да и то не факт. Квартиру получают в наследство, говорят, и бабки у старухи водились, вон сколько орденов несли перед катафалком. Может, эти родственнички еще мне спасибо сказать должны, – у этого убогого, откуда ни возьмись, прежний баритон вернулся и реснички высохли.

Зося уже набирает побольше воздуха, чтоб не сбиться, объясняя гостю, куда идти и с какой скоростью, как тут смутные ее опасения превращаются в суровую реальность: старый, еще родительский гнутый венский стул не выдерживает тяжести седока, ножка под ним подламывается, с треском обрушивая его вместе со щепками на пол. Бог шельму метит.

– Вон отсюда, – только и успевает Зося прошипеть, а от пана Леона Плоньского, как он теперь себя называет, и запаха не остается. Только обломки стула да вязкая горечь на душе. И Зося, накинув на голову тонкую косынку неброского цвета, бредет к соседям – уважить, вспомнить покойницу, благословенная память.

Зося помнит ее с самого своего детства. Жили через стенку, семьи у нее не было, одна жила, и Зосе досталась, можно сказать, в наследство от матери – они познакомились уже не юными и дружили долгие годы, пока мать была жива, но обращались друг к другу немного церемонно, на «вы». Она и в старости была редкостно красива, почти без седины, с яркими, пламенными глазами, с искренней готовностью слушать и смотреть. При этом всем нарядам предпочитала свою довольно-таки потрепанную уже армейскую форму и выдавший виды синий берет. Доктор медицины, профессор офтальмологии, полковник Вера Липовна Морштейн. Ее и земле предали в этой же одежде и на воинском кладбище, хотя много лет уже была в отставке. Возраст...

А удивительную историю ее жизни Зося узнала стороной. К ней часто приезжали родственники, племянники и племянницы с детьми, для всех находилась постель и тарелка супа. Одна из племянниц как-то приехала погостить, да так и застряла у тетки, пошла работать в библиотеку. Зося тогда еще студенткой была, однолеткой библиотекарше Вале – вот и подружились.

В какой-то зимний вечер сидели с Валей у голландки, грелись чайком – она и рассказала. Что своими глазами видела, что от старших

слышала, о чем догадалась. Потому что сама доктор Вера, весь дом так ее называл, всех лечила, со всеми дружила, но о себе – никогда, никому, ничего...

– Верочка, нам с тобой надо серьезно поговорить. И не откладывай! Прямо сейчас! – Гриша явно настроен очень решительно, теребит пуговицу на куртке, весь как-то шевелится, просто все в нем приходит в движение – руки, ноги, шея, даже брови – крутые, изогнутые брови еще больше изгибаются, шевелятся. И весь он такой понятный, такой свой, Вера давно уже, со школьных лет, еще когда мама была жива, привыкла воспринимать Гришу как часть себя, как будто он – какой-нибудь ее орган, рука, или нога, или совесть. Странно, но думать о Грише отдельно от себя у Веры не получается. Она даже на расстоянии чувствует его настроение.

– Ну давай, говори, я же не против, что такого срочного может быть в нашей жизни? Только давай быстрее, холодно очень и меня дома ждут.

– Нет, это наскоро не решить. Давай я помогу тебе отнести покупки, а потом сядем где-нибудь в тихом месте, чтоб никто не мешал, и все обсудим.

– Ладно, пошли.

От базара до домика раввина Липы Морштейна путь неблизкий, почти через весь город. Правда, город невелик, но оба они – Гриша и Вера, сколько живут на свете, никуда не выезжали, жизнь для них протекает в границах Аккермана, и Вера никак не чувствует, что это тесные рамки. Решили, что серьезный разговор начнут, как освободятся – отнесут покупки домой, дадут поесть малышне – у Веры пятеро братьев-сестер, все младше нее, отец, кроме Торы, ничего вокруг себя не видит, все заботы на ней, старшей сестре.

– Ну ладно, давай, выкладывай, – едва переступив порог, милостиво разрешает Вера, видит ведь, что парню неймется, да и чего уж там, с горы понятно, о чем может быть разговор. Не иначе, как опять «давай поженимся», что еще он может придумать. Не первая ведь попытка. Только Вере ерундой заниматься некогда, у нее уже есть семья, по уши хватает.

– Давай уедем! – неожиданно для Веры выпаливает тот. – Уедем в Киев, или в Одессу, или прямо в Москву! Представляешь, пойдем вместе учиться, станем врачами, вернемся в Аккерман, будем лечить твоего папу, мою маму, всех твоих братьев-сестер. Представляешь, как нас весь город уважать будет! Еще и разбогатеет.

– Ау, Гри-и-ша! Ты где, на каком облаке сидишь? Куда я могу уехать? На кого их всех брошу? Они же через две недели все с голоду помрут. Папа у меня очень духовный человек, но не кормилец, а эти все еще маленькие, ничего не умеют. Вот и выходит, что я как бы уже замужем за собственным семейством – братьями, сестрами и беспомощным отцом. Так что моя дорога без виражей, прямая, как оглобля: утром в оранжерею, день на карачках на грядках, потом за покупками и домой – кормить выводок, убирать дом, стирать. Вечером, если ты занят, еще можно почитать полчаса – и спать, потому что скоро опять на работу. Если ты не занят – можем с тобой погулять на берегу те же полчаса, не больше... А в выходной, когда отец в синагоге, а ребятня на улице – единственная наша с тобой минутка... Жить нам с тобой вместе негде, мы и встретиться можем только когда все заняты одновременно, а это не часто получается. И так будет всегда, я их не брошу, а ты сам думай, как тебе жить дальше – со мной, как теперь, или как-нибудь по-другому. Веселенькая, конечно, история. Зато понятная. И без неожиданностей!

Давно доказано, никогда не упреждай жизнь, она все равно повернет по-своему. Неожиданности, можно сказать, с неба посыпались, притом сразу же. Не успели разобрать покупки, поставить на примус котелок с картошкой, даже селедку еще не разделали – вернулся из синагоги отец.

– О, вы уже здесь, очень кстати, надо серьезно поговорить. И не откладывая! Прямо сейчас! – буквально повторил реб Липа гришины слова, Вера даже ойкнула на такое совпадение. – Верочка, не надо хихикать, – непривычно строго обрывает отец. – Дело серьезное, можно сказать, жизненное, слушайте внимательно. Тебя, Гриша, тоже касается.

– Меня касается все, что хоть как-нибудь касается Верочки. Раз мы будем говорить о серьезном, я сразу Вам скажу, реб Липа, мы с Верочкой всегда будем вместе, у нас общая судьба, и я не отступлюсь.

– Да ладно тебе с этой ерундой, об этом в другой раз, тут дело

серьезное, слушайте и не перебивайте! – Реб Липа, даже не пытаясь вникнуть в сказанное, отмахнулся от гришиной попытки повернуть разговор в нужное ему русло. – Слушайте все, – реб Липа даже встал с табуретки, вздернул свою курчавую, но довольно жидкую бородку, блеснул своими пламенными, у Верочки точно такие же, глазами и заговорил торжественным, как с бимы, тоном:

– Сегодня к нам приезжал представитель из центра...

– Из центра мира? – дурашливо перебил Гриша, так что Вера молча обожгла его взглядом.

– Не перебивай, – сбился на фальцет взволнованный реб Липа, – слушай, это важно. Нам предлагают перебраться на новые земли, в Биробиджан. Это далеко, и мы там ничего не знаем. Но! – он поднимает вверх указательный палец, как восклицательный знак, – нам предлагают жить в еврейской автономной области. Вы слышите, в ев-рей-ской! ав-то-ном-ной! Это значит, дети смогут учиться на идиш. Это значит, я буду иметь свой приход в синагоге и учить детей в хедере. Это значит, что мы все больше не будем национальным меньшинством. Мы будем большинством. Этот представитель сказал, туда даже из-за границы многие едут – из Америки, из Аргентины. И все, кто согласится поехать, получают подъемные на первое время и жилье, конечно, сначала в бараке, но потом можно построить дом.

– А кто не согласится? – опять ехидно перебивает Гриша.

– Ну сам подумай, какой дурак не согласится? Когда все дают – жилье, работу, землю! Ты когда-нибудь слышал, чтобы евреям давали землю? Сколько людей ради этого не побоялись, уехали на чужбину, в Палестину! А тут в своем государстве, при понятной власти, знаем язык!

– Папа, вот я – первый дурак, я не соглашусь, – запальчиво откликается Вера, перебивает отца. – Хорошо или плохо, но мы живем, у нас крыша над головой, у меня работа. Не забудь, у тебя пятеро по лавкам, что с ними будет?

– Вот с ними как раз все в порядке, их сразу берут в интернат, на полное обеспечение, дают образование и профессию, еще пять-шесть лет – и все на своих ногах. Это же мои дети, они работы не боятся, – хвастливо задирает свою бороденку реб Липа.

– Да, можно подумать, – иронически бормочет Гриша, и Верочка снова обливает его пламенным взглядом.

– В общем, решено, едем! – категорично провозглашает глава семейства. – Сейчас середина марта, в июне, как кончится учебный год, понимаемся. Скарба у нас немного, скотины никакой, кроме нас самих, – это повеселевший ребе так шутит, – соберемся быстро. Ты, Гриша, решай сам, но, по-моему, вместе всегда легче, так что думай, дорогой, думай, тем более, если ты рассчитываешь на Верочку.

– В общем, решено, – так же категорично вклинивается, повторяет отцовскую интонацию Верочка. – Раз у тебя, папа, все спланировано, дети пристроены, золотые горы почти в кармане, то... обойдетесь без меня. Мы с Гришей тоже едем. Но в другом направлении. Мы едем учиться.

– По-моему, все складывается даже лучше, чем я надеялся, – не особо деликатничая, подводит итог Гриша. – Но мы, конечно, дождемся конца учебного года, не пожар ведь, время есть.

И очень скоро, в самом начале лета аккерманский раввин Липа Морштейн со своими пятью детьми школьного возраста отправляется осваивать новые земли – на Дальний Восток, в Биробиджан.

Это все происходило в самом начале тридцатых годов минувшего века. Вера и Гриша – из первых комсомольцев, из тех, кому предстояло строить новую жизнь. Решение многодетного раввина совершенно неожиданно открыло перед ними дорогу в большой мир, они теперь свободны, как птицы. Но даже птицам иногда надо поклевать чего-нибудь, особенно когда оказываешься в незнакомом городе, без копейки в кармане, зато с полным чемоданом надежд и ожиданий. Ну, допустим, жить можно в общезжитии, это вполне доступно. Но еда, поездки в большом городе, наконец, есть театры, парки... Да бог с ними, с театрами, одеваться как-то надо, туфли вот совсем прохудились, тоже не обойдешься, обувь-одежда – это вам не театры-парки! Нет, работы в городе полно, заработать всегда можно, но хотели ведь учиться, а как совместить? И мудрый Гриша находит поистине Соломоново решение, Соломон был бы доволен.

– Мы с тобой, Верочка, совсем еще молодые, какие наши годы! Давай станем учиться по очереди. Один работает, другой учится. Потом наоборот. Начнем с тебя. Согласна?

– Может, я и согласна, – после долгих размышлений, отзывается, наконец, Вера. – Но начнем, разумеется, с тебя: ты мужчина, когда мы поженимся, будем жить под одной крышей, станешь главой семьи. Мужчины быстрее карьеру делают. Так что, будем считать, решено. Ты идешь учиться, я иду работать. Тем более, я прямо сегодня объявление видела – требуются санитарки в больницу. Семейных забот у меня теперь нет, могу совмещать с теплицами, тут и там уход – больные – те же цветы, ласки требуют и заботы.

– Ну-у, это если только ты так решила... А может, все же сначала ты, – слабо сопротивляется Гриша, но его упорства хватает ненадолго. – Ладно, решено так решено. Я еду в Киев, сейчас прямо иду билет брать. И пишу заявление о поступлении в институт. А ты в больницу?

И парочка рванула с места в карьер – сказку делать былью. Быль оказалась куда печальнее сказки. Верочку в больнице приняли, как родную: сразу всю черную работу ей доверили – палаты убирать, утки выносить, лежачих мыть, белье постельное менять... Зарплата? Ну какая зарплата у больничной нянечки? Хорошая, конечно, только маленькая. И все же Верочка, как бы ни было туго, каждый месяц исправно половину заработанного отправляет Грише, а если главврач расщедрит на премию, то это идет родным в Биробиджан, у них там тоже быль сильно отличается от сказки. Пишут, что климат очень тяжелый, учителей не хватает, уроки в школе с перерывами, дети часто болеют, больницы настоящей нет, так, медпункт при стройке... С едой тоже проблемы. И вообще, это вам не солнечный Аккерман. Синагога... на этом месте письма обычно обрываются. Думай что хочешь.

Письма от Гриши приходят нечасто, и они тоже все более грустные, с жалобами, учиться ему трудно, тот, первоначальный пыл помаленьку остывает, и в письмах все меньше тепла и все меньше подробностей об институтской жизни.

«На каникулы я, пожалуй, останусь в Киеве, найду работу, хватит висеть на твоей шее, совестно, я ведь мужчина!» – хорохорится он в очередном письме и потом надолго замолкает.

А Вера, как и прежде, чувствует каждый поворот его души, все вибрации настроения, как будто Гриша и вправду часть ее организма. И

давно уже чувствует она каким-то шестым или восьмым чувством, сама не зная, где это чувство гнездится, что Грише сложно, все у него не так, как он хочет, не так, как он пишет. А когда на третьем году его студенчества приходит письмо с последним признанием, она испытывает только жалость и чувство вины, как будто это она его бросила, как будто это она за два года успела родить сына, бросить учебу и начать работать на какой-то торговой базе, где хорошо платят.

«Бедный, бедный,» – Вера раскачивается над письмом, горестно вспоминает веселого, дурашливого Гришу, который без нее жить не мог, а она без него могла. – «Если бы мы оставались вместе, он бы так не изменился. У него просто стержень слабый. Бедный, бедный!»

«Бедный» Гриша в конверт с покаянным письмом вложил еще и фото – светлокудрая, высокая фигуристая женщина в пестром платье рядом с Гришей, а у него на руках сверток в кружевах. И надпись на обороте: «Моему самому дорогому и близкому другу Вере. Это мы с Надей и наш сын Феликс. Люби нас, как мы любим тебя». И дата – 1 мая 1936 года. Подумать только, он и правда верит в эти слова. Ну да, так символично: Вера, потом Надежда. Ясное дело, тут и любовь должна быть рядом, как же без нее.

Вера, наверное, целый час, а может, и больше просидела перед главным своим советчиком – перед зеркалом. Всмотривалась сама в себя, не в лицо, в душу, спрашивала сама себя, не отражение в зеркале, только свое сердце. А оно полно жалости и горечи, ничего больше. Молчит. Нет чувства, что жизнь кончилась. Нет вопроса, как жить дальше. Вообще пусто. Но надо жить, строить новые планы. А раз так, значит, Гриша все сделал правильно, по крайней мере, по отношению к ней. Может, он и не от слабости так поступил, может, от неразгаданной мудрости?

Вера резким рывком поднимается с места, достает из кладовки рюкзак, что остался со школьных времен – на маевки с ним ходила, складывает невеликий свой скарб – ложку, кружку, одежды, обуви, мыло-мочалку, зубной порошок. И покидает свой дом навсегда, чтобы до конца своих дней вспоминать с тоской и любовью бело-зеленый, цветущий, благоухающий сиреню и черемухой Аккерман. Родину, которая никогда не казалась малой.

Потом, когда она поостыла, все же написала письмо Грише – в том смысле, что будь счастлив, ни о чем не жалея, люби свою семью и не пропадай.

Как Вера училась, на какие средства жила, где ютилась, как по молодости ошибалась и чем за свои ошибки расплачивалась – это все, может, и интересно послушать, да слишком больно рассказывать. Может, потому Вера упорно о себе ни с кем никогда не говорила. Как-то вертелась, как-то училась, все это промелькнуло, как небыль. Начало войны – Великой Отечественной она встретила уже со свеженьким, хрустящим дипломом, блестяще защищенным в Харьковском мединституте. И чуть ли не с выпускного бала отправилась во фронтовую госпиталь. А вся ее научная карьера случилась много позже, уже после победы, которую встретила в Германии.

Но четыре военных года у операционного стола, сотни спасенных глаз, спасенных жизней – это все помнится, не уходит, это общая судьба. А по личной своей судьбе Вера все эти четыре года не порывала связи с семьей Гриши – двумя его детьми и женой Надеждой, та, впрочем, слишком скоро стала вдовой, Гриша погиб уже в первый год войны, даже не в бою, на случайной мине подорвался. Сколько таких бессмысленных смертей тогда было! Семья осталась без поддержки, и Вера привычно взяла эту ношу на себя. Денежный аттестат на них оформила, письма Надежде писала исправно, детьми интересовалась. Ответы получала без задержек. Только лично они за всю жизнь не встречались никогда, все больше почтой да телеграфом. Что ни говори, что ни воображай, все равно больно. И время боль не снимает. Как будто тебе руку отрезали. Или ногу. И всю жизнь без отрезанного приходится жить.

Биробиджанские родственники тоже не потерялись. Старый равин встретил свой последний день в своей постели, братья-сестры – с трудностями и лишениями, но не больше, чем все вокруг, получили профессии, выстроили свои семьи, нарожали детей. Всем своим племянникам и племянницам одинокая Вера помогала, пока учились, все получили высшее образование. И потом, уже взрослых, не обделяла вниманием. Гришинных детей тоже опекала до конца своих дней, для всех находила и доброе слово, и правильное для каждого дело.

А после, когда уже ее методика лечения болезней сетчатки глаза оформилась в стройное ноу-хау и получила признание специалистов и одобрение Минздрава, доктор Вера стала профессором и защитила докторскую диссертацию, она долго еще продолжала практическую деятельность, пока руки слушались. А как стали пальцы дрожать – сразу ушла на покой, изредка только консультировала бывших своих учеников.

С возрастом доктор Вера все больше замыкалась в себе, все реже покидала свое жилье – квартиру, полученную во время ее армейской службы.

А тут как раз Гришина дочка, младшенькая, да ведь сколько лет прошло, сама уже не первой молодости, собралась свою дочку, Гришину внучку замуж выдавать, и привычно обратилась в свою семейную на все случаи жизни «скорую помощь» – к безотказной Вере Липовне, лучшему другу ее родителей. Понимала, конечно, что старушка с места не тронется, да и не ждала ее на свадьбу, хотела только соблюсти семейную традицию – вот и прислала приглашение. Этот красиво разукрашенный листок потом нашли на столе у Веры. Она как раз и пошла привычным маршрутом на почту – деньги невесте отправить. Не судьба, не успела.

Все проблемы доктора Веры наперед решил пан Леон Плонский на своем раздолбанном «фиате». На самом деле – мало того, что погода была в тот день невозможная – гололедица на дороге после дождливой ночи, так он, если честно сказать, вообще эту старуху на проезжей части не увидел. Лед серый, армейская шинель серая – как разглядишь? Он давно уже заметил, что с глазами неладно, да все некогда, дела неотложные. В школе экзамены – он в комиссии, в городе муниципальные выборы – он баллотируется в управу. Одним словом, жизнь, как она есть. Болеть недосуг было. Теперь вот получилось досуг, пошел в поликлинику.

– Выручайте, доктор, я без глаз, что называется, как без рук, даже еще хуже. Вчера на митинге выступал, стал с помоста спускаться, оступился и прямо головой ударился. Хорошо, что на свежий сугроб попал, не на лед, но все равно, в глазах двоится и сосредоточить взгляд не могу.

– Да-а, голубчик, не бережете вы свои глаза, вместо того, чтоб по митингам бегать, давно надо было специалисту показаться! Сегодня у нас есть замечательная методика, испробованная, подтвержденная. Только я

ее, к сожалению, пока окончательно не освоил. Раньше получали авторскую консультацию, теперь не добраться.

– Уехал куда-то автор ваш?

– Зачем сразу уехал? Во-первых, это была женщина. Смотрит, наверное, на нас сейчас с небес и горюет: помочь уже не может. А раньше никому не отказывала, скольким глаза вернула! Святая душа. Ее методику так и назвали – способ Морштейн, по фамилии автора.

Борис Полищук

Исцеление

1

Мне хочется рассказать о своей первой и, как я теперь понимаю, последней любви. Так и слышу: «Сейчас все иное – быт, нравы, отношения между людьми, даже климат изменился!..» Конечно, быт иной, климат изменился, но остальное...

2

Война закончилась десять лет назад, на кладбище за нашим домом возвышались холмики с фанерными обелисками и пятиконечными звездами, но ямы-воронки уже давно служили пристанищем для парочек. Какой-нибудь солдат или офицер со своей женщиной спрыгивали в воронку, женщина стелила предусмотрительно взятое с собой одеяло, или он раскладывал плащ-палатку. Соседство могильных холмиков не смущало их. Не смущало оно и меня – я подглядывал за парой, прячась в кустах.

Однажды мама застала меня за постыдным (так считалось) занятием. Не знаю, кто больше смутился, я или она. Мама произнесла речь, смысл которой сводился к тому, что не надо сосредотачиваться *на этом*, не надо торопить события, все случится само собой. Я же был убежден, что каждое событие должно быть подготовлено. Мне не терпелось потянуть невинность.

Сверстницы меня не привлекали. Стоило мне покрепче обнять девочку, как она кричала: «Убери руки, обижаться буду!» Мои действия, по видимому, оскорбляли их, «обижаться буду» я воспринимал всерьез. Я решил, что с этими девочками можно говорить о кино и книгах, можно пройтись по Ленинской, центральной улице нашей Винницы, но для того, для *главного*, они не пригодны.

Однажды я встретил знакомых пацанов, ведущих на кладбище известную в городе своей доступностью женщину Аллу. Одета она была ярко, но грязновато, лицо имела испитое, ноги ставила в раскорячку и на ходу слегка подпрыгивала. Пацаны пригласили меня «отодрать Аллу в

смычок» за умеренную плату в один рубль. Имелся в виду не тот смычок, которым играют на скрипке, подразумевалась смычка участников действия. Я присоединился к компании. Привели Аллу на кладбище, она спустилась в воронку. Очередность мы устанавливали простым способом: тащили сломанные спички, у кого длинней, тот и спрыгивает в воронку. Сидели на траве, попивая самогон, закусывая салом, и курили папиросы «Шахтерские». Когда настала моя очередь, я поднялся и на подрагивающих ногах пошел к воронке, но спрыгнул лихо, зная, что пацаны за мной наблюдают. Я едва не наступил на Аллу – она лежала на коврике, раскинув ноги, мятая серая юбка была задрана, синяя кофта расстегнута на груди. «Много вас там еще?» – спросила она. Не то что желание, даже любопытство пропало. «Подвинься», – попросил я и лег рядом с ней, лицом вниз. «Повернись до меня, хлопец», – сказала Алла и попробовала залезть рукой в мои черные сатиновые шаровары, но я отбросил ее руку и шепнул, не глядя на нее: «Рубль возьми. Полежим пару минут, и все». Радуюсь передышке, она спрятала мой рубль в кошелек, который лежал на траве. Запах от Аллы шел сладковатый и тошнотворный. Через две минуты я выполз из воронки, состояние было такое, как будто меня контузило взрывом. «Отдрал?» – спросил сменщик. Я что-то промычал, говорить не мог. Не дождавшись конца смычки, я отбежал подальше от компании, уперся лбом в старую березу, растущую возле заброшенной могилы, сунул два пальца в рот. Несмотря на свое плачевное состояние, я думал: «Алла – не то. Где мне найти женщину?»

В маленькой Виннице это было не просто, я мечтал перебраться в большой город – родителей не будет под боком, а выбор женщин богатый.

Школу я закончил, директор, который считал меня наглым и испорченным, скрепя сердце вручил мне золотую медаль, и я поехал в Ленинград, который моя мама считала лучшим городом в мире. Приютили меня дальние родственники, о чем скоро горько пожалели.

Мой двоюродный дядя, у которого я остановился, посоветовал мне подать документы в Электротехнический институт. Я предстал перед приемной комиссией этаким франтом. На мне была серо-синяя суконная куртка со сверкающими молниями и штаны, обтягивающие бедра и расклеванные внизу так, что закрывали носки ботинок. Члены комиссии, как

мне показалось, с отвращением осмотрели меня – наверно, инквизиторы так осматривали грешника перед вынесением приговора. Я постарался придать своей физиономии высокомерное выражение, что делал всегда, когда чувствовал к себе неприязнь. Одна из членов комиссии, возвышающаяся над остальными, как пожарная каланча над домами Винницы, меня озадачила вопросом, могу ли я починить электрический звонок. И это после того, как я ответил на трудные вопросы по физике. Я заявил, что чинить звонок мне не приходилось, но, если надо будет, починю. Каланча разразилась речью о провинциалах, у которых медали куплены, физика вызубрена, но руки растут не из того места. Я был уверен, что провалился.

Через день я узнал, что зачислен. По такому случаю я наведалься в забегаловку, там познакомился с каким-то пареньком сомнительного вида, мы начали с мирной беседы, а закончили дракой. К родственникам я вернулся ночью и привел их в ужас заплетающейся речью и «фонарем» под глазом. Утром родственники поздравили меня с поступлением и настоятельно попросили переселиться в общежитие.

Однако общежития мне не дали, сославшись на отсутствие мест. В Малковом переулке, где было подобие квартирной биржи, я нашел старушку, из тех, кого называют божьими одуванчиками, снял у нее «угол».

Моей хозяйке принадлежала одна комната в маленькой коммунальной квартире, во второй комнате обитали соседи – старик с дочерью. Кровать хозяйки стояла рядом с диваном жильца. Это меня не смутило, потому что в родном городе мы всей семьей спали в одной комнате, отец с матерью – на широкой двуспальной кровати, на узкой кровати – я. Бывало, я просыпался ночью от прерывистого дыхания родителей и думал: «Ладно, я испорченный, но неужели и они?..»

Соседке по коммунальной квартире было лет сорок, она вскрикивала по ночам – я объяснил это ее темпераментом. Это была бледная, с темными, как грозовые тучи, глазищами женщина. Подружиться с ней и с ее отцом мне не удалось. Они были блокадниками и презирали мою хозяйку за то, что она провела войну в псковской деревне, не болела цингой и не видела тех ужасов, что повидали они. За стенкой соседи громко рассуждали о кулацкой сволочи, которая убежала из города в трудный момент, а теперь вернулась и спекулирует жилплощадью. Доставалось и мне,

соседка кричала за стеной: «Топают ногами, как слон! Радио включает! Никаких нервов на эту сволочь не хватает!» Старик вставал с кровати редко, но когда мы встречались в коридоре, он – согнутый, в рваном халате, опирающийся на палку – обжигал меня таким взглядом, что мне жутковато становилось.

Скоро я догадался, что глаза у соседки не страстные, а истеричные. Лишь однажды я вызвал у нее сочувствие, когда в начале зимы подхватил воспаление легких. Хозяйка уехала в деревню, ухаживать за мной было некому. Слабым голосом (температура сорок) я попросил соседку купить молока и хлеба. Она согласилась. На следующий день принесла мне куриный бульон. Мое одиночество и жар болезни растопили ее ненависть, но ненадолго, уже через неделю, когда температура спала, я получил упрек, что, мол, тебе добро делаешь, а ты, дрянь такая, дверь не можешь прикрыть тихо. Я решил держаться подальше от этой особы.

Лекции в институте отнимали не все время, его излишки я заполнял поисками сговорчивой женщины. Среди столовских официанток и продавщиц гастрономов я таковую не нашел и переключился на тех, кто был рядом. В читальном зале со мной сидела Нонна – стройная очкастенькая землячка, я помогал ей решать задачи по математике. Как-то пошел провожать ее, завел в парадное с большим окном, усадил на широкий подоконник, и мы стали целоваться. Нонна сняла очки, близорукие ее глаза мне показались просящими. Чего она просит, я не понял, задрал ей юбку. Девушка вскрикнула, отбросила мою руку и прыгнула с подоконника. Больше мы с землячкой не ходили не только в парадное, но и в читальный зал.

Со стилигой Луизой я познакомился в гостях у сокурсника. Она показалась мне вполне доступной – юбка выше колен, короткая стрижка, курит болгарские сигареты «Шипка». Я привел ее на студенческий вечер. Мой приятель Арсен Варганян спросил шепотом: «Отодрал?» Но Луиза была еще менее сговорчивой, чем Нонна. Я только неприятностей нажил: увидев меня на вечере со стилигой, женская половина группы устроила мне бойкот.

Одиноким, бездомным, измученным похотью, я себя неуютно чувствовал в Ленинграде.

На каникулы я поехал в Винницу. В поезде познакомился с девушкой. Ее звали Милой. Полное имя было Тамила, я обыгрывал его: та Мила! Она смеялась, что было удивительно, обычно девушки серьезно относятся к своим именам. Я узнал, что она учится в ленинградском пединституте, что родители ее умерли, она воспитывалась в семье отцовского друга. Она полька, но записана в паспорте русской и фамилию носит приемного отца. Ее родиной был город Чуднов. Ударение в названии города она ставила на втором слоге – Чудно́в, а я на первом – Чу́днов, потому что произошло чудо. Вагон, так называемый общий, забит людьми, кому повезло, спит на средней полке, на верхних полках лежат чемоданы, но и туда, скрючившись, пробрались люди, внизу дремлют сидя. Мы с Милой облюбовали тамбур и там простояли всю ночь. У нее были каштановые, крупно выющиеся волосы, зеленые глаза под черными бровями и едва заметный пушок над верхней губой. Эти темные усики и зеленые глаза я целовал в тамбуре. Я подносил к губам Милены руки – хрупкие запястья, узкие ладони, длинные пальцы с выпуклыми ногтями. Маникюр на ее пальцах был темно-бордового цвета и намекал на свободу взглядов. Холод выгонял нас из тамбура, мы возвращались в вагон, садились, каждый на свое место, и минут десять я терпел разлуку, потом вставал, шел к Миле. Подняв с плеч и накинув на голову белый пуховый платок, в легком темно-сером демисезонном пальто, она торопилась за мной, наклоняясь под свисающими с полок ступнями. В вагоне духота, запах пота, клюющие носом на нижних и храпящие на средних полках пассажиры, а в тамбуре – стук колес, всполохи огня на покрытом наледью стекле, пар от нашего дыхания. Зеленые глаза смотрят на меня, приоткрывается чувственный рот и вбирает мои губы – такого наслаждения я еще не испытывал!

Утром из тамбура нас вытеснили курильщики, мы с Милой разошлись, я погрузился в дрему. Разбудил меня страх: Мила сошла в Чуднове, не оставив адреса. Я ринулся к ней и возликовал – сидит там, где сидела! Она на меня спокойно взглянула, как на попутчика, а я ожидал особого многозначительного взгляда.

– Через пятнадцать минут выхожу, – сказала она.

Я протянул ей обрывок газеты и ручку, она написала номер телефона – цепочку цифр, которая должна нас связать. Я вынес ее чемодан на платформу, Мила помахала рукой и ушла, не дожидаясь, когда тронется поезд.

Остаток дороги я думал о ней, о том, как приведу ее на институтский вечер, Арсен Вартамян покажет большой палец и восхищенно прицокнет языком. Мы с Милой поедем в общежитие, Арсен уступит нам свою комнату, а сам переночует у молодой комендантши. Ах, эти сладостные картины! Отчий дом близко, предстоит встреча с родителями, а я о них и не вспоминаю.

Мама встретила меня как героя: ее сын не только поступил без блата в ленинградский институт, но и сдал сессию на отлично! Странно устроены наши матери. Во время войны мама увезла меня в Омск, спасла от голода, вытащила из болезней, и все одна, отец был на фронте, но все это ей казалось чем-то будничным. А вот то, что я поступил в столичный вуз, расценивалось ею как нечто героическое. Мама вывела меня на Ленинскую улицу, встречным говорила: «Это – Саша. Узнаете? Учится в ленинградском институте! Отличник!» Меня это раздражало, я уклонялся от выхода с мамой в свет.

Однажды я подслушал разговор родителей, мама жаловалась, что я скрытен. «О чем он все время думает?» – спросила она отца. Отец проницательно ответил: «О бабах». Впрочем, он был неправ, я думал только о Миле, вспоминал ее горячее дыхание, ее податливое тело, ее напевный голос: «Какой ты... Какой ты... Сашенька!..» Я даже подумывал, не нагрязнать ли в город Чуднов? Но в качестве кого – сокурсника, случайного знакомого? Только не жениха! Женитьба представлялась мне, самолюбивому юнцу, чем-то вроде плотины, встающей поперек многообещающей жизни.

В поезде Мила дала мне свой адрес. Я решил написать ей письмо. Незадолго до этого, памятуя о своем конфузе при поступлении в институт, дома я разобрал и собрал электрический звонок. Возникло сравнение: подобно стерженьку звонка, писал я, под воздействием твоего, Мила, магнитного поля я тянусь к тебе, со звоном ударяюсь о металлическую преграду, пружина возвращает меня к повседневной жизни, я снова тянусь и снова ударяюсь о преграду, душа звенит так, что в Чуднове должно быть

слышно. Словом, в огороде бузина, а в Киеве дядька. Но, может, и надо так писать любовные письма, словно ты помешался. Я предложил Миле встретиться в Киеве, расписал, как мы будем гулять по бульварам, как остановимся под каштаном, я уберу завитки волос с ее щек и буду целовать щеки и завитки. Знакомых в Киеве я не имел, в гостиницу попасть было невозможно, но это меня не смущало, я был уверен, что найду, где переночевать.

Маму сердила моя замкнутость, приятелей обижало, что я их избегаю, не иначе как зазнался. Я скучал, бездельничал, томился. Ответа на письмо не получил и решил возвратиться в Ленинград – вдруг Мила уже приехала и ждет меня.

Прямо с Витебского вокзала я позвонил ей и, когда услышал монотонные гудки, меня бросило в пот: неужели она дала неверный номер! Неужели цепочка, связывающая нас, порвалась? Я сел в троллейбус («девятка» тогда ходила от Витебского вокзала на Петроградскую сторону), плечом привалился к окну. Дворцовая площадь, набережная Невы, Стрелка Васильевского острова – красиво, но удовольствия не доставляет никакого.

Открываю дверь своей квартиры. Запах сырости и лекарств. Хозяйка лежит в кровати под ватным одеялом. Пошел на кухню, вскипятил чайник. Смотрю в окно на облупленную стену дома напротив и потягиваю из кружки чай. По коридору шаркает сосед, согнулся, опираясь на палку, меня не замечает. В уборной он громко защелкнул задвижку, будто боялся, что я к нему вломлюсь. Я взял чайник и ушел в комнату.

– Поспи с дороги, – посоветовала хозяйка.

То ли она не предполагала во мне других желаний, кроме тех, что были доступны ей самой, то ли деликатно просила не мешать ее сну.

– Пойду в институт, – решил я.

В институте узнал, что занятия начнутся только через три дня. Вышел на улицу. По дороге в столовую не смог пройти мимо телефонного автомата, сунул монету в щель и услышал характерный щелчок – монета провалилась.

– Алло?

– Это Саша! Твой новый знакомый!

– Когда приехал?

– Сегодня. А ты?

– И я сегодня.

Мы приехали одним поездом, но не встретились на вокзале – так было угодно судьбе.

– Получила письмо?

– Да.

– Почему не ответила?

Мила, помолчав, спросила:

– А ты где?

– В институте.

– Приезжай.

Она жила на Среднем проспекте Васильевского острова, в семиэтажном, облицованном желтой плиткой доме, я взлетел на третий этаж, вдавил одну из пяти кнопок и подумал: жильцов много, но время рабочее, в квартире сейчас никого не должно быть. Сердце колотилось, чугунные перила лестницы резонировали так, что мне казалось, весь Васильевский остров слышит.

Восторг охватил меня, когда я увидел Милу – в синей вязаной кофточке и черной юбке она стояла на пороге. Приподнявшись на носках, она обняла меня. Какие-то фильмы и книги подсказывали, что надо внести Милу в комнату, я взял ее на руки, но она попросила: «Поставь», и это было разумно, потому что я чуть не уронил ее, наткнувшись на какой-то предмет в темном коридоре.

Ее комната была больше той, в которой я жил. Два окна выходили на Средний проспект. Звон трамваев, гудки машин напоминали, что мы не в провинции, а в Ленинграде. Посреди комнаты стояли два чемодана с женской одеждой и стопка книг, перетянутая веревкой.

– Переезжаю, – объяснила Мила. – Подруга сняла комнату, мы будем с ней жить на Большой Пушкинской.

Я вызвался помочь ей с переездом, но она отказалась от моих услуг, села ко мне на колени, и мы стали целоваться. В промежутке между поцелуями я узнал, что мое письмо ей понравилось, она поняла, как устроен звонок. Я счел нужным уточнить:

– Это сравнение.

– Замечательное сравнение!.. В Киев я не могла поехать. Не ответила тебе на письмо, чтобы ты поскорей вернулся в Ленинград.

Деревянный стул с высокой спинкой, на котором мы сидели, нам скоро стал неудобен, я отнес Милу на кровать и попробовал раздеть.

– Я сама. Не смотри.

Она осталась в синей кофточке поверх белой рубашки, положила на покрывало какую-то тряпку, а на нее – полотняную кремовую штору. Легла.

– Ты когда-нибудь *это* делал? – спросила она шепотом.

– Нет.

Все оказалось легче, чем я думал. Когда Мила встала, на кремовой шторе остались следы крови. Она долго отсутствовала, и я подумал: жалеем о том, что уступила мне. Вернувшись, она села на край кровати.

– Я тебе противен? – спросил я.

– Сашенька! – Она наклонилась, и я увидел, что она смеется.

Я прижал Милу к себе. И теперь наши тела долго-долго не расставались.

– Надо вставать, – наконец сказала она. – Завтра увидимся.

Я подумал: какое счастье, что моей первой женщиной не стала винницкая вонючая Алла! Я взял обе Милины руки, припал к ним и, царапая губы, стал целовать каждый длинный, выпуклый ноготь.

– Саша... Сашка, – повторяла она.

– Я в тебя – по уши! – сказал я.

– А я в тебя! – ответила Мила.

Я поднял ее и стал кружиться по комнате.

– Мила из Чуднова! Мила из Чуднова! – повторял я.

4

Многие люди захотели нас разлучить, и первая из них была Милина подруга Зина – крупная, ширококостная, туфли сорок второго размера, платья пятьдесят второго. Эта Зина меня с первого взгляда возненавидела. Красивые женщины часто выбирают себе уродливых подруг, как умные начальники берут в замы дураков – для контраста. Впрочем, Мила

искренне считала Зину отзывчивой, работающей и еще много добродетелей приписывала ей, с моей точки зрения, совершенно незаслуженно. Эта Зина меня встречала брезгливой улыбкой, как нечто неприличное. Вероятно, она догадывалась, чем мы занимаемся, когда поздним вечером или ночью уходим гулять в парк. Зима стояла не очень холодная, с частыми оттепелями, я садился на скамейку, а Мила ко мне на колени, и мы предавались любви. А то и в теплом парадном, на подоконнике. Или в общежитии, в комнате Арсена. Снять «хату», как это тогда называлось, у меня не было денег. К нашей радости, Зина уехала к родным на четыре дня и три ночи.

Впервые я раздевался в присутствии женщины, раздеть себя Мила не позволяла, я только слышал шорох, шуршание, шелест снимаемой женской одежды. Впервые вдвоем с женщиной я погружался в дрему, а просыпаясь, чувствовал Милино дыхание у себя на плече и ждал, когда она, не открывая глаз, скажет: «С добрым утром, Сашенька!..» Ее тело было гораздо совершеннее моего. У меня плечи широкие, но ключица костистая, шерсть на груди, ноги тонковаты. У нее – ноги точеные, с узкими щиколотками и широкими бедрами, покатые плечи и спелая грудь!..

Мила вызывала у парней жадный интерес, на улице, стоило мне отойти, возле нее вырастал, как гриб после дождя, парень. Однажды, когда я попробовал прогнать нахала, он полез в драку, Мила начала кричать, набежали прохожие, разняли нас. о это что, к дракам я привык, из-за Милы мне случалось терпеть унижения. Помню, как в один из трех дней Зинино отсутствия я привел ее в столовую «Белая ночь» на Кировском проспекте, усадил за столик, а сам побежал в туалет. В Милиной коммунальной квартире, чтобы не мозолить глаза соседям, я не высовывался из комнаты, поздно вечером имитировал уход, после чего Мила потихоньку открывала дверь, и мы крались обратно, в ее комнату. Столовая «Белая ночь» была продолжением Милиной квартиры, я умывался там. Выхожу из туалета, меня подзывают парни, человек пять, просят познакомиться их с Милой, я отвечаю отказом, тогда они берут меня под руки и выводят на улицу. Я вырвался, нырнул обратно в столовую. Нам с Милой пришлось ждать, пока парни уйдут.

Но все это были мелочи в сравнении с тем, чем Мила меня одарила. Она избавила меня от похоти и одиночества. В Ленинграде я себя

почувствовал гораздо более уверенно. Я подружился со студентами – коренными петербуржцами – и срочно сменил провинциальный имидж на столичный. На полученные за ночную разгрузку вагонов деньги я купил у чешских студентов твидовый пиджак и туфли на микропоре, в ателье заказал брюки. Кок на моей голове не получился, я сделал пробор. Я настоял, чтобы и Мила преобразилась. Она распустила каштановые волосы до плеч, сшила серый сарафан с разрезами по бокам, я ей подарил зеленый шерстяной свитер, под цвет глаз. В новом наряде она была необыкновенно хороша, но как будто стеснялась этого, сарафан со свитером надевала редко.

Первая размолвка произошла накануне танцевального вечера в нашем институте. Я ждал Милу в столовой «Белая ночь». Во внутреннем кармане моего твидового пиджака лежала повышенная стипендия, я мог себе кое-что позволить. Мне хотелось, чтобы Мила выпила вина, развеселилась и на вечере сразила наповал моих приятелей-ленинградцев.

Но вот встречаю ее у входа в столовую и вижу, что она не надела сарафан и не распустила волосы, нарядилась в синюю кофточку и черную юбку, волосы уложила на затылке в узел – этакая учителька. От вина отказалась, я с трудом уговорил ее поесть. Вдруг Мила заявляет, что на вечер не пойдет. Вопрос «почему?» я повторял с нарастающим раздражением, ее ответ «не хочу» звучал все упрямей. В институт я пошел один. «Где твоя чувиха?» – спросил Арсен. Я соврал, что она заболела.

Вторая размолвка была серьезней. Мила была приглашена в компанию студентов Кораблестроительного института. Конечно, корабли хотели видеть ее одну, но она пришла, что называется, со своим самоваром, то есть со мной – это было чревато неприятностями. Я заметил, что коротко стриженный парень с квадратным подбородком, по виду боксера-тяжеловеса, не сводит с Милы глаз. Когда мы с ней танцевали, он отворачивался, чтобы не видеть, как она прижимается ко мне и обвивает мою шею руками. «Смотри, смотри», – думал я.

Скоро ребята погасили свет и, кто парами, кто в одиночку, разбрелись по койкам.

Было это в общежитии, коек в комнате стояло пять или шесть. Зина уложила своего пьяного друга, и сама легла с ним, благо, этот друг,

Игорем его звали, был тощим, места мало занимал. Одна из коек начала скрипеть, и, чтобы заглушить этот звук, ребята оживленно заговорили. Мы с Милой лежали под одеялом, я в рубашке и брюках, она в сарафане и свитере. Она взяла мою руку и положила себе на бедро. Объяснять этот жест мне не надо было. Мила что-то говорит, голос становится напряженным, сдавленно охнув, она замолкает. Я почти сразу проваливаюсь в сон. Разбудил меня незнакомый голос.

– Был бы человек, а то ведь хлыщ, – услышал я. – Себя очень любит. Он не женится на тебе.

– Не твое дело! – тихо, чтобы меня не разбудить, прошептала Мила.

Приподняв веко, я увидел, что возле нашей койки навис тот самый боксер. Встать я не мог, брюки были спущены, даже ответить не мог – вдруг он сдернет с меня одеяло? Как только он отошел, я поспешно натянул брюки и вскочил.

– Это кто здесь выступает? – грозно спросил я.

– Ну, я, – ответил тяжеловес, и в глазах его я увидел нетерпеливое и радостное предвкушение драки.

Я понимал, что мой единственный шанс – ударить первым, сбить с ног боксера, но то ли трусость мешала, то ли для удара нужны были более веские основания.

– Выйдем на улицу, – предложил он.

Мила спрыгнула с кровати и закрыла меня собой.

– Никуда не пойдешь!..

Боксер резко повернулся к нам спиной и распахнул дверь ударом кулака. Он пощадил удачливого соперника, как Сильвио из повести Пушкина.

Комната общежития после гульбы показалась мне отвратительной: стол заставлен обедками и пустыми бутылками, грязный пол в окурках, Игорь храпит в койке, заспанная Зина свесила ступни и расчесывает волосы. Я поскорей вывел Милу на улицу.

Был второй день майских праздников. Красные флаги, красные транспаранты, портреты вождей – такое украшение улиц обычно оставляло меня равнодушным, но в тот день стало мне хорошо, может быть,

потому, что ушел от корабелов непобитым и с Милой. Я схватил ее за плечи.

– Первое мая, – говорю, – праздник солидарности трудящихся, а Второе мая – праздник нашей с тобой солидарности!

Я думал, моя радость передастся ей, но услышал отчужденный голос:

– Саша, я не могу так... Мы с Зиной переедем... Ты меня не ищи!

Я не успел ответить. Бесшумно, как олень в сказке, к нам подкрался троллейбус, Мила впрыгнула в него и унеслась.

5

В середине дня я позвонил ей из телефонной будки. «Сейчас», – ответила соседка. Возле будки выстроилась очередь, в стекло стучали; чтобы оправдать свое право на телефон, я громко сказал в молчавшую трубку: «Это ты?..» – и тут же услышал неприветливый голос: «Ее дома нет».

Еще несколько раз я звонил из столовой, и тот же голос отвечал: «Русским языком тебе сказано! Нет дома!» Я чувствовал себя виноватым: Миле пришлось выслушать боксера, я не дал ему должного отпора, надо было, не думая о последствиях, двинуть боксеру в челюсть. Но, в конце концов, могла же и сама Мила прогнать его. И со мной она могла бы объясниться. Что за номера – в самый радостный момент уехала домой, а теперь к телефону не подходит. Надо ее проучить. Вот возьму и устрою себе праздник Второе Мая без нее! Пускай знает, как мной пренебрегать!

Я поехал в общежитие, к Арсену. Пожаловался приятелю на свою чувиху. Арсен запел с грузино-армянским акцентом: «Потерял одну – так пять найдешь!» Сама обстановка общежития подтверждала слова песни: веселые голоса, девчонки носятся, с интересом поглядывают на красавца Арсена, а заодно и на меня.

Свой роман с комендантшей Арсен использовал для получения отдельной комнаты. Вдоль стен стояли пустые бутылки из-под армянского коньяка, над кроватью висели гитара и фотографии родителей Арсена. Уютной была эта комната, но я вспомнил одну из ночей, которую провел здесь с Милой, и ощущение праздника, едва выглянувшее, как солнце на

этикетке армянского коньяка, исчезло.

– Значит, плохо вчера погулял, Санек? Я тоже так себе провел время. Сегодня наверстаем! – утешил меня Арсен. – Надо по-тихому выйти из общаги, чтобы комендантша не заметила! К моему другу Коле поедем, я тебя с шикарными девочками познакомлю! – Арсен потряс в воздухе чемоданчиком. – Подарки для них!

Он открыл чемодан – там лежало женское белье.

– Мой друг Анджей привез из Польши, – объяснил Арсен. – Трусы и комбинации! Дарю тебе парочку, дорогой!..

– Мне?

– Любой девушке подаришь – на шею бросится!..

Он завернул подарок в газету, сунул его в карман моего пиджака.

Взяли такси. Выехали на Средний проспект Васильевского острова. Не в том ли доме, облицованном плиткой, где мы с Милой потеряли невинность, живет Коля? – с тревогой думал я. Слава Богу, машина, миновав этот дом, свернула на Двенадцатую линию.

Девушки нас ждали.

– С праздником, дорогие! – Арсен сгреб всех трех в охапку.

Две отлипли от него, но третья, самая симпатичная, продолжала на моем приятеле висеть. Я подошел к тем, которые не претендовали на Арсена.

– Эльвира, – представилась одна.

– А я Ружена, – сказала вторая. Заметив мое удивление, она пояснила: – У меня папа чех, мама французенка.

Обе захихикали, видимо, не так уж сильно настаивая на своем заграничном происхождении.

Хозяин «хаты» Коля, курносый блондин, при встрече с нами заговорил с кавказским акцентом, видимо, решив придать вечеринке восточный колорит:

– Коньяк принесли? Вай-вай, какой коньяк! Однова живем! Да, Арсен? Да, Сандро?

«Хата» у Коли была роскошная – три комнаты, ковры на полу, картины на стенах. Он дал мне понять, что как хозяин «хаты» имеет право выбрать себе девушку, а я должен довольствоваться остаточным

принципом. Я не внял намеку, пригласил танцевать Ружену, которая была красивой Эльвиры. Девушка предложила мне угадать, кто она по профессии.

– Артистка? – спросил я, чтобы ей польстить.

– Не угадал.

– Балерина?

– У меня фигура как у Дудинской, но я не балерина. В комиссиинке работаю.

Мне ее статус показался настолько высоким, что я уступил ее Коле, а сам уединился с Эльвирой. Та тоже была продавщицей, но в обыкновенном гастрономе. Нам досталась комната с книжными шкафами, дубовым письменным столом и картиной Шишкина на стене. Эльвира завела разговор на волнующую ее тему: почему посетители гастронома готовы убить продавца, недодавшего пятьдесят граммов колбасы, но сами за прилавков не желают встать? Я не нашел ответа на этот сложный вопрос. Она закатила глаза и попросила поцеловать ее. Я отвернулся:

– Понимаешь, у меня есть девчонка...

Я стал рассказывать о Миле. О том, что на институтском вечере хотел показать ее приятелям, как показывал новый пиджак и туфли. Я считал ее мещанкой, но сам вел себя как мещанин. Мила выросла в чужой семье, в чужом доме, она хочет иметь свой дом и свою семью. Искренняя и доверчивая, она полюбила меня. Но я чувствую, что для женитьбы не созрел. Тем не менее, только к ней влечет меня со страшной силой!.. – она изумительная женщина!.. У слушательницы в глазах появилась печаль, она пожаловалась, что никто не испытывает к ней большого влечения. Я заверил ее, что все еще впереди, а пока пускай утешится подарком.

– Это тебе. – Я протянул сверток с нейлоновым бельем.

– Не возьму! – заявила она, однако, развернув сверток, уже не могла устоять.

С легким сердцем я подошел к двери и постучал, не решаясь открыть.

– Входи по одному! – крикнул Арсен.

Я увидел сияющую рожу приятеля, а на его плече – рыжие волосы и румяное лицо девушки, остывающей после близости. Ее легкое

смущение было сродни тому, которое возникает у богачки при виде бедняка.

Быстро одевшись, Арсен увел меня на кухню и озабоченно спросил:

– Что, Санек, динамо?

– Я ухожу.

– Ночью куда пойдешь?! – удивился он.

Хозяин квартиры Коля, услышав голоса, пришлепал на кухню. На вопрос Арсена «как дела?» Коля ответил неопределенно: «Выпить надо!»

– Правильно! – одобрил Арсен. Ему хотелось, чтобы друзьям было так же хорошо, как ему.

– Я пить не буду, – сказал я. – Пойду.

Коля посмотрел на меня с завистью, видимо, оценил преимущество гостя: хозяину не уйти, а гость свободен. Я пошел по Среднему проспекту, через Тучков мост, на Петроградскую сторону. Явиться к Миле в такую рань значило навлечь на нее неприятностей, но ждать я не мог. Только б она была дома!

Я осторожно нажал на кнопку звонка и, щадя жильцов, быстро отдернул руку.

– Кто?

– Я.

Она вышла в сером пальто и пуховом платке.

– Отойдем от двери, – шепнула она.

Мы спустились этажом ниже, сели на подоконник, я стал рассказывать, как ждал ее, как поехал к Арсену, обрисовал его, о девушках-продавщицах.

– Никто мне не нужен, кроме тебя! Мне нужна ты! Только ты! – торопливо говорил я.

Она встала с подоконника, взяла меня за руку и повела к той двери, в которую я только что звонил.

– Сашка!.. Сашенька! – повторяла она. – Как мне с тобой хорошо!..

Ее слова ввели меня в заблуждение. Я не понял, что таким странным образом она прощается со мной.

На следующий день я, что называется, поцеловал замок: Мила съехала, не оставив своего нового адреса. Я направился в общежитие корабелов: Игорь встречается с Зиной, а где Зина, там Мила.

Игорь был из тех людей, которые ничему не удивляются, он встретил меня так, словно я каждый день его навещаю. В гастрономе мы взяли бутылку водки и пошли в ближайшую столовую, которая оказалась диетической. Тощий, со впалыми щеками Игорь мог сойти за язвенника, но оттопыренный карман его выдавал. Выпивать надо было осторожно, потому что дружинники рыскали даже по вегетарианским заведениям. Соблюдая конспирацию, Игорь наполнял стаканы под столом. Он мне признался:

– Ты помог мне Зинку уломать. Я ей сказал: «Милка Сашке дает, а ты, дура, трясешься над своей целиной». И знаешь, подействовало!.. Еще выпьем? Я сбегаю! – Он уже забыл про цель моего визита, пришлось напомнить.

Мила и Зина поселились в Автово, в сталинском доме с колоннами и барельефами, с просторными лестничными площадками, которые служили приютом бездомным. Но в тот день площадки пустовали. Не дожидаясь лифта, я побежал вверх по ступенькам.

Радость вспыхнула в Милиных глазах, когда она меня увидела. Она ввела меня в комнату.

Я сказал, что эта комната с зеркальным шкафом, сервантом и фikusом подходит Зине, но не ей, мы снимем комнату за городом, бросим на пол матрац, вещи развесим по стенам. «Мила, ты окончишь институт, найдешь работу в школе, с пропиской мы что-нибудь придумаем!» – убеждал я ее.

Вошла Зина, и я замолчал. Эта чертова баба положила на стол одеяло и демонстративно взяла с подоконника чугунный утюг. Наконец она вышла, чтобы разогреть утюг на газовой плите, и тогда Мила прошептала:

– Скоро сессия! Сашенька, сдавай экзамены. Поедешь домой, осенью вернешься, и мы решим.

– Нет, мы сейчас решим!

– Сейчас, Саша, уходи! Ну, пожалуйста, я прошу!..

Я поднял ее и понес к шкафу.

– Надевай пальто!..

– Зина войдет!..

Мила надела пальто, накинула платок, мы вышли на лестничную площадку. Я стал рисовать ей картины нашей будущей жизни: работа, друзья, поездки. И вдруг она прильнула ко мне, мы стали целоваться. Я подвел ее к широкому подоконнику, повернул спиной, поднял ее пальто вместе с юбкой и усадил Милу себе на колени, запахнув нас полами моего плаща. Не знаю, чего было больше в ее лице – сладострастия или муки, когда она поворачивала голову и смотрела на меня. Наверно, то, что мы делали, не было грехом, потому что ее лицо становилось все прекрасней. И вдруг перед нами возник Игорь. Видимо, лифт остановился ниже этажом, Игорь поднялся по лестнице.

– Слушай, чувак. Нам с Милой поговорить надо. Отвали, пожалуйста!..

Игорь не усмехнулся, за что я был ему безмерно благодарен, он позвонил в дверь, и, когда она открылась, втиснулся боком, не давая Зине глянуть в нашу сторону.

– Собирайся, – сказал я Миле. – Едем ко мне! Поженимся, будем жить вместе!..

Она исчезла за дверью.

Милы не было десять минут, и двадцать, и полчаса. Я начал закипать: это что такое? Отдалась мне и сбежала? Я ей женитьбу предлагаю, жертвую свободой, а она пренебрегает мной!.. Обида толкнула меня в спину, я побежал вниз по лестнице, повторяя про себя: «Проживу без тебя, Милочка! Как-нибудь проживу!..»

7

Я сдал экзамены и уехал в Винницу. О Миле старался не думать. Но, как и в ранней юности, мне пришлось стыдиться себя – мама меня застала за стиркой простыни. Мила мне снилась, чуть ли не каждую ночь.

Я обратился за помощью к Максиму, он был врачом-хирургом, но и в психиатрии разбирался, изучал Фрейда. Макс жил в Ленинграде, в Винницу приехал к родителям отдохнуть. На пляже, где мы познакомились, я

рассказал ему о своих отношениях с Милой. Макс одобрил мое поведение, сказал, что жениться на Миле ни в коем случае не следует, молод я, вся жизнь впереди. «Вытесни эту женщину из своего подсознания», – советовал он.

Несмотря на лысину в кудрях и намечавшийся живот, Макс пользовался большим успехом у винницких женщин. С одной из своих поклонниц он меня познакомил.

Все ее звали Наталкой, хотя лет ей было за сорок (она говорила, что только недавно стукнуло тридцать два). Наталка заведовала аптекой, имела доступ к импортным кремам и мазям, выглядела молодо, следы увядания были заметны лишь под глазами и на шее. Она была высокой, стройной, смуглой, стриглась под мальчика, руки были худые, с длинными пальцами, без маникюра. Наталке нравилось, что я молод, живу в большом городе, модно одеваюсь, остальное ей было безразлично, она не имела никаких видов на меня. Жила она в небольшой квартире, состоящей из кухни и комнаты. Напротив кровати висело зеркало, к которому я не мог привыкнуть, просил, чтоб Наталка его закрывала шалью. Она смеялась надо мной, называла ханжой. Ее дом стоял на высоком берегу Буга. После свидания я спускался к реке, пользуясь темнотой, раздевался догола и нырял в теплую, тронутую ряской воду. Я плыл до середины реки, переворачивался на спину и смотрел в небо. Отыскивал те немногочисленные созвездия, которые знал. Вода как бы очищала меня, и я начинал думать о Миле – где она, что с ней?.. Я говорил себе, что нельзя о Миле вспоминать, Наталка – как раз то, что мне сейчас нужно, чтобы исцелиться от любви к Миле. Быстрым кролем я возвращался к берегу, кое-как вытирался майкой, натягивал трусы, брюки и рубашку и бежал домой. Мама меня ждала. Она удивлялась мокрой майке и отчитывала за позднее купание. «Я беспокоюсь, а ты плаваешь по ночам», – говорила мама и неизменно спрашивала: – «Ты один плаваешь?» Я врал, что нас целая компания во главе с кандидатом медицинских наук.

Летний отдых шел своим чередом, мы играли в волейбол и в карты, плавали, я выслушивал наставления Макса, но думал о Миле. Я хотел коснуться ее пальцев, ее покатога плеча, поцеловать ее в губы, но рядом лежала Наталка.

Макс внушал мне, что важны не только сами встречи с женщиной, важно и то, что остается после встреч. Он сравнивал это с ощущением, которое остается после сна. Самое лучшее, вещал он, когда ты не помнишь, что снилось, но, проснувшись, чувствуешь себя освеженным – так должно быть и после свидания. Я с ним соглашался, но думал: он хирург, кандидат наук, делает сложные операции, погружен с головой в работу, которая дает ему разнообразные ощущения, он забывает своих женщин, а я всего лишь студент, не мудрено, что мысли о Миле полностью завладели мной.

Я стал избегать встреч с Наталкой. Ее квартира, с зеркалом, покрытым шалью, казалась мне траурной, как будто здесь кто-то умер.

По приезде в Ленинград в первый же день я помчался в Автово. «Не могу без тебя! – скажу я Миле. – Ты моя половина! Никакая другая половина мне просто не подойдет!..» Она кинется мне на шею: «Сашенька! Саша!..»

– Мила вышла замуж, – сообщила мне Зина, мстительно улыбаясь.

Я отодвинул ее, вошел в коридор, потом в комнату – Милы не было.

– Нахал! – кричала Зина, идя за мной. – Куда прешься?

Я схватил ее за плечи:

– Где Мила?

– Во-первых, она не хочет тебя видеть! Во-вторых, ее муж – боксер! Он тебя изувечит, если появишься! В-третьих, они скоро уезжают!..

– Говори, где Мила, пока я тебя не изувечил!

– Вон отсюда! – закричала Зина. – Попил крови у Милочки – хватит!..

Я снова обратился к Игорю, он по-прежнему жил в общежитии. Игорь сообщил, что Мила снимает комнату в Горелове, под Ленинградом, собирается в дорогу, муж-корабел получил направление в Николаев.

– Институт она закончила, самое время замуж выйти.

– За кого она? – спросил я угрюмо.

– Первого мая он с нами был. Говорят, ты на него попер, я не видел, спал. Мила его не любит. Думаю, будет гулять от него. Она же такая – ой-ой! Я ведь женюсь на Зинке, потому что загуляет... Из Корабелки

меня отчислили, я до армии хочу жениться. У меня бабка в Ленинграде, согласилась нас прописать. Зинка будет ухаживать за бабкой и меня ждать.

Я говорил себе, что еду в Горелово прощаться с Милой, но надеялся, что, увидев друг друга, мы уже не разлучимся.

Вести себя надо было осмотрительно, чтобы не навредить ей. Я отправил записку с почтальоном – местным пацаном. Я написал: «Если ты счастлива, попрощаемся, и я уйду. Если нет, уйдем вместе. Я тебя люблю». Я сидел на пенке, курил папиросу за папиросой в ожидании ответа. Черные заборы, злобный лай собак, тетка в сапогах шлепает по лужам – все предвещало неудачу. Не придет Мила, не поверит, что я готов взять на себя ответственность за нее. Но может, все-таки придет?..

Прибегает гонец, протягивает ответ. Неразборчивым почерком на листе в клетку написано: «Саша, мы уже попрощались». Подписи нет.

8

После окончания института меня оставили работать на кафедре. Я готовился к защите диссертации.

Это может показаться смешным, но так случилось, что я женился на своей землячке Нонне, той самой, очкастой, которой я неосмотрительно задрал юбку в парадном. Жизнь в Ленинграде ее преобразила, она приделалась, обзавелась очками в модной оправе, купленной у фарцовщиков. Мы столкнулись в Виннице, на центральной улице, обрадовались друг другу. Нонна объяснила мне, что тогда, в парадном, я мог увидеть ее отвратительное белье – серую полотняную рубашку и синее трико, этого она испугалась гораздо больше того, о чем я подумал.

– Дикими мы были – и ты, и я, – сказала Нонна.

Я женился на разумной Нонне. Она серьезно относилась к моей работе и легко прощала мне неверность. Одно требование выдвинула: «Я ничего не должна знать».

Однажды на Невском я встретил Игоря. Он мне рассказал, что вернулся из армии, Зина его дождалась.

– Жалко мне ее, – сказал Игорь. – А то бы я ее бросил, как Милка своего боксера.

– Милочка развелась?

– У нее в Николаеве трагедия с комедией вышла. Она мужа долго к себе не допускала, но, конечно, он взял свое. Она родила и через год развелась. Написала Зинке, что уехала в Чуднов, к родне.

– В Чуднов, – поправил я. – Мила и сейчас там?

– Нет, подалась в Мурманск. Одна или с кем-то, я без понятия.

Разыщи ее.

– Чего уж теперь...

– Наладил свою жизнь? – спросил Игорь.

– Худо-бедно наладил, – сказал я.

– И я худо-бедно наладил, – усмехнулся он. – Зачем мы налаживаем ее худо-бедно?..

Ответа на этот вопрос я не нашел.

Марина Симкина

Доброе слово

Доброе утро!

Красавица с грудкою из перламутра

При встрече кивала всем:

«Доброе утро!» –

На доброе слово не жалко минутки,

Хоть нужно куда-то спешить

Нашей утке.

Хорошего дня!

Знакомый гуляет с весёлым щенком.

Я мимо бегу со своим рюкзаком.

Мне скажет щенок, обгоняя меня:

«Я лаю-желаю хорошего дня!»

Привет!

Пряатель при встрече мне бросил: «Привет!»

Он рад меня видеть, сомнения нет!

Мне было приятно... А станет и вам –

Я вам улыбнусь и привет передам.

Спасибо!

Хоть очень приятно

кататься на маме,

Из сада я вышел – своими ногами.

Мне мама сказала: «Большое спасибо!»

А вы пожалуйть свою маму смогли бы?

Счастливого пути!

«Счастливого, – мама сказала, – пути!»

И правда, счастливей пути не найти.

Я очень доволен, я счастлив, я рад:

Мы с папой к зверюшкам идем – в зоосад!

До свидания!

Мы вместе играли

на детской площадке –

В принцессу, в дракона,

и в мяч, и в лошадки.

Но вот объявили родители нам,

Что поздно и нужно идти по домам.

Мы скоро увидимся – знаем заранее,

Но всё-таки будем скучать до свидания.

Добрый вечер!

Сосед улыбнётся улыбкою ясной –

Спрошу я: «Как жизнь?» –

Он ответит: «Прекрасна!

А ваша?» –

«Чудесна!» – соседу отвечу.

Вот так и начнётся у нас
добрый вечер.

Приятного аппетита!

Для милого Мишки –
любимой игрушки,

Я из пластилина

готовлю ватрушки,

Чтоб Мишка на ужин

наелся досыта:

«Приятного, Мишка, тебе аппетита!»

Спокойной ночи!

Вот ёжик – он ночью гуляет, топочет,

Сова ночью книжки
читает – хохочет.

Пусть делает каждый, что любит и хочет,
Лишь нам не мешает –
спокойной нам ночи!
Мы дома, вокруг нас уют и покой...
Желанье задумай – и глазки закрой.

Леонид Диневич

Радар

Орнитологический радар (радиолокатор для отслеживания стай птиц) – новый объект научного наследия репатриантов из СССР в Израиле. 16 августа 2022 года на совещании в Латруне было принято решение разместить табличку Совета по охране памятников, на которой описывается история привезенного в Израиль российского радара, который помог резко уменьшить число аварий от столкновений самолетов с птицами.

Это решение еще раз подчеркивает ценность вклада еврейских иммигрантов из России в науку Израиля и реализацию в стране жизненно важные для Израиля изобретений и технологий.

Орнитологический радар в Латруне

23-го августа 2022 года состоялась встреча, в которой приняли участие генеральный директор «Яд Лашарион» в Латруне бригадный генерал (в отставке) Ханан Бернштейн, председатель Совета по сохранению объектов наследия генерал (в отставке) Ури Ор, генеральный директор Совета по охране памятников Омри Шальмон, директор Центрального округа Совета Ицик Швицкий, профессор Тель-Авивского университета Йоси Лешем, директор Общества охраны природы Гай Слай и я, Леонид Диневич, генерал гидрометеорологической службы Молдавии, инициатор создания этого орнитологического радиолокатора в Израиле. .

Российский радар, установленный на территории «Яд Лашарион»

(музея бронетанковых сил) с 1995 года, был доставлен туда мною, русским генералом гидрометеорологической службы доктором Леонидом Диневичем, вскоре после моего прибытия из России в 1991 году.

Радар был переоборудован из метеорологического аналогового в орнитологический дигитальный (то есть цифровой) и до 2018 года обеспечивал военную авиацию круглосуточными данными о миграции птиц над Израильской долиной, главным образом – в районах базы Хацерим и других аэродромов. Это в значительной степени способствовало повышению безопасности полетов ВВС Израиля.

Орнитологический радар спасал не только летчиков, боевые и гражданские самолеты, но и самих птиц от столкновения с самолетами и гибели.

Когда я вышел на пенсию, радар был выведен из эксплуатации, вместо него ВВС Израиля приобрели и стали использовать новые радиолокаторы, но основные принципы обработки и представления орнитологической информации перешли по наследству от того, первого радара, который сейчас стоит как памятник научному подвигу в музее в Латруне.

Награждение в Тель-Авивском университете в 2018 году

На фотографии – сцена награждения меня и моих коллег премией от имени Тель-Авивского университета, Общества охраны природы, военной авиации Израиля и семей летчиков, погибших при столкновении их самолетов с птицами (награждение состоялось в театральном корпусе университета).

«Наряду с множеством очень значимых наград, полученных мною за годы жизни, эта награда была самой трогательной. Генералы армии Израиля, мама и семья летчика в торжественной обстановке в присутствии более тысячи участников благодарили меня за разработку технологии предотвращения столкновения воздушных судов с птицами».

Активное участие в этой работе вместе со мной на каждом этапе принимали проф. Йоси Лешем, мой брат Владимир Диневиц, Александр Капитанников, Валерий Гаранин, Олег Сикора, Марк Пинский, Дмитрий Штивельман, Олег Портной. Всех их я благодарю за дружную работу.

Из постановления о награждении меня за достижения в науке и общественной жизни высшей наградой Израиля для репатриантов от имени министерства интеграции и министерства обороны, которое состоялось в главном театральном зале страны – «Габима», в 2019 году:

Доктор Леонид Диневиц, ученый в области гидрометеорологии, репатрировался в Израиль из Молдавии в 1991-ом году. Он работал в Тель-Авивском университете и занимался разработкой алгоритмов и методов распознавания радиозхв птниц для обеспечения безопасности полетов боевой авиации. Был признан ученым международного уровня, организует множество конференций, возглавляет форум ученых-репатриантов.

Доктор Леонид Диневиц – ученый, под руководством которого была разработана радиолокационная система обеспечения безопасности полетов боевой авиации.

Система обладает экстраординарными прикладными возможностями, позволившими добиться снижения числа летных происшествий на 47%, она сэкономила республиканскому бюджету около 1,5 миллиарда долларов.

Птицы в ночном небе Израиля

Символ Молдавии – аист, моя любимая птица, и так получается, что пути сезонной миграции аистов пролегают как раз по территории Израиля, в области действия наших орнитологических радаров, которые и сегодня оберегают жизни летчиков и птиц в небе Израиля.

Маргарита Шпунтова, Александр Шпунтов
Бумажные шедевры из собрания Черниговского
исторического музея: попытка осмысления
и реконструкции

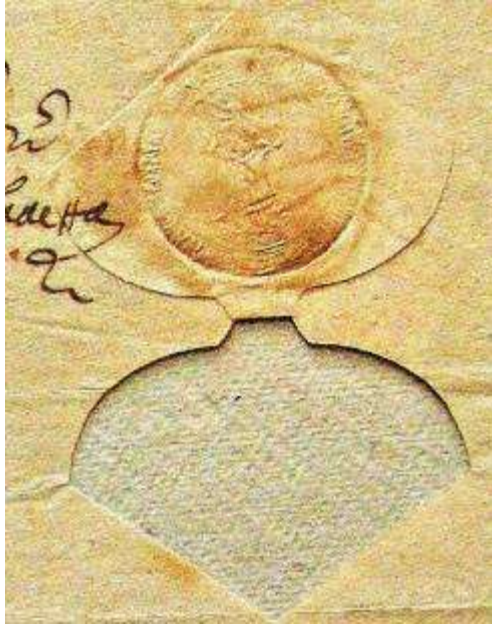
В собрании Черниговского исторического музея находятся вырезанные из бумаги ажурные *кустодии* XVIII в., большая часть из которых была опубликована И. М. Сытым, сотрудником этого музея¹. Преимущественно на основе его работы, с привлечением иллюстраций из его книги и построен доклад. Очень много и подробно сказано об истории и традициях вырезания из бумаги (в том числе о кустодиях) у С. Л. Яворской².

Но прежде всего, учитывая специфику темы, необходимо объяснить отдельные ключевые понятия, которые могут вызвать вопросы.

Термин **кустодия** – от лат. *охрана* – означает на практике простой листок бумаги (иногда просто отогнутый, иногда – и что для нас интересно – художественно вырезанный), которым накрывался размягченный воск на документе. В простейшем случае бумажная кустодия имела форму прямоугольника, квадрата, ромба, овала. В XVII в. часто использовался такой прием: на последнем листе документа делался вырез в виде треугольника или трапеции, после чего вырезанная часть отгибалась вверх, в сторону, под нее клали воск и придавливали штемпелем (ил. 1).

¹ Мы выражаем глубокую признательность Игорю Михайловичу Сытому, старшему научному сотруднику Черниговского областного исторического музея им. В. В. Тарновского за предоставленный материал. С его любезного разрешения использованы иллюстрации из книги *Ситий І. Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть*. К.: Темпора, 2017 – 972 с., ил.

² *Яворская С.Л. История, традиции и современные тенденции художественного вырезания из бумаги в Восточной Европе. / Художественное вырезание: Прощайте, традиции? Материалы 7-го Международного симпозиума. – М.: ИП Скороходов В. А., 2018, СС. 8–24.*

Ил. 1. Кустодия фигурная. Воспроизведено по: *Ситий І. Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть*. К.: Темпора, 2017, С. 928.

Кустодии могли быть и более сложными по форме, размер и форма кустодии не были стандартизированы.

Бумажная кустодия предохраняла печать от механического разрушения и от подделки, а в случае, когда кустодия вырезалась и превращалась в произведение искусства, обозначала важность документа (или, как минимум, статус канцелярии, где работали художники-вырезальщики).

Второе, на чем нужно остановиться: что это были за канцелярии, что это были за художники, и что это были за документы, которые визировались печатями и украшались ажурными кустодиями?

Материалы, собранные в Черниговском историческом музее, те, которые нас интересуют, относятся к периоду **Гетманщины**. Гетманщина – это особое государственное устройство, когда административно-территориальная и военная власть находилась в руках гетмана; при гетмане работала *ГВК* – Генеральная Войсковая Канцелярия, которая оформляла

гетманские грамоты (*универсалы*), в том числе, выданные и на *уряды* (должности) тем или иным лицам (*казакам*). Гетманщина существовала с середины XVII и до конца XVIII века на территории Левобережной Украины (современных Черниговской, Сумской, Полтавской и части Киевской и Брянской (РФ) областей); в зависимости от политической ситуации пользовалась большей или меньшей автономией, до полной инкорпорации в Российскую империю.

От личности гетмана (и его богатства) зависело состояние дел в канцелярии, поэтому наиболее замечательные образцы вырезанных кустодий относятся к середине XVIII века, когда гетманом был граф Кирилл Григорьевич *Разумовский* (с 1750 – до 1764, до упразднения Гетманщины). О художниках, работавших у него, информации у нас нет. Возможно, каким-то чудом и упорным сидением в архивах, эта информация будет найдена. К сожалению, нам это сделать не представляется возможным.

Еще один вопрос, который может быть непонятен современному человеку – вопрос о материале и технических возможностях вырезания из бумаги тех времен.

Сырьем для **бумаги** было льняное, конопляное и прочее тряпье, веревки и подобные материалы. Это сырье очень тщательно механически измельчали на водяных мельницах, вымачивали, варили с известью для очищения от грязи, красок и жира. Получали однородную массу, которая должна была бродить во влажном состоянии. Происходил процесс расщепления, расслаивания до молекулярного уровня. Черпальщик опускал в чан с бродившей массой рамку с сеточным дном: ему необходимо было зачерпнуть как можно более тонкий, но ровный слой вещества, от этого зависело качество бумаги. Заготовки промывали, отжимали на механических прессах, отбеливали, сушили, распрямляли валками, резали. Бумага получалась неоднородной по структуре¹.

Посмотрим на **инструменты** того времени. Они попадали на Черниговщину из Европы. К этому времени уже произошло «разделение»

¹ Дубина Н. Об истории изобретения и распространения бумаги <https://compuart.ru/article/9187>.

ножниц по месту использования, по типу операций: для стрижки овец – одни, раскрой тканей – другие, маникюрные тоже уже были. Ножи как инструмент были разнообразной формы, например со скошенным лезвием. Такая форма напоминает современный макетный нож¹.

Впрочем, и инструменты, и материалы заслуживают отдельного исследования, что выходит за рамки настоящего доклада.

Нам показалось интересным выполнить реконструкцию некоторых кустодий, реконструкцию не в том смысле, чтобы и материал, и инструмент строго были аутентичны, сделать это немислимо, как и затруднительно оказалось соблюсти масштаб, настолько тонкие, почти филигранные вырезанные кустодии-оригиналы... А вот попытаться реконструировать сам *рисунок* этих бумажных шедевров, понять, где и что там вырезано, показалось возможным² (ил. 2).

Ил. 2. Казак с мушкетом и арматура вокруг герба / одно из знамен Лубенского полка. Воспроизведено по: Википедия.

Было выбрано несколько кустодий: некоторые из них с

¹ Древнерусские ножи / с сайта: <https://www.mednyobraz.ru/stat/5-drevnyayarus/98-drevnerusskie-nozhi.html>.

² Для наглядности на реконструированную кустодию (кроме самой первой) сверху наклеена картинка, изображающая оттиск печати – «казак с мушкетом», стандартная печать гетманов в XVIII в.

растительным орнаментом, другие – геральдические.

В XVIII в. наиболее распространены были прорезные кустодии с растительным орнаментом. Растительный орнамент на кустодиях был симметричным (бумага складывалась пополам, а иногда и вчетверо). Вероятно также, что растительный сюжет допускал импровизацию.

Первый растительный сюжет¹: кустодия с двумя печатями – на купчей от 29.05.1730 г. Справа – городская печать Прилук (диаметром 36 мм), слева – печать Прилуцкого полкового суда (29 мм). Правая печать сильно смещена вниз и вправо, и она деформирует рисунок между печатями. Верхний элемент в центре утрачен совсем, нижний сохранился частично. Восстанавливали по аналогии: рисунок «собран» из закругленных элементов с цветами внутри (илл. 3–4).

Илл. 3. Печати Прилуцкого магистрата (справа) и полкового суда (слева) – кустодия в виде растительного орнамента. Воспроизведено по: *Ситий І. Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. К.: Темпора, 2017, С. 752, ил. 29.1.*

¹ *Ситий І. Козацька Україна... СС. 258, 752.*

Ил. 4. Реконструкция авторов.

Вторая кустодия¹: лист-наказ хорунжему (войсковой чин) Ивану Забеле от 30.07.1731 г. (выдано канцелярией ГВК при гетмане Данииле Апостоле). Диаметр печати 45 мм. Размер кустодии можно определить лишь примерно. Рисунок вырезан в результате сложения бумаги вчетверо. Он хорошо сохранился (илл. 5–6).

Ил. 5. Кустодия с растительным орнаментом. Воспроизведено по: *Ситий І.* Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. К.: Темпора, 2017, С. 902.

¹ Там же. СС. 556, 902.

Ил. 6. Реконструкция авторов.

Самая крупная из кустодий¹ с растительным орнаментом на указе от 11.03.1738 г. Диаметр печати 48 мм. Кустодия интересна сочетанием геометрического и растительного узоров. Сохранилась хорошо, с реконструкцией проблем не было (илл. 7–8).

Ил. 7. Кустодия с растительным орнаментом. Воспроизведено по: *Ситий І.* Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. К.: Темпора, 2017, С. 930.

¹ Там же. СС. 106, 556, 930.

Ил. 8. Реконструкция авторов.

Еще одна кустодия¹ с растительным сюжетом: на документе от 27.12.1743 г., размер печати – 48 мм, размер кустодии неизвестен. Сложность в восстановлении: очень замята левая сторона (илл. 9–10).

Более любопытны и насыщены символами кустодии с *геральдическими* мотивами, которые отличались высокой сложностью в изготовлении и многозначным сюжетом: с государственным и личными гербами, арматурой, и даже со щитодержателями.

Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление и вновь разъяснить употребление некоторых терминов.

Арматура – это элементы, которые располагаются позади геральдического щита; обычно это оружие (пушки, ядра, боевые топоры, мушкетеры, пики, сабли), знамена, музыка (барабаны, литавры, рожки и трубы), клейноды.

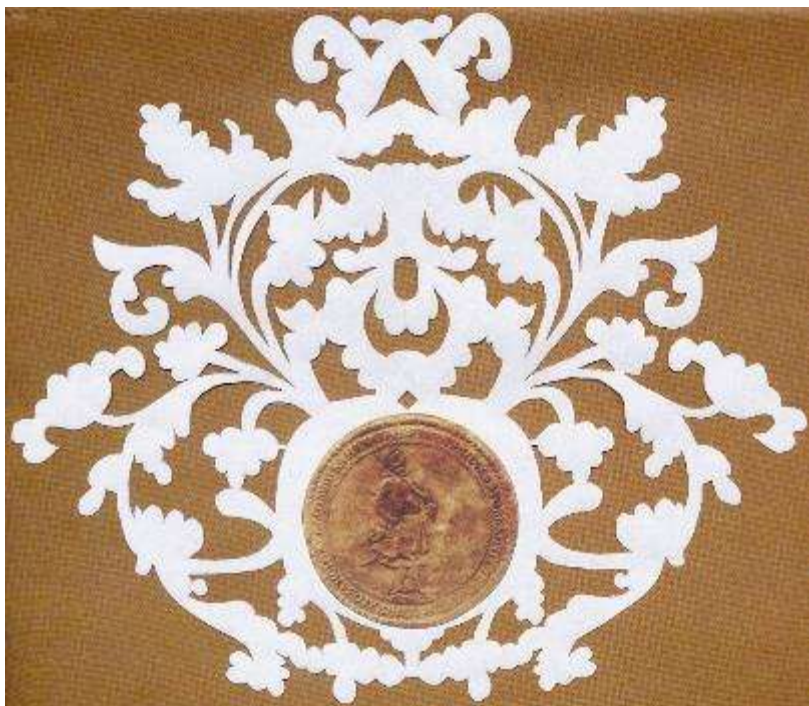
Казацкие клейноды – войсковые знаки или атрибуты власти гетмана: *знамя* (хоругвь) – обычно с крестом, символом воинской доблести; *бунчук* – символ военной власти, войсковой бунчук был сделан из волоса конского хвоста; *булава* и *пернач* (или шестопер) – также символы военной власти гетмана; литавры (*музыка*), пушки (*гарматы*) и др. (ил. 11).

¹ Там же. СС. 556, 914.

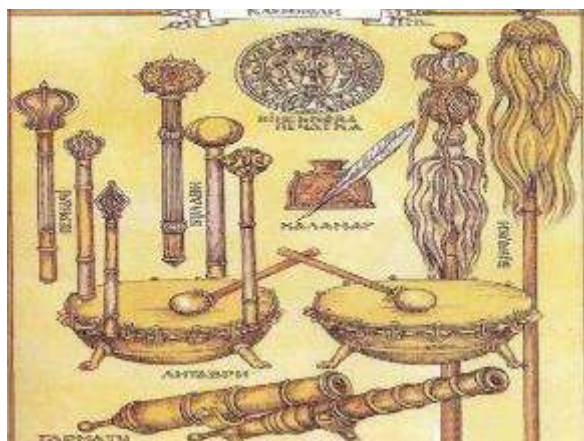

Ил. 9. Кустодия с растительным орнаментом. Воспроизведено по: *Ситий І.* Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. К.: Темпора, 2017, С. 914.

Щитодержатели – почетный элемент герба, представляющий собой человеческие, звериные или фантастические фигуры, помещающиеся по сторонам гербового щита, который они как бы несут или держат, стоя возле или позади него.

Ил. 10. Реконструкция авторов.

Ил. 11. Казакские клейноды. Воспроизведено по: <https://svitppt.com.ua/istoriya-ukraini/utvorenyya-kozackoiderzhavi-zaporozkoi-sichi.html> .

В случае с такими сложными сюжетами, каковыми являются геральдические кустодии, часто контурное вырезание не давало полной картины, и тогда, кроме ножниц и ножа, использовались и различные типы шила, которыми делали точечные отверстия, а также тупые приспособления для тиснения (нанесения насечек и вмятин). Вот эти небольшие отверстия и несквозные насечки на современной бумаге почти не видны, а на бумаге, полученной на мельницах, неоднородной по структуре, они приобretaют тени и смотрятся рельефно и контрастно.

Сложные сюжеты, как мы можем предположить, предварительно прорисовывались, а лишь затем вырезались. Впрочем, достоверно убедиться в этом, подержать документ с кустодией в руке, «вывернуть наизнанку» его, чтобы обнаружить следы прорисовки, мы не можем. Геральдическому сюжету придавалось серьезное значение, и импровизировать здесь было нежелательно.

Сразу и особо скажем о размерах. Была попытка вырезать реконструкцию в масштабе 1:1, но от этой идеи пришлось отказаться по двум причинам. Во-первых, они получались гораздо менее читаемыми. Во-вторых, требовалось большее время, умение, терпение. Поэтому почти все реконструкции, представленные здесь, *в два раза больше* оригинальных кустодий.

Разберем чуть более пристально известные нам *геральдические кустодии*. Рассмотрим их не в хронологическом порядке (поскольку все они относятся к одному времени – времени гетманства Разумовского), а в произвольном, в той последовательности, как они были нами вырезаны.

Кустодия на универсале от 3 декабря 1760 года¹ (илл. 12–13). При размере документа 60,6 на 48 см, ее размер 19 на 23 см. Особо стоит отметить диаметр печати – 85 мм, это в два раза больше, чем обычно: у предыдущих гетманов, до Разумовского, размер печати составлял от 40 до 48 мм.

¹ Там же. СС. 108–109, 891.

Ил. 12. Геральдическая кустодия на универсале Генеральной войсковой канцелярии 1760 г. Воспроизведено по: *Ситий І.* Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. К.: Темпора, 2017, С. 109, 891.

Печать окружает ажурная рамка, вверху – шлем, увенчанный графской короною, на которой герб России. По сторонам, чуть ниже, на копьях сидят коронованные орлы, под ними казацкие клейноды – булавы и перначи. С обеих сторон печати вырезаны изображения знамен, ружей, пушек, сабель, боевых топоров, бомб и барабанов. Все эти фигуры обрамляются переплетенными ветвями с цветами и гроздьями винограда.

Композиция воспроизводит государственные символы России (двуглавый орел сверху, знамена с двуглавым орлом) и гетманской власти (булава, пернач, бунчук и знамена с крестами), здесь же мы видим и фигуры из личного герба гетмана Кирилла Разумовского (два орла, сидящих справа и слева от двуглавого орла на древках бунчуков).

Ил. 13. Геральдическая кустодия (1760 г.). Реконструкция авторов.

Стоит сказать несколько слов по поводу герба Разумовского: «золотым по черному полю разделенный щит с изображенным на нем... *двоглавым орлом*... переменных с полями цветов..., а на груди сего орла голубой щиток, содержащий... *родовой герб фамилии Разумовских*»¹ (ил. 14).

¹ Гербовед / сост. и вступ. ст. О. Н. Наумова. М.: Terra, 2003. С. 167–170. Там же, на СС. 153–166, приведены и гербы Алексея Разумовского, где орел Священной Римской империи, также двуглавый, «*располовинен*» – «располовинчатый черный орел из краев щита к середине обращенный» помещен в «продолговатых шахматных полях голубого и серебряного цветов... с обоих боков щита».

Ил. 14. Герб Разумовского. Воспроизведено по: Гербовед / сост. и вступ. ст. О. Н. Наумова. М.: Terra, 2003. С. 167–170.

Вот этот двуглавый орел переменных цветов и был прочитан как фигура, образованная соединением двух орлов, каждого из которых *по отдельности* и изобразил художник на этой кустодии.

Кустодия хорошо сохранилась. Сложность реконструкции заключалась в точном прочтении и повторении всех деталей. Ряды проколов иногда использованы для разделения элементов.

Следующая кустодия – с универсала 1748 г.¹ (илл. 15–16).

Она примечательна тем, что перепутаны местами у двуглавого орла скипетр и держава (вероятно потому, что рисовали и резали с изнанки, а после того, как кустодию перевернули, получилось, что получилось – при прорисовке принцип зеркальности почему-то не был учтен), российские знамена не видны, казацкие (с крестом) хорошо читаются. На груди двуглавого орла тушью акцентирован вензель императрицы Елизаветы. Сама кустодия несимметрична (эта, как и предыдущая, кустодия не симметрична в части «скипетр-держава»: требовалось учесть изменение рисунка и вырезать отдельно) и немного деформирована, вероятно потому, что печать была притиснута со смещением.

¹ *Ситий І.* Козацька Україна... СС. 110, 893.

Ил. 15. Геральдическая кустодия на универсале Генеральной войсковой канцелярии 1748 г. Воспроизведено по: *Ситий І.* Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. К.: Темпора, 2017, СС. 110, 893.

Кустодия в хорошей сохранности. Замята и загнута правая к зрителю сторона с самого края, но симметрия позволила дорисовать недостающие элементы.

Еще одна кустодия – с универсала от 15 мая 1746 г. Петру Юркевичу¹ (илл. 17–18). Размер кустодии – 16,5 на 19,5 см. Печать – 46 мм.

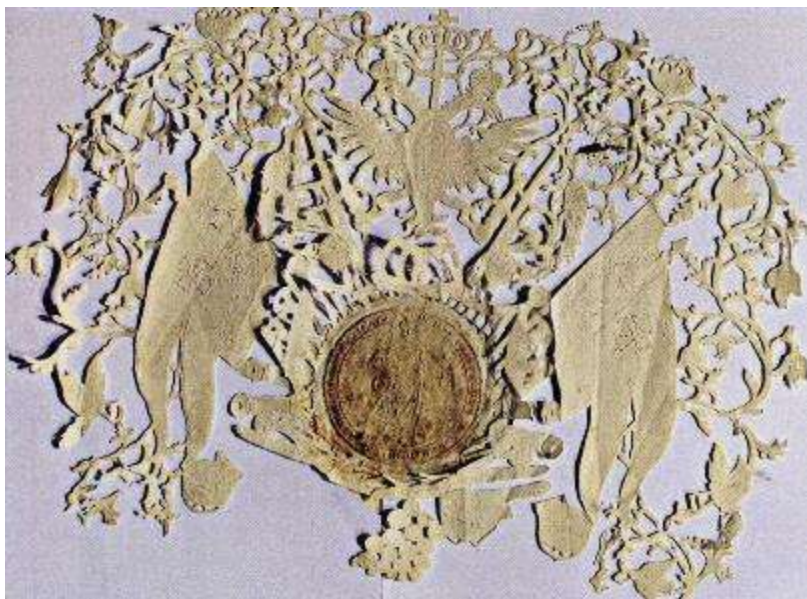
¹ Там же. СС. 109, 930.

Ил. 16. Геральдическая кустодия (1748 г.). Реконструкция авторов.

Рисунок имеет много свободно висящих «хвостиков», поэтому кустодия сильно повреждена (замытости, отрывы), особенно в нижней части. Впрочем, такую особенность этой кустодии немного подкорректировали: корона, поскольку она – существенная фигура композиции, над двуглавым орлом не «висит в воздухе», отдельно от орла, а опирается на *крест*, который не имеет какого-то особого тайного смысла, а является соединительным элементом.

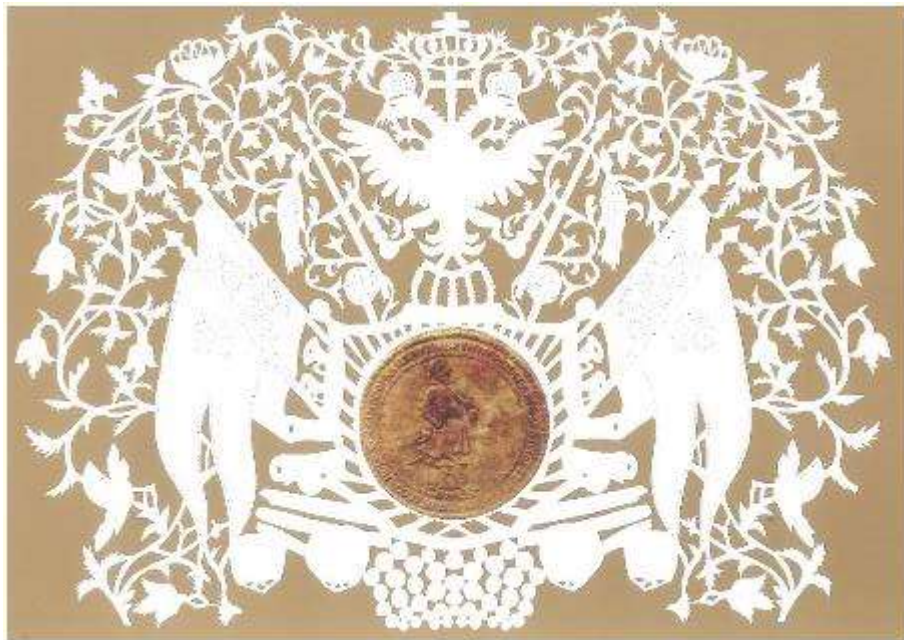
К особенностям кустодии можно отнести и «излишнюю» симметрию, в результате которой у орла в лапах оказалось два скипетра. Видимо, ошибку не посчитали очень значимой. Кстати, именно симметрия позволила нам довольно точно выполнить реконструкцию рисунка и восстановить утраченные элементы.

Ил. 17. Геральдическая кустодия на универсале Генеральной войсковой канцелярии от 15.05.1746 г. на уряд атамана генеральной артиллерии Петру Юркевичу. Воспроизведено по: *Ситий І.* Козацька Україна: печатки, герби, знаки та емблеми кінця XVI–XVIII століть. К.: Темпора, 2017, С. 930.

Что еще здесь обращает на себя внимание: на кустодии читаются и знамена российские (прямоугольные, с угадываемым двуглавым орлом), и знамена казацкие, с двумя косицами и крестом. Видны бунчук, булава, пушки, литавры с палками, и часть из 36 ядер.

Реконструкция этого рисунка оказалась самой долгой. Утеряны нижние фигуры, частично с обеих сторон. Смятие бумаги около печати усложнило прочтение элементов арматуры. Некоторые мелкие детали удалось восстановить, но их не удалось прочесть, понять.

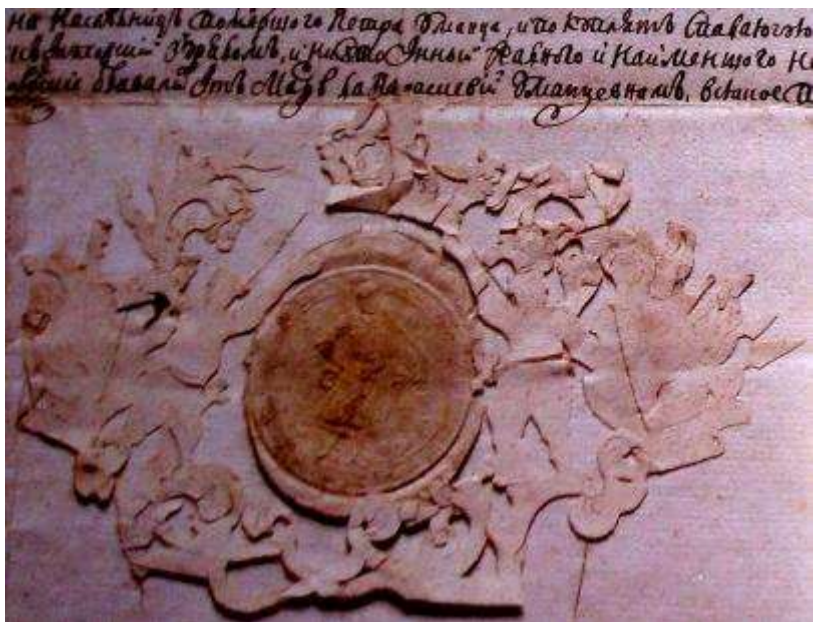

Ил. 18. Геральдическая кустодия (1746 г.). Реконструкция авторов.

Наконец, представляет несомненный интерес кустодия со щито-держателями¹ (илл. 19–20).

Размер кустодии 18 на 12 см. Печать на документе *после* 1762 г., но не позднее 1764 г. (в тексте упомянут «наследник *помершего*» Петра Уманца, бывшего в 1761–176 г. глуховским сотником; а в 1764 г. Гетманщина была уже упразднена). Кустодия сильно повреждена, поэтому ее реконструкция выполнена в некоторой части интуитивно.

¹ Українська витинанка. – Київ, 2013, С. 92.

Ил. 19. Кустодия со щитодержателями. Воспроизведено по: Українська витинанка. К.: 2013, С. 92. Фотография кустодии предоставлена С. Яворской.

Ил. 20. Кустодия со щитодержателями. Реконструкция авторов.

Вокруг печати ГВК с гербом Войска Запорожского («казак с

мушкетом») довольно сложная композиция: два щитодержателя (казаки с обнаженным торсом и оседельцем на голове) одной рукой держат над оттиском корону с пятью дужками, другой – кирасу, над которой – рыцарский шлем. Из-за кирасы в сторону выходит воинская арматура (тиснением): пернач, труба, бунчук, знамена и три пушки. Над казаками – растительный орнамент, он же и внизу, служащий как бы постаментом под щитодержателями и придающий всей композиции законченность.

Появление кирасы объясняется весьма просто – эта фигура элемент герба того же гетмана Разумовского («серебряная лата», «пробитую двумя красными стрелами поперек», «древний родовой герб фамилии Разумовских» – правда, без стрел), подобно тем орлам, о которых сказано выше. Вместо графской короны мы видим некую произвольную корону – не то герцогскую, не то княжескую, что тоже вполне объяснимо: «гетман всея Малыя России, обеих сторон Днепра и войск запорожских», мнил себя едва ли не государем-основателем княжества...

На этом мы завершаем обзор художественных кустодий, этих маленьких и хрупких шедевров прикладного искусства, которые мы попытались воспроизвести своими руками...

Об авторах, художниках и редакторах

Эйтан Адам. Родился в Ленинграде в семье литераторов-шестидесятников. С 15 лет живет в Израиле. Ветеран 1-ой Ливанской войны, пехотный санинструктор, в рядах бригады «Голани» дошел до Бейрута.

Математик и программист, учился в Технионе и в университете имени Бен-Гуриона, около 30 лет проработал в израильском хай-теке. Изучал биоинформатику в Колледже менеджмента. Изучал герменевтику и культурологию в магистратуре университета имени Бар-Илана. Ученик Центра изучения Каббалы.

Регулярно читает лекции по истории и литературе в Доме ученых Хайфы и в Клубе книголюбов. Пишет стихи, прозу, статьи, пьесы. Призер Международных конкурсов драматургии «Весь мир – театр. Новое слово для сцены» в 2021 г., пьеса «Неброское наследство», и в 2022 г., пьеса «После любви». Автор романа «Апостолы державы дураков» (Израиль, 2023). Ведет свой канал:

https://www.youtube.com/@Eytan_Adam .

Анатолий Анимца. Родился в 1947 году в греческом селе Кременевка возле Мариуполя (Донецкая область, Украина). В 1970 году закончил МИИТ (Москва). Инженер по вычислительной технике. Программист, электроник, экономист, изобретатель, яхтсмен.

Владимир Аролович. Родился 14.02.52 во Львове. Рос и учился в Днепропетровске. Техникум, армия, институт. Уехал по направлению в Запорожье.

21 год горячего стажа на заводе «Запорожсталь». В 1992 г. приехал в Израиль. С 1996 г. живет в Твери. Работал на стройке рабочим, прорабом, инженером по надзору.

Любимые города: Киев, Львов, Ленинград.

Член литобъединения «Волны Кинерета», член правления Союза Русскоязычных Писателей

Израиля.

Лауреат премии им. Давида Самойлова в 2017 г. за книгу «Я зашил шипы в рубашку».

Автор книг стихов и прозы: «Безбилетник» (2010, Украина); «На висках вот белею» (2011, Украина); «Эпизоды» (2012, Тель-Авив); «Бросьте мне пару слов» (2013, в эл. виде); «Слой за слоем» (2014, в эл. виде); «Пишу подчас фигню» (2015, в эл. виде); «В остывшем костре», (2015, в эл. виде); «Хайку» (2015, в эл. виде); «Я зашил шипы в рубашку» (2017, Тель-Авив); «Зонт из дождя» (2021, в эл. виде).

Ангела Беленко. Родилась в Одессе в 1955 году. Профессия – воспитатель детского сада, педагог дополнительного образования. Организатор, руководитель детских мультипликационных студий в Крыму и Фестиваля детского анимационного творчества «Чудо-остров».

Писать стихи и сказки начала в 45 лет, публикации в ялтинском литературном альманахе, в сборнике крымских авторов, участие в литературных конкурсах. Автор нескольких книг.

Алла Герценштейн. Родилась в Ленинграде в семье директора театра и студентки Театрального института. Пережила блокаду и гибель матери, была в детском доме вплоть до снятия блокады в 1944 году. Закончила Ленинградский университет (французское отделение, специальность – романская филология). Будучи студенткой, опубликовала перевод «Сказки о Розе» Пьера Гамарра. Всю жизнь преподавала французский. До эмиграции в Канаду находилась десять лет в «отказе». Живет

в Канаде.

[Борис Годин]. 1950, Харьков – 2023, Хайфа. Окончил харьковскую физико-математическую школу №27, вечернее отделение ХПИ, машиностроительный факультет. Профессия: инженер-механик. Совершил Алию в Израиль 26.03.1993. В Израиле работал по специальности. С 2016 года доброволец в Яд ва-Шем.

Леонид Диневи́ч. Родился в 1941 году, за десять дней до начала войны, в селе Оноры на Сахалине. Окончил Одесский гидрометеорологический институт в 1965 году. Кандидат физико-математических наук (1977). Возглавлял крупнейшую в СССР военизированную службу по активным воздействиям на гидрометеорологические процессы в Молдавии. Генерал-лейтенант гидрометеослужбы. Доктор физико-математических наук (1992). В 1991–1994 годах – научный сотрудник Еврейского университета в Иерусалиме, с 1994 года – отделения зоологии Тель-Авивского университета, профессор. Председатель форума ученых и специалистов Израиля.

Живет в Израиле, активно участвует в общественной, научной и политической жизни страны, публикует статьи, книги, выступает с

докладами перед научной общественностью.

Игорь Леш (Шмеркович Игорь Леонидович). Родился 02.04.1949 в Харькове. Окончил харьковскую 27 физ-мат. школу и ХИРЭ, Харьковский институт радиоэлектроники. Работал в СССР инженером и еще много где и кем. Имеет двух детей, сына и дочь 1975 и 1979 г. р.

Репатриировался в Израиль в 2019 году. Живет в Хайфе. С 1982 года начал писать, автор стихов и рассказов.

Публикуется в журнале «(((Сонар)))», на «Прозе.ру», «Стихи.ру» и других изданиях.

Ирина Лир. Член Союза русскоязычных писателей Израиля. Автор художественных рассказов, мемуаров и соавтор четырехязычного словаря «Растения Израиля». Мастер нейролингвистического программирования. Хобби – художественная керамика. По основной специальности – химик-технолог в области биомедицинских полимерных материалов. Доктор технических наук. 56 научных публикаций и патентов. Репатриировалась из Москвы в апреле 1991 года. Выпускница Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева. В Москве работала в Институте медицинской техники, в Израиле – в Израильском технологическом институте Технион, в хай-теке и в химической промышленности. Живет в Хайфе.

Альберт Ноткин. Родился в России в 1945 г. В 1967 году окончил государственный университет в Нальчике по специальности инженер-строитель. С 1968 по 2001 год работал архитектором, затем главным архитектором в проектных организациях Пятигорска и Нальчика.

В 2001 году репатриировался в Израиль. с 2003

по 2015 год – руководитель научного центра «Гамма», кружков архитектуры и дизайна, преподаватель в государственных университетах Нальчика и Пятигорска. Член Израильской независимой академии развития науки ИНАРН, автор стихов и эссе на сайтах stih.ru и proza.ru, автор научных докладов в ИНАРН и Доме ученых Хайфы. Живет в Акко.

[Жан-Клод Паскаль] (наст. фамилия **Вильмино**, 1927–1992). Французский актер театра и кино, певец и писатель. Один из самых популярных киноактеров в 1950–60 годах. Он снялся в более чем 50 фильмах во Франции, Италии и Испании. В 1970-х годах активно снимался в телесериалах в Швейцарии: «Время жить, время любить», «Хирург из Сен-Шада», «Как не выйти замуж за миллионера». Начиная с 1955 года стал исполнять песни своих друзей Жильбера Беко и Жака Бреля, а также Сержа Гинзбурга. Он издал 53 альбома пластинок и до 1983 года был «посланником» французской песни за рубежом.

В 1986 году Ж.-К. Паскаль опубликовал автобиографическую книгу «Красивая маска», ряд других книг, а затем два исторических исследования «Проклятая королева» в 1988 году (о Марии Стюарт) и «Любовник короля» в 1991 году (о Людовике XIII).

Борис Полищук. Работал такелажником, учителем, журналистом, инженером. Прозаик, драматург, публиковался в журналах «Звезда», «Нева», во многих альманахах и сборниках рассказов и пьес в России и в США, статьи и очерки печатались в различных газетах России, США, Израиля. Победитель конкурса драматургов, посвященного 300-летию Петербурга, международного конкурса памяти

Розова, приз за лучший рассказ, опубликованный в «Звезде». Автор книги «Близкое и смешное». По рассказам снят фильм «Лаборатория», удостоенный нескольких премий. 3 пьесы шли на сценах петербургских театров. Живет в Хайфе.

Марина Симкина. Большую часть жизни прожила в Ленинграде/Петербурге и уже много лет – в Израиле, в Хайфе. Инженер и учитель математики. Публикации в альманахах и периодических изданиях Израиля, России и других стран. Поэт, прозаик, редактор, руководитель хайфской литературной студии «Анахну» (в переводе с иврита – «Мы»). Автор книги стихов «Некоторый возраст». Ведет YOUTUBE-канал Студии «АНАХНУ» и Дома ученых Хайфы:

<https://www.youtube.com/@marinasimkin3157> .

София Шегель. Родилась в Киеве. Окончила Вильнюсский университет, историко-филологический факультет. Работала в белорусском книжном издательстве «Вышэйшая школа», литовском издательстве «Минтис» («Мысль»). В Израиле с 1989 года, работала в газете «Наша страна», затем «Новости недели». Публиковалась в литовской, белорусской, украинской, московской и израильской периодике. Занимается переводами с литовского и славянских языков на русский. Живет в Ашдоде.

Александр Шпунтов. Геральдист-исследователь. Родился в 1963 в г. Стародуб Брянской обл. В 1985 г. окончил ЛИИЖТ (Ленинградский институт ж/д транспорта) по специальности инженер-строитель. Работал на различных предприятиях. В 2010-х преподавал в РГГУ (Тверь), служил при православном храме. Автор нескольких книг и ряда статей по

геральдике и генеалогии.

Маргарита Шпунтова. Родилась в 1962 г. в Тверской обл. В 1985 г. окончила ЛИИЖТ по специальности инженер-строитель. Работала преподавателем, в настоящее время пенсионер. Увлекается вырезанием из бумаги, принимала участие в международных выставках и конференциях, посвященных декоративно-прикладному искусству.

Галерея (((СОНАР)))

Альберт Ноткин

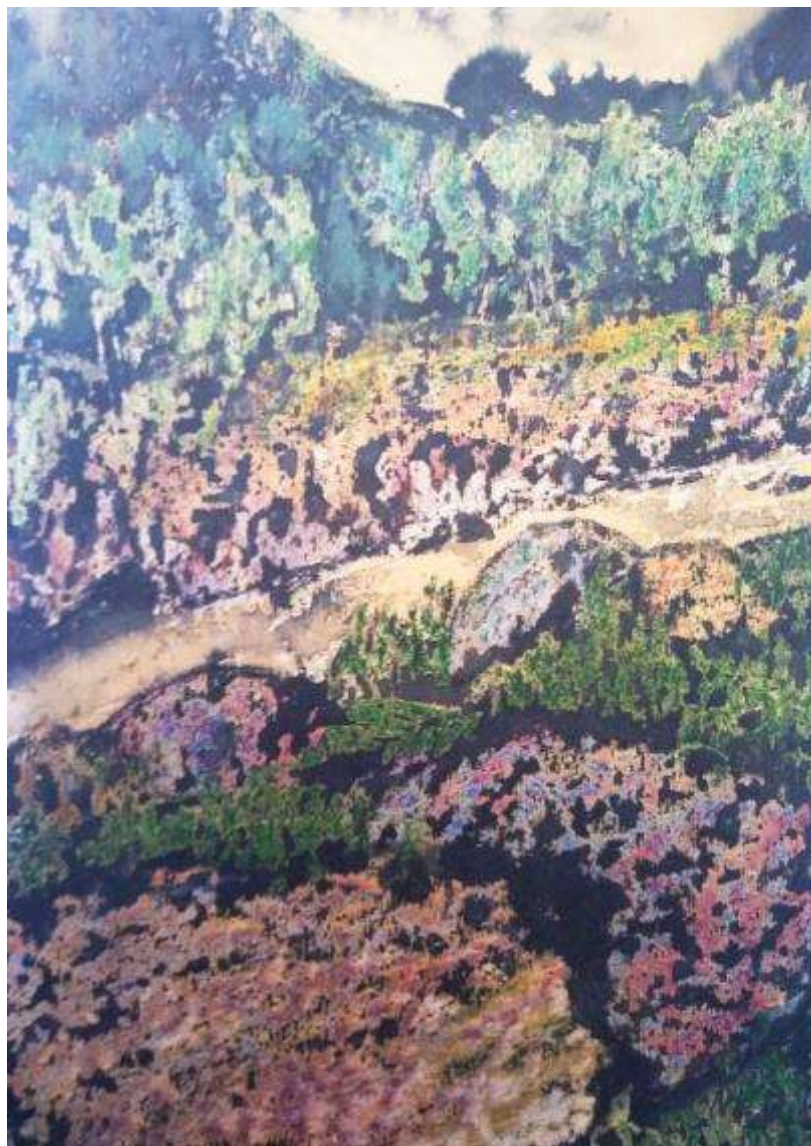
Пейзажи архитектора Альберта Ноткина (г. Акко, Израиль) выполнены на бумаге для рисования, в технике жировой пастели с использованием акварели, цветных и черных чернил (смешанная техника). Представлены работы с 1970-х годов XX века до написанных в настоящее время.

Река Баксан. Триптих

Дождь

Баксан

В ущелье Адыл-Су

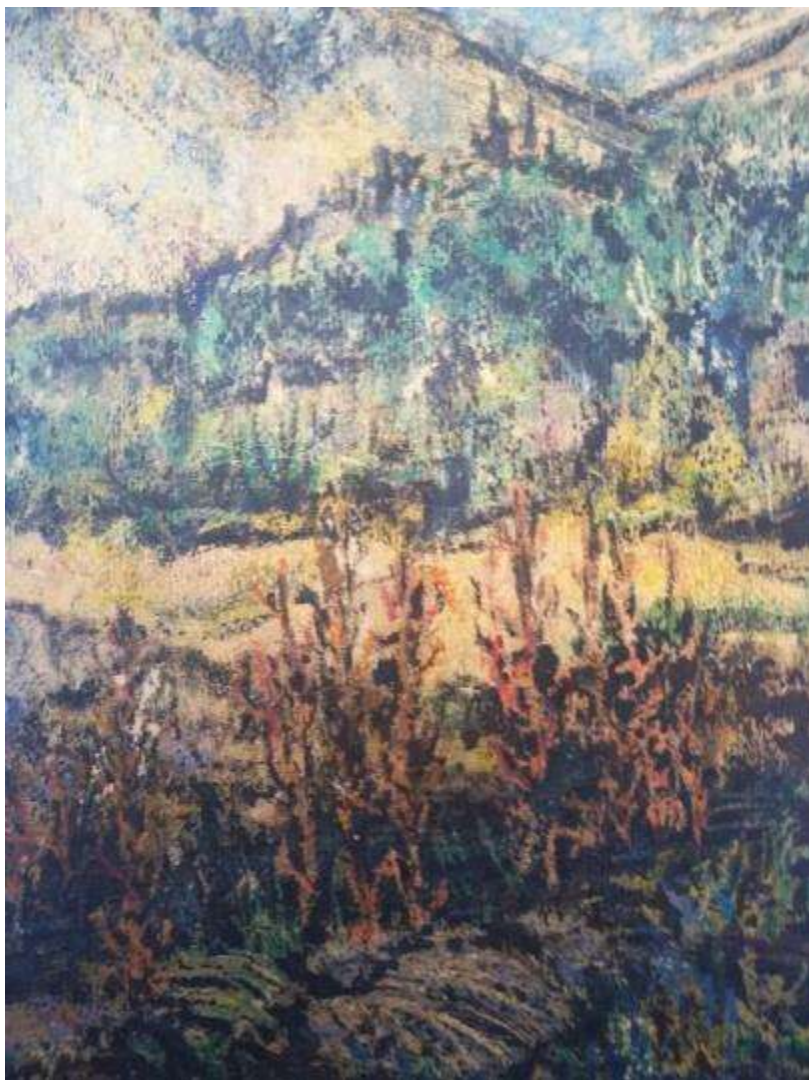
Предгорье Хара Хора

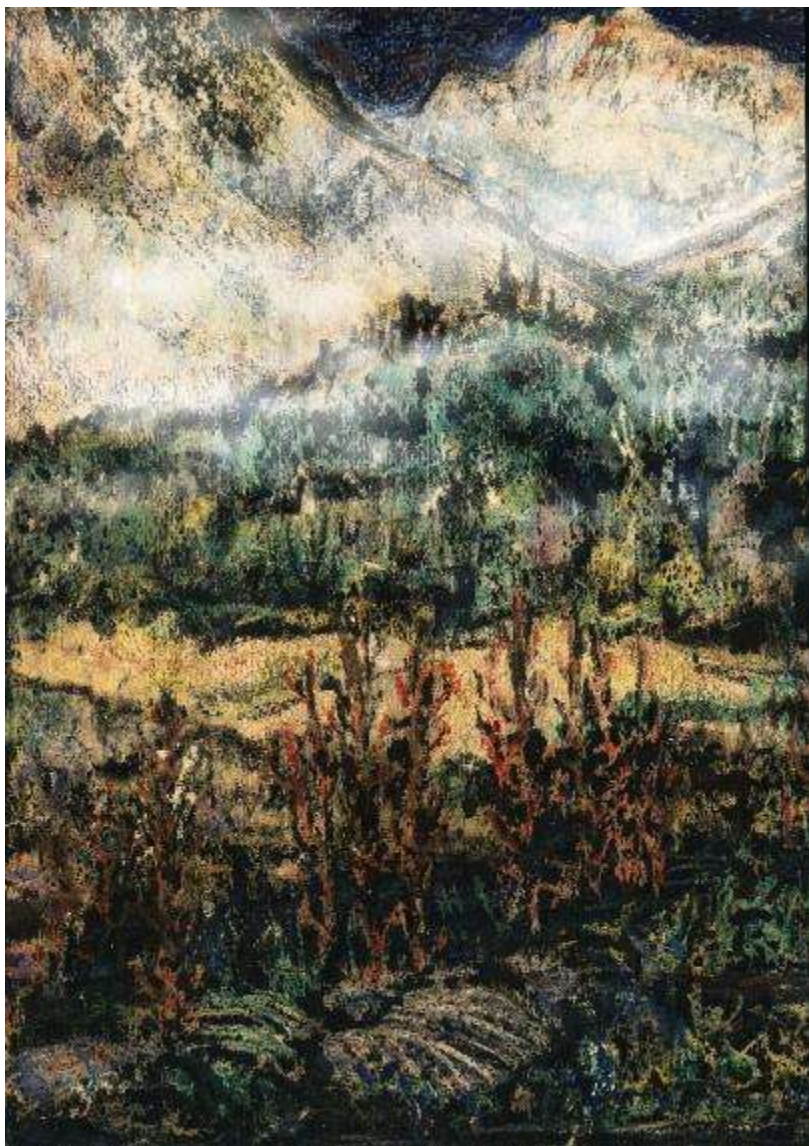
Холмы Израиля

Перед бурей

Шхельда

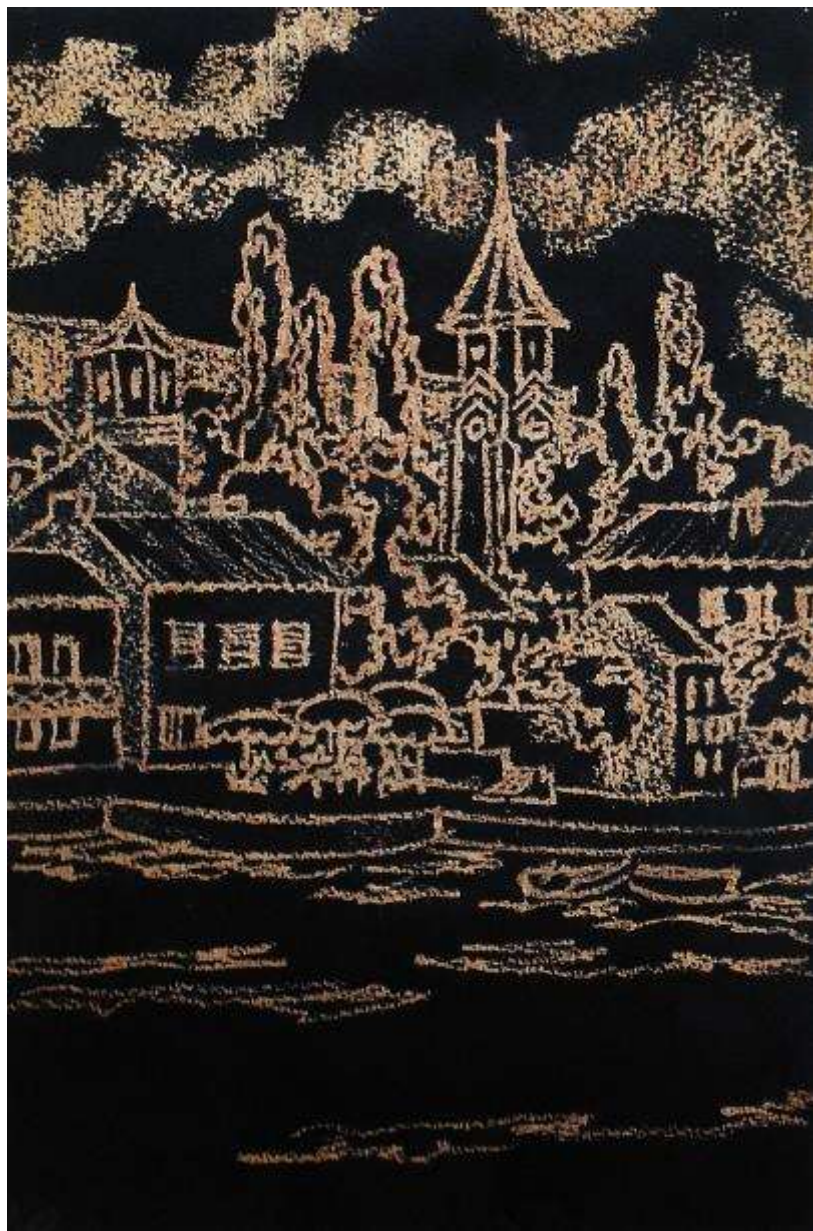
В ущелье Шхельды

Закат на Вуоксе

Лунная ночь на Вуоксе

Югославия. Ночной берег

Рав

Литературно-публицистический журнал

(((СОНАР))) № 11, 2023 г.

Редакция СОНАР, Хайфа, Израиль